

«Беларуская турэмная літаратура»
2017

СЕРЫЯ
«БЕЛАРУСКАЯ ТУРЭМНАЯ ЛІТАРАТУРА»
заснаваная ў 2017 годзе
распрацаваная Праваабарончым цэнтрам «Вясна»

Дрозд, З.

Бунт батанікаў : дзённік / Зміцер Дрозд. — Мінск, 2017. — 258 с. : іл. — (Серыя «Беларуская турэмная літаратура» ; вып. 1).

Беларуская турэмная сістэма практычна закрытая ад грамадскасці. Толькі той, хто асабіста прайшоў праз турэмнае зняволенне, ведае, у якіх умовах і па якіх законах жывуць асуджаныя. У сучаснай Беларусі крымінальны пераслед выкарыстоўваецца ўладамі як сродак пакарання грамадскіх актывістаў, прадстаўнікоў апазіцыйных колаў за іх дзейнасць. Палітзняволеныя ў Беларусі, паводле савецкіх традыцыяў, у турмах пераследуюцца адмыслова. Важна захаваць і данесці да беларускага грамадства сведчанні ахвяраў палітычных рэпрэсіяў. Беларуская сучасная гісторыя працягаецца і за турэмнымі мурамі.

Дзённік Змітра Дразда «Бунт батанікаў» — першая дакументальная кніга выдавецкай серыі «Беларуская турэмная літаратура».

Яе аўтар з’яўляецца адным з палітычных зняволеных, якія трапілі за краты пасля акцыі пратэсту супраць фальсіфікацыі вынікаў прэзідэнцкіх выбараў, якая адбылася 19 снежня 2010 года. Дзённік веўся на працягу амаль сямі месяцаў: з першых дзён затрымання 19.12.2010 і да самага вызвалення. Мова арыгінала захаваная, іншыя тэксты Змітра Дразда, уключаныя ў кнігу, былі напісаныя пазней па-беларуску альбо перакладзеныя на беларускую мову.

Рэдактар: Алена Лапцёнак
Мастак: Віктар Корзун
Карэктар: Алена Сяргейчык

ВЯСНА
праваабарончы цэнтр

Зміцер ДРОЗД

Бунт Батанікаў

«Беларуская турэмная літаратура»
Мінск
2017

Змест

Ад аўтара.. 7

Прадмова... 13

Бунт ботаников... 29

Послесловие.. 189

Каментары.. 197

Слоўнічак.. 242

Последнее слово.. 245

Письмо маме.. 253

Зміцер Дрозд на руінах палаца Адама Хмары ў Сёмкаве, дзе працаваў ягоны прадзед. Фота Вікторыі Паўлючук

Ад аўтара

«Бунт батанікаў» — гэта не мастацкі твор, калі пад мастацкасцю разумець выдумку, фантазію аўтара. Гэта дакументальная кніга, кніга-дзённік, які я пісаў амаль сем месяцаў, з першых дзён затрымання 19 снежня 2010 года да самага вызвалення. Апошнія радкі напісаныя за некалькі хвілін да выхаду на волю ў «адстойніку» КП-1 ПК-2 (кантрольны пункт № 1 папраўчай калоніі № 2 у горадзе Бабруйску).

«Бунт батанікаў» — гэта своеасаблівая энцыклапедыя турэмнага жыцця ў сучаснай Беларусі: па ходзе сюжэту я пастараўся суправадзіць каментарамі многія аспекты знаходжання за кратамі, тое, што стала для мяне самога адкрыццём і, магчыма, будзе цікавае чытачу. Калі ён, вядома, не быў раней судзімы, паколькі, відавочна, веды аўтара гэтай тэматыкі можна назваць вельмі павярхоўнымі — усётакі тэрмін адсідкі быў зусім невялікі.

Напісанне гэтага дзённіка было выклікана не толькі жаданнем аўтара, які не разлічвае на сваю «курыную» памяць, запомніць усё, што адбывалася, задакументаваць зусім нечаканае падарожжа, падобнае да падарожжа Міклухі-Маклая ў свет людаедаў (на жаль, гэты вобраз не мастацкая гіпербала — у калоніі побач з намі жыў рэальны людаед, а забойцы былі звычайнай з’явай), з незразумелымі і дзікімі звычаямі, табу і рытуаламі. Выклікана яно было вельмі практычнай неабходнасцю ў бессэнсоўныя і

аднастайныя дні скрасці ў вечнасці зняволення (на самай справе, у турме нават суткі цягнуцца даволі доўга) гадзіну-другую.

Назва гэтай кнігі ўзнікла раптам на адным з судовых пасяджэнняў і неаднаразова ўсплывала ў памяці, калі я бачыў побач з двухметровымі «шафамі» (спецназаўцамі, ахоўнікамі і іншымі людзьмі ў пагонах) нас — маленькіх, шчуплых, фізічна слабых, часцей былых выдатнікаў, з адной, а часам і дзвюма вышэйшымі адукацыямі, многія з іх пішуць вершы (пазней Аляксандр Фядута ўкладзе цэлую анталогію творчасці палітычных вязняў «Голас волі з-за кратаў»), шмат хто — з абавязковым атрыбутам — акулярамі. Такія тыповыя «батанікі». Мне здаецца, часта самі прадстаўнікі сілавых структур і суддзі глядзелі на нас з недаверам: і гэтыя людзі сталі арганізатарамі і ўдзельнікамі «масавых беспарадкаў, якія суправаджаліся гвалтам над асобай, пагромамі, падпаламі, знішчэннем маёмасці або ўзброеным супрацівам прадстаўнікам улады» (а менавіта так гучыць артыкул, па якім мы былі асуджаныя)? Не верым!

Напэўна, такое наша жыццё, што толькі рамантыкі і паэты, г. зн. людзі, якія больш за ўсё прагнуць не ўлады, а справядлівасці, змаглі падняць голас і ўдарыць хоць пару разоў па дзвярах Дома ўрада — як аднаго з сімвалаў гэтага саўгаснага ладу. Бо ўсе астатнія або прыбіліся да кармушкі, або жывуць хоць і небагата, але кіруючыся прынцыпам «абы вайны не было», заплюшчыўшы вочы на такія адцягненыя ад жыцця паняцці, як «справядлівасць» ці «праўда».

І тым вышэйшы і значнейшы ўчынак маіх паплечнікаў — і сотняў іншых грамадзян (бо на Плошчу выйшлі і дзяўчаты, і жанчыны, і пажылыя людзі), якія, нібы бяззбройны Давід, выступілі на бой супраць галіяфаў, узброеных з галавы да ног (і не толькі шчытамі і дубінкамі, але і вадамётамі, агнястрэльнай зброяй), навучаных бязлітасна душыць любы пратэст, гатовых выканаць любы загад свайго гаспадара. Ні ў каго з нас не было сумневу: калі ім загадаюць у нас страляць — яны гэта выканаюць, не

здрыгануўшыся. І хай у той дзень яны лёгка задушылі наш «бунт батанікаў», я ўпэўнены, што і тады, і ў гістарычным плане маральная перамога была і будзе за намі — тымі, хто выйшаў на бой супраць дыктатуры аднаго чалавека за аднаўленне канстытуцыйных правоў кожнага грамадзяніна Беларусі.

Неверагодную смеласць і непахіснасць прадэманстравалі шматлікія «батанікі» і на Плошчы, і на следстве, і на судах, і пасля іх, апынуўшыся ў зусім незнаёмым, чужым, бязлітасным свеце турмаў і зон. Хай пад неверагодным ціскам, запалохваннем або катаваннямі хтосьці з нас на нейкім этапе гэтага доўгага і цяжкага шляху, на думку гледача, які сядзіць ва ўтульным крэсле і патрабуе ад усіх, акрамя сябе, подзвігу, усвядоміў, што сіл больш няма, а хтосьці гераічна прайшоў шлях да канца — кожны, хто выйшаў у той дзень на Плошчу, можа лічыць сябе Героем.

«Бунт батанікаў» — гэта мае турэмныя дзённікі (у множным ліку — выключна таму, што займаюць яны тры сшыткі, хоць і апавядаюць пра адну расцягнутую ў часе падзею і з'яўляюцца адзіным цэлым), і менавіта асаблівасцямі дзённікавага жанру абумоўлены як недахопы гэтай кнігі, так і, хацелася б верыць, яе вартасці.

Да першых аднясу суб'ектыўнасць: усё-ткі дзённік — гэта погляд аднаго чалавека на тое, што адбываецца — звонку і ўсярэдзіне яго. Погляд, які калі і прэтэндуе на ісціну або праўду, то выключна на яго асабістую, унутраную, а не на ўсеагульную. Першапачаткова любы дзённік не разлічаны не толькі на публікацыю, але і на якога-небудзь чытача наогул — калі, вядома, аўтар не лічыць сябе літаратарам (а аўтар сябе такім лічыць, і, значыць, не выключае магчымасці, што калі-небудзь гэтыя дзённікі могуць убачыць свет).

Паколькі гэтыя сшыткі пісаліся ў выключных умовах — у турме, ды яшчэ большай часткай да суда, — то аўтар разумеў, што ў любы момант яны могуць трапіць у рукі непажаданага чытача — г. зн. апынуцца на стале ў следчага. Што, уласна, і адбылося, калі падчас ператру-

су ў маёй кватэры забралі першы том гэтага дзённіка, дзе сышчыкі дарэмна спадзяваліся знайсці нейкія патрэбныя ім факты. Яны так нічога і не адшукалі, і гэты дзённік не стаў рэчыўным доказам, далучаным да абвінавачвання. Акрамя таго, мне даводзілася быць асцярожным і ў выказваннях датычна людзей, з якімі разам я сядзеў, а з некаторымі з іх у мяне ўзнікалі розныя канфлікты, якія істотна ўскладнялі і без таго няпростае жыццё.

Толькі цяпер, праз шэсць гадоў, я магу адкрыта расказаць пра нейкія падзеі, якія адбыліся да 19 снежня 2010 года і пасля, і магу расчараваць чытача загадзя: тут не будзе ніякіх сенсацый аб падрыхтоўцы «штурму Дома ўрада» і да таго падобнага. У прадмове я распавяду пра тое, што было на самай справе, у чым я ўдзельнічаў, што ведаў, — і скажу шчыра, гэтая праўда вельмі б засмуціла нашых следчых — ніякага грандыёзнага сцэнарыя або змовы не было, ці са мной гэтым не падзяліліся, акрамя аднаго сакрэтнага плана, пра які распавяду ніжэй.

Да недахопаў можна аднесці і тое, што часам дзённік ператвараўся ў самы дрэнны жанр — у жанр нудны, роўна настолькі, наколькі было нуднае і аднастайнае турэмнае жыццё. Тэкст кідаўся за настроем яго аўтара — ад глыбокай дэпрэсіі і нежадання жыць да ўпэўненасці, што ўсё ўрэшце будзе добра, што і адбылося. Натуральна, дзённік не пазбег некаторых паўтораў, хаджэння па коле, бо неспакойная думка чалавека, які чакае суда і прыгавораны да даволі доўгага тэрміну (вядома, усё адносна, і тры гады — гэта не пяць і не шэсць), пастаянна блукала ў адных і тых жа нетрах. Гэта не было заўважна пры напісанні тэксту, калі разрыў паміж запісамі, бывала, складаў тыдзень, але пры чытанні ўсіх дзён запар часам кідаецца ў вочы чытачу.

Да вартасцяў жанру аднясём тое, што гэта дакумент, і пры веданні вядомага правіла «хлусіць, як відавочца» ён можа даць самае дакладнае веданне таго, што адбылося, — так, як гэта было на самай справе, у рэальнасці, але, як было сказана вышэй, — гэта погляд толькі з аднаго, аўтарскага пункту гледжання. Пры гэтым менавіта дзённік дае

найлепшую магчымасць чытачу не толькі суперажываць герою, як гэта бывае з мастацкімі творамі, але і перажыць рэальнае жыццё — бо ўсё, што апісана ў гэтай кнізе, — гэта праўда, а не літаратурная выдумка.

Каб істотна павысіць дакументальную каштоўнасць гэтай крыніцы, аўтар, з'яўляючыся гісторыкам па адукацыі, шчодра праілюстраваў тэкст фатаграфіямі і рэальнымі дакументамі. Яны даюць магчымасць прасачыць ход падзей не толькі па яго суб'ектыўным уяўленні, але і па нейкай аб'ектыўнай (неабавязкова праўдзівай) крыніцы, якой, безумоўна, з'яўляюцца дакументы аб затрыманні, вобшуку, допытах, падчас судовага паседжання і да т. п. Дзякуючы ім аўтар можа не толькі рваць майку на грудзях з крыкам: «Я нікому не здрадзіў!», але і прад'явіць дакументальныя доказы гэтага.

Тэкст, які трапіў у кнігу, практычна не рэдагаваўся, акрамя выпраўлення памылак і выключэння з публікацыі некалькіх невялікіх сказаў, якія тычацца сямейных спраў аўтара і наўрад ці былі б цікавыя чытачу. Для лепшага разумення тэксту да некаторых мясцін прыйшлося даць тлумачэнні, якія размешчаны ў каментарах у канцы кнігі, інакш бы шматлікія словы, падзеі і парадкі, якія аўтару не было неабходнасці «разжоўваць» для самога сябе, не былі б зразумелыя чытачу. Спадзяюся, што «Бунт батанікаў» стане займальным чытаннем, прынамсі я, набіраючы тэкст, з цікавасцю яшчэ раз перажыў тыя, ужо даволі далёкія, падзеі, успомніў многія дробязі і парадаваўся, што тады не толькі вырашыў весці дзённік, але і вёў яго часта, фактычна он-лайн, напрыклад проста ў зале суда.

Для разумення тэксту не лішнім будзе расшыфраваць некаторыя імёны, якія сустракаюцца ў дзённіку. Мае родныя: мама Зоя Дзмітрыеўна Дрозд, Наташа — сястра, Ілля і Лёша — пляменнікі, бабуля Марыя Канстанцінаўна Дрозд, Жэнька — мамін малодшы брат. Мая каханая Вольга Юрчанка, яе сястра Света. Мае сябры, таварышы, калегі па працы, па ініцыятыўнай групе кандыдата ў прэзідэнты Андрэя Алегавіча Саннікава, даследчыкі з архіва і сайта «Усе-

расійскага генеалагічнага дрэва», гісторыкі, архівісты, проста добрыя людзі: Вітольд Ханецкі, Алена Кароўчанка, Язэп Янушкевіч, Уладзіслаў Вяроўкін-Шалюта, Сяргей Зашчук, Вольга Гайдукова, Максім Вінярскі, Каця Ерусалімская, Іра Пчолкіна, Саша Абрамчык, Аксана Вярсоцкая, Міхаіл Ермалюк, Каця Белавусава, Света Раманава, Алена Ісаева, Уладзімір Плюснін, Вольга Бабкова, Людміла Ждановіч (Дрозд), Вольга Славінская, Ірына Абярніхіна, Валянцін Калечыц, Святлана Казлоўская, Леанід Бенедзіктовіч, Алена Церашкова, Цімур Гагаладзэ, Таццяна Кім і многія іншыя.

Пераходзячы да асноўнай часткі кнігі, я не магу не падзякаваць грамадзянам, якія выйшлі 19 снежня 2010 года на плошчу Незалежнасці горада Мінска супраць несумленных і несправядлівых выбараў прэзідэнта, а таксама супраць фальсіфікацыі іх вынікаў, у чым і тады, і цяпер, праз шэсць гадоў, не было і няма сумневаў. І, вядома ж, падзякаваць прадстаўнікам праваабарончых арганізацый «Вясна», «Салідарнасць», майму адвакату Святлане Гарбаток, якія аказалі неверагодную падтрымку мне і маім родным; беларускім і замежным СМІ, што надалі так шмат увагі маёй персоне. Таксама, не магу не ўспомніць добрым словам сотні людзей па абодва бакі калючага дроту, якія ўсімі магчымымі спосабамі дапамагалі мне і маёй сям’і: пераводзілі грошы, куплялі мае кнігі, пісалі мне лісты і паштоўкі падтрымкі — усё гэта дабро я захаваў. Пералік усіх (а многіх з іх я зусім не ведаю) заняў бы не адну старонку гэтай кнігі. Зрэшты, многія з іх яшчэ абавязкова з’явяцца далей у самім дзённіку, таму што былі найважнейшай і неадрыўнай часткай таго майго жыцця. Вялікі дзякуй вам!!!

Зміцер Дрозд
23.01.2017

Прадмова

Паколькі падзеі, апісаныя ў кнізе, пачынаюцца з моманту майго затрымання і заканчваюцца за некалькі хвілін да выхаду з калоніі № 2, як мне здаецца, будзе зусім не лішнім распавесці чытачу пра тое, што папярэднічала арышту і адбылося пасля вызвалення.

Пачаць прыйдзецца здалёку, бо аўтар даволі доўга падыходзіў да запаветных дзвярэй у Доме ўрада, каб нанесці па іх (а дакладней, па дошках, якія закрывалі тое, што ад гэтых дзвярэй засталося) некалькі ўдараў мегафонам з налепленай на яго «Пагоняй».

Як дзяліўся са мной адзін дасведчаны чалавек, мая асоба выклікала ў следчых даволі шмат пытанняў — хоць бы таму, што ні ў КДБ, ні ў МУС на мяне нічога не было. Своеасаблівым адкрыццём я стаў і для апазіцыйных СМІ — у іх была абсалютна тая ж праблема: адсутнасць інфармацыі (насамрэч, вельмі многія людзі, якія трапілі ў нашу справу, ніколі не засвяціліся «ў палітыцы»). Магчыма, таму, што даволі даўно я пачаў пратэставаць супраць існуючага саўгаснага ладу, як і тысячы беларусаў, не на плошчы, а купіўшы білет і з’ехаўшы з нашай краіны на заробкі. З 2002 года я, усвядоміўшы ўсю бесперспектыўнасць бліжэйшай (калі ўсё-такі быць аптымістам) беларускай будучыні, жыў і працаваў у Маскве. Займаўся фатаграфіяй, працаваў у мініфотала-

бараторыі «Кодак», дызайнерам, фатаграфаваў на дакументы, падарожнічаў, вывучаў Расію і пісаў вершы... На сваё шчасце, я сустрэў там выдатную дзяўчыну, з якой мы пражылі амаль сем гадоў.

Доўга маё стаўленне да палітыкі заключалася ў тым, што я ні разу не быў на выбарах ніякага ўзроўню. Мне гэта было нецікава, бо галоўным маім не проста інтарэсам, а, па сутнасці, напаўненнем жыцця была паэзія. А палітыка, як сказаў хтосьці з вялікіх, — справа, пазбаўленая прыгажосці, выходзіць, і паэзіі. Тым больш, яна была пазбаўленая ўсялякай прывабнасці ў выкананні чалавека, які прыйшоў да ўлады і ператварыў нашу краіну, што валодае нядрэннымі перспектывамі эканамічнага і дэмакратычнага развіцця, у савецкі запаведнік. Ён прынёс з сабой у наша жыццё не толькі напаўненне, якое мне, як патомнаму антысаветчыку, не магло спадабацца — гэтую вечную тугу па СССР, вярнуўшы ўжо аджылыя свае сцяг, герб, гімн і ўсе іншыя атрыбуты «саўка», — але і ўсё тое, што не магло мне спадабацца як паэту: крайнюю прыземленасць, няздольнасць да творчага мыслення, хамства, ілжывасць, дэмагогію, стаўленне да чалавека як да непаўнавартаснага стварэння, якое жыве «чаркай і скваркай», мае патрэбу ў пастаянным кіраўніцтве, кантролі і не мае патрэбы ў свабодзе.

Таму неўзабаве пасля яго прыходу да ўлады, яго «рэферэндумаў» і «выбараў» я стаў задумвацца аб ад’ездзе. Якраз у тыя гады я так глыбока пагрузіўся ў гісторыю, генеалогію, архівы, што з часам гэта стала маёй прафесіяй. Гэта шмат у чым спрыяла зараджэнню і росту маёй нацыянальнай самасвядомасці як рускамоўнага беларуса, усе продкі якога стагоддзямі жылі ў межах Мінскай губерні, а таксама цікавасці да мінулага нашай краіны. Што ў рэшце рэшт увасобілася ў паступленне на гістарычны факультэт БДУ. Праўда, заканчваць яго мне давялося, прыязджаючы на сесіі з Масквы.

На чужыне маёй штодзённай патрэбай стала пачынаць дзень з «Хартыі-97», і да выбараў 2006 года я падышоў ужо з выразным разуменнем, што нельга заставацца ўбаку ад жыцця нашай Радзімы. Тады я прыехаў на «выбары» прэзідэнта, выйшаў на Плошчу... Дзе ўсе мы пастаялі з надзеяй на магчымасць пераменаў, а потым разышліся. Тады я напісаў артыкул «Дзень нацыянальнай ганьбы». Чым усё тады скончылася — добра ўсім вядома.

Вярнуўся «ў палітыку» я ўжо ў 2010 годзе — і тут вырашальным фактарам, які паўплываў на мой выбар, стала смерць рэдактара сайта «Хартыя-97» Алега Бябеніна. Пасля яе я вырашыў прыйсці ў ініцыятыўную групу кандыдата ў прэзідэнты Андрэя Саннікава.

Перадвыбарчая кампанія 2010 года — гэта быў час вялікіх надзей, хоць кожны дзень на пікеты па зборы подпісаў прыходзілі людзі, што даволі скептычна ацэньвалі шанцы нешта змяніць у нашай краіне. Я трапіў у групу па зборы подпісаў Максіма Вінярскага — і практычна кожны дзень мы стаялі з нашымі пікетамі, найчасцей у Фрунзенскім раёне, на станцыі «Пушкінскай» або каля «Кароны», рыхтавалі сустрэчы кандыдата з выбаршчыкамі, хадзілі па горадзе са сцягамі... Даволі часта ў нас стаяла чарга з грамадзян, жадаючых паставіць свой подпіс за Саннікава. У той час як у будучага «пераможцы» за дзень, бывала, не знаходзілася і дзясятка прыхільнікаў. Тады якраз выходзіла мая першая кніга «Землеўладальнікі Мінскай губерні 1861–1900», і мне даводзілася аддаваць ёй шмат часу, а на пікетах я з’яўляўся па меры магчымасці. Але і такім чынам я набраў каля 800 подпісаў, а ўся наша група з чалавек дзесяці, большасць з якіх займалася зборам подпісаў у вольны час, — каля 5000.

Прэзідэнцкія выбары 2010.

Вядома, тады прыйшлося пагутарыць з сотнямі грамадзян, многія з якіх жадалі не толькі падпісацца, але і пагаварыць аб праблемах нашай краіны. Былі тыя, хто баяўся пакідаць свае дадзеныя: «А мне за гэта нічога не

будзе?», «А мяне з працы не звольняць?», «А куды пойдуць потым гэтыя спісы — не ў КДБ?» Адчувалася, што людзі хочуць пераменаў, але яны запалоханыя і многія ўжо зусім страцілі веру.

Натуральна, у нас была вера, што вось у гэты раз нешта атрымаецца, але ў тым, што галасы ніхто не будзе лічыць, мы не сумняваліся. Таму ўся надзея была на Плошчу, хаця рэальна ніхто з нас не ўяўляў, як і што трэба будзе на ёй рабіць. Наўрад ці хто-небудзь з нас быў настроены на нейкія рашучыя дзеянні, як здарылася на Майдане ў Кіеве. Наўрад ці нехта задумваўся пра тое, што ніхто не аддасць сваю ўладу шляхам перамоваў... Мы ведалі, што наш кандыдат перамог бы на сумленных выбарах, і рабілі ўсё, каб хаця б наблізіцца да гэтай перамогі. Але галоўным пытаннем было: ці прыйдуць людзі? Бо хоць у нас часам і стаялі чэргі — але пераважная маса людзей наогул праходзіла міма — і міма нас, і міма пікету Лукашэнкі. Часам мы горка жартавалі, што прыйдзем на Плошчу — а там толькі мы...

Задоўга да 19 снежня мы з сябрамі часта размаўлялі, спрабуючы прадказаць нейкія варыянты. Але акрамя таго, што трэба закупіць цёплую вопратку, нічога не прыдумалі. Меркавалі, што стаяць прыйдзецца доўга, магчыма, жыць у палатках, а маразы тады былі не абы-якія. Таму незадоўга да дня галасавання мы хадзілі па Камароўцы, закупляючы рукавіцы, шапкі і тоўстыя вусцілкі. Прадаўцы нас пыталіся: «Для Плошчы?» — і, напэўна, мы маглі разлічваць на добрыя зніжкі. Гэта і была адзіная падрыхтоўка да «захопу ўлады».

Але планы, вядома, былі — планы сакрэтныя, планы сур'ёзныя, — пра якія, напэўна, ніхто яшчэ не расказваў. За некалькі дзён да 19 снежня, позна ўвечары на дзвюх машынах мы з нашай групай выехалі за горад — папярэдне не толькі адключыўшы тэлефоны, але і дастаўшы з іх акумулятары. Мы доўга ехалі, рызыку-

ючы загразнуць у сумётах, у нейкую глуш у бок Ракава, дзе, спыніўшыся на засыпанай снегам прасёлкавай дарозе, выйшлі з машын, доўга чакалі, ці няма хваста, і Максім Вінярскі правёў сакрэтную нараду. Пасля такіх мер бяспекі мы гатовыя былі пачуць нешта важнае...

Але праўда была зусім іншая. Аказалася, што наша група будзе адказнай за дастаўку на Плошчу... гукаўзмацняльнай апаратуры. На снезе Максім, баючыся вымавіць гэта ўслых, каб не падслухалі ворагі, намаляваў схему, дзе менавіта мы павінны ўсталяваць калонкі — было два варыянты: на прыступках Палаца прафсаюзаў ці Палаца Рэспублікі. Вядома, гэта было вельмі адказнае заданне, але... На пытанне, што будзе далей, ён гэтак жа, як і мы, не ведаў адказу: можа, пойдзем у бок тэлецэнтра, патрабаваць эфір, можа, да рэзідэнцыі на перамовы. Усім стала зразумела, што ніякага плана няма і ўсё будзе чыстай імправізацыяй. І гэта праўда: самы сур'ёзны наш план па «захопу ўлады» быў намаляваны галінкай на снезе...

І вось настала 19-е. З самай раніцы было нейкае хваляванне, чаканне чагосьці важнага, грандыёзнага. Усе разумелі, што, калі загадаюць, нас будуць збіваць дубінкамі, нас будуць на марозе паліваць вадой, у нас будуць страляць. Ні ў каго не было сумневу, што мы, бяззбройныя, ідзём супраць велізарнай сілы, безагаворачна падуладнай людзям, якія цяпер маюць усё: уладу, грошы, катэджы ў «Драздах», хто сам і чые дзеці і ўнукі ўладкаваныя ў гэтым жыцці на доўгія гады... і за гэтую шчаслівую стабільнасць яны закатаюць у асфальт дзясяткі і сотні сваіх праціўнікаў.

Намі ж кіравала выключна прага справядлівасці і пераменаў, ніхто з маіх знаёмых не толькі не атрымаў за выхад на Плошчу ні капейкі, але і, упэўнены на 100 адсоткаў, адхіліў бы падобнае як абразу. Магчыма, што ў нейкіх групах плацілі за ўсё, але мы за агітацыю, за пі-

кеты, за выхад на масавыя акцыі і іншае ніколі не атрымлівалі ніякіх грошай. Часам мы бачылі, як нашы суседзі, напрыклад па групе Някляева, малявалі актыўнасць толькі калі прыязджалі правяраючыя, а потым зноў пілі гарбату ў палатках, у той час як мы, агітуючы, мерзлі на вуліцы, — аказалася, што ў іх была пагадзінная аплата за любую працу, чаго ў нас не было. Часта за свае грошы даводзілася купляць нават скотч, каб прыляпіць агітацыйныя плакаты на інфармацыйныя стэнды (о, як дрэнна яны ляпіліся на 10–15-градусным марозе!).

Ніякіх вялікіх грошай у нашай каманды не было. Як пасля прызнаўся сам Някляеў: «Мы ў “Гавары праўду” акумулявалі ўсе сродкі. Мы дамовіліся аб гэтым з людзьмі, якія спрыялі фінансаванню кампаніі, — каб больш сродкаў... нікому не давалі». Так што адзінае, за што плацілі, — гэта за сабраныя подпісы, па 0,5 долара, але і ад гэтых грошай многія адмаўляліся (хоць праца гэтая была не такая ўжо і лёгкая — гадзінамі стаяць на вуліцы, а восень тады была вельмі халодная). Першы раз патрапіўшы ў ініцыятыўную группу, я нават не ведаў пра такую практыку заробку. Аказалася, што ў групах былі свае прафесійныя зборшчыкі, якія прайшлі ўжо мноства кампаній і прыйшлі, каб зарабіць грошай на найбольш перспектыўных кандыдатах. Яны ведалі самыя «рыбныя месцы», і мне даводзілася чуць пра тое, што зборшчыкі на Камароўцы ледзь не біліся за добрае месца. Ніхто з маіх сяброў не прыйшоў у ініцыятыўную групу дзеля грошай. Хоць, вядома, усім тым, хто выйшаў у той дзень абараняць чужы дабрабыт, прачыталі палітінфармацыю, што супраць іх стаяць «прадажныя грантасмокі» і што нікога з іх можна не шкадаваць, бо яны ўсяго толькі зарабляюць такім чынам грошы.

Раніцай, прадчуваючы сур’ёзныя перамены ў жыцці, я схадзіў у любімыя Дразды. Пасядзеў на беразе возера, развітаўся з ім — разумеў сур’ёзнасць будучага мера-

прыемства. Было вельмі холадна, і я не прыдумаў нічога іншага, як апрануць дзве курткі — стары, яшчэ часоў перабудовы, сіні кітайскі пухавік, а пад яго тонкую чорную вятроўку. Таксама я надзеў і дзве шапкі: зверху была сіняя, знізу — колеру хакі. Цяпер, праз шэсць гадоў, пасля суда і вызвалення ў мяне няма ніякіх прычын нешта хаваць — сапраўды, адзінай прычынай такой формы было тое, што мы планавалі правесці на жудасным марозе ўсю ноч, а можа і не адну. Потым, ужо ў Масюкоўшчыне, пад'ехалі Саша і Максім, і Макс даў мне мегафон з «Пагоняй» — якому мелася адыграць важную ролю ў маім лёсе.

Праз некалькі гадзін Вінярскага, як ён ні маскіраваўся, прэвентыўна арыштавалі, і на Плошчу ён, да свайго найвялікшага жалю, не трапіў. Разумеючы, што адкрыта пранесці гэтую гукаўзмацняльную прыладу на Плошчу не атрымаецца, я выйшаў у парк і сарваў некалькі яловых лапак. Затым паклаў гэты даволі вялікі мегафон у пакет, а зверху ўваткнуў елачныя вершалінку і галінкі, нібы ў пакеце елка — быў якраз пярэдадзень Калядаў — атрымалася вельмі пераканаўча. Потым даехаў у раён Палаца спорту. Усюды была бачная маштабная падрыхтоўка: міліцыя, спецназ, аўтазакі... Я прайшоў уздоўж Свіслачы і ўбачыў, што ў Верхнім горадзе стаяць дзясяткі ваенных машын — пасля казалі, што ў іх сядзелі нават ваеннаслужачыя тэрміновай службы з агнястрэльнай зброяй, зараджанай зусім не халастымі патронамі, а дзе-нідзе стаялі БТРы. Мне прыйшлося нават схаваць маю ношу ў снег, прайсці наперад на разведку, а потым вярнуцца па «елачку». Адчуваў сябе партызанам у акупаваным ворагамі Мінску.

У раёне Траецкага прадмесця мне патэлефанаваў знаёмы і распавёў, што адбылося з групай Някляева, калі «людзі ў чорным» напалі на іх, забралі апаратуру, збілі актывістаў, журналістаў і самога кандыдата ў прэ-

зідэнты. Тады яшчэ галасаванне афіцыйна не скончылася. Пасля была зроблена спроба абвінаваціць у гэтым нападзе канкурэнтаў Някляева, г. зн. нас — «баевікоў» Саннікава і Статкевіча, — і нават начальнік яго штаба Андрэй Дзмітрыеў выступіў па БТ з расповедам, як іх ратавала міліцыя, што не можа выклікаць нічога акрамя смеху. Ведаю, што гэты ўчынак рэжыму шмат у каго выклікаў гнеў, што потым, магчыма, і выплюхнулася ў нейкія рашучыя дзеянні каля Дома ўрада.

Падысці да Кастрычніцкай плошчы было складана — з усіх бакоў, на ўсіх падыходах вакол яе стаялі дзясяткі людзей «у цывільным». Калі яны і прапускалі асобных людзей, то мне з мегафонам ісці туды было рызыкоўна. Я выклікаў таксі, папрасіў прытармазіць каля плошчы і дэсантаваўся там.

Людзей было ўжо даволі шмат, і я з цяжкасцю прасунуўся наперад, туды, дзе луналі сцягі «Еўрапейскай Беларусі». На жаль, спроба ўключыць мегафон скончылася нічым — замёрзнуўшы, ён больш не запрацаваў. З лесвіцы ўжо выступалі людзі, нават нешта ўдавалася разабраць. Потым, хоць, як я пачуў, планавалася ісці да рэзідэнцыі, народ, развярнуўшыся на 180 градусаў, выйшаў на праспект Незалежнасці, і ўся маса, прайшоўшы скрозь тонкі шыхт дэпээснікаў, чамусьці рушыла да Дома ўрада.

Гэты паход, напэўна, і стаў самай яркай падзеяй за ўвесь дзень. У нейкі момант цалкам паверылася, што рэжым упаў, мы вольныя, наперадзе новае жыццё! Я ішоў дзесьці ў сярэдзіне гэтага патоку і не бачыў ні яго пачатку, ні канца. Потым я нават заўважыў сябе на відэа, паказаным па беларускім тэлебачанні. На плячы ў мяне вісеў мегафон. Усе людзі ішлі ў выдатным настроі, не было ніякай агрэсіі, ні адна машына або вітрына не была нават падрапаная. Нават каля будынка КДБ у нас не ўзнікла ніякіх праблем, хоць, як я пасля даведаўся,

усярэдзіне ўсе былі гатовыя да магчымага штурму і там нават пажарныя стаялі з брандспойтамі. Але ніхто не збіраўся штурмаваць ніякія крэпасці, бо планавалася выключна мірнае мерапрыемства.

Выйшаўшы на плошчу Незалежнасці, нейкі час мы не маглі зразумець, куды ісці далей, што рабіць. У маіх таварышаў быў яшчэ адзін такі ж мегафон, які працаваў, і яны ў яго па чарзе крычалі розныя лозунгі: «Жыве Беларусь!», «Ідзі!», «Верым, можам, пераможам!» і іншыя. Потым усе перайшлі бліжэй да Чырвонага касцёла, з лесвіцы якога выступілі кандыдаты. Пасля чаго ўсе яны пачалі рух у бок помніка Леніну. Першыя дэманстранты толькі пачалі займаць прастору перад і за гэтым помнікам, а ў Доме ўрада ўжо чуўся звон шкла.

Прэзідэнцкія выбары 2010.

Каля дзвярэй было вельмі мала народу — можа быць, чалавек 10–20, — некалькі чалавек пачалі біць шыбы, астатнія «людзі ў цывільным» стаялі і назіралі за працэсам. Магу выказаць здагадку, што гэтае дзейства

работнікі міліцыі маглі цалкам без праблем спыніць на гэтай стадыі, але яны гэтага не зрабілі. Асноўная маса не толькі не ўдзельнічала ў біцці шыбаў, але, наадварот, зрабіла ўсё, каб спыніць гэтых людзей. Не меней як паўгадзіны мы стаялі і скандавалі: «Правакацыя!!!» У той момант мы знаходзіліся бліжэй да помніка Леніну, і тое, што тады адбывалася каля дзвярэй, я ўбачыў толькі пасля, на відэа ў інтэрнэце.

Па хранаметражы падзей, які маецца ў інтэрнэце, першы ўспамін пра нешматлікую групу людзей, якія спрабуюць выбіць дзверы, з’явілася ў 21:40, а паведамленне пра тое, што спецназ зрабіў спробу адціснуць іх ад дзвярэй, толькі ў 22:30. Г. зн. біццё шыбаў працягвалася каля гадзіны, увесь гэты час вялікая колькасць людзей, сярод якіх былі і прадстаўнікі сілавых структур, стаялі вакол, здымалі на відэа і фота, а ў самім дзеянні актыўна ўдзельнічала чалавек 20–30. Не толькі шараговыя актывісты, нават некаторыя кандыдаты ў прэзідэнты рабілі спробу спыніць гэтых людзей, але гэта ў іх не выйшла. Увесь гэты час мітынгоўцы, якія апынуліся паміж Домам урада і помнікам, утварыўшы калідор, працягвалі скандаваць: «Правакацыя!» Там стаяў і я з сябрамі. Астатнія ж, хто знаходзіўся на самой плошчы, нават не бачылі таго, што адбываецца каля дзвярэй.

У нейкі момант стала зразумела, што шляху назад ужо няма — цэлую гадзіну працягваецца «спроба штурму», а для абгрунтавання прымянення сілы супраць мітынгоўцаў было б дастаткова аднаго разбітага акна. Гэта была самая дзіўная спроба штурму, якую можна ўявіць, — бо перад атакуючымі, каб у іх было рэальнае жаданне патрапіць усярэдзіну, былі не толькі выдатна абароненыя сіламі спецназа і пажарнымі з брандспойтамі некалькі дзвярэй, ужо закрытых дошкамі, але і сотні вокнаў, з якіх ні адно нават не было разбіта. Ніхто не паспрабаваў разабраць брук, расстарацца нейкія іншыя

сродкі для актыўных дзеянняў. Для «штурму» выкарыстоўвалася тое, што, падобна, дасталі са скрыні дворніка: рыдлёўку і ледасек (як назвалі ў пратаколах звычайную матыку) і вуды, на якіх віселі сцягі (гэтыя вуды былі названыя ламамі).

Цяжка сказаць, што менавіта падштурхнула мяне да дзвярэй Дома ўрада — была тут і цікаўнасць, усведамленне таго, што мы ўсе ўдзельнічаем у гістарычнай падзеі. Было і разуменне, што цяпер нельга бяздзейнічаць, нельга стаяць, бо назад ужо нельга — можна толькі наперад. І назапашаная за ўсю перадвыбарчую кампанію злосць на існуючую несправядлівасць, асабліва ўзмоцненая пасля нападу на Някляева і паведамлення першых вынікаў «выбараў»: каля 80 адсоткаў за Лукашэнку. Як бы там ні было, я падышоў да гэтых дзвярэй. Каля іх было ўжо зусім мала народу, каля дзвярэй, да якіх падышоў я, стаялі нейкія два хлопцы і безвынікова спрабавалі голымі рукамі стукаць па дошках, што закрывалі дзвярныя праёмы, — падобна, што былі гэта нейкія сталы або шафы. Тады я і нанёс па гэтых дзвярах удараў хіба шэсць — не болей. Дошка нават не трэснула, а вось мой мегафон спляскаўся...

У гэты момант спецназ перайшоў да актыўных дзеянняў, я нават не заўважыў, адкуль яны з'явіліся. Тут жа, каля дзвярэй, знаходзячыся спінай да плошчы, я ўбачыў бакавым зрокам, што нас акружаюць, пачаў паварочвацца і атрымаў удар дубінкай па галаве, па правай скроні. Толькі тое, што на мне былі адразу дзве шапкі, выратавала мяне ад сур'ёзнай траўмы. Але нават праз гэтую абарону я атрымаў такі ўдар, што яшчэ некалькі тыдняў мне балела галава і нават сківіца. Таксама пару разоў я атрымаў па спіне і па плячах — але тут ужо ўдары былі не такія моцныя. Даводзілася рэагаваць імгнення, і нейкім чынам я вырваўся за спецназаўцаў, якія выстройваліся ў шэраг. Рэшткі мегафона, што засталіся ў маіх

руках, я кінуў у надыходзячых амапаўцаў, натуральна, не нанесшы ім ніякіх пашкоджанняў (пасля бачыў гэты момант на відэа ў інтэрнэце). Гэтак жа, як і мае ўдары па дзвярах, гэта быў, хутчэй, жэст адчаю. Праз пару хвілін ланцуг «абаронцаў» спыніўся.

Паміж мітынгоўцамі і міліцыяй утварыўся невялікі калідор, па якім і ішоў грамадзянін Шылко — як аказалася, аператар ГУУС Мінгарвыканкама ў цывільным — і «дакументаваў» тое, што адбываецца. Здымаў ён людзей з вельмі блізкай адлегласці — каля метра, ды яшчэ на камеры гарэла яркая лямпа. Пасля ўсіх прыгод, якія выпалі на маю галаву, я не вельмі хацеў патрапіць на відэа, ды і сам факт, калі табе ў твар тыкаюць камерай, не вельмі прыемны, і паспрабаваў захінуцца ад яго.

Я даволі зло махнуў у яго бок два разы рукой (на відэа і на стоп-кадры добра відаць, што рука нават не сціснутая ў кулак). Ён ухіліўся. Не памятаю, ці патрапіў яму па руках або па камеры. У любым выпадку, пасля гэтага сутыкнення я развярнуўся і сышоў, а ён рушыў далей. Увесь яго шлях я бачыў ужо ў кабінеце следчага на відэа, знятым самім Шылко: даставалася яму і да, і пасля мяне. Так, праз некалькі метраў ён справакаваў А. Лябедзьку, у чыіх дзеяннях пасля не было выяўлена ніякага складу злачынства. А значыць, іх не было і ў маіх. Гэта пацвердзіў сам «пацярпелы» на судзе, сказаўшы, што ён не можа дакладна вызначыць, хацеў я захінуцца або стукнуць яго, і што ён не мае да мяне ніякіх прэтэнзій.

Хутка гэтая група спецназаўцаў уцякла, выклікаўшы радасць: «Міліцыя з народам». Але міліцыя апынулася з тым, хто шчодра аплачвае яе паслугі па падаўленні народа, што хутка і даказала сваімі дзеяннямі. Далейшы разгон паказаў, наколькі гэтыя стварэнні ненавідзяць людзей, калі яны збівалі старых, жанчын, дзяўчат. Прычым было відаць, што яны атрымліваюць ад гэтага задаваль-

ненне і нібы спаборнічаюць, хто прычыніць больш болю. Я не бачыў, што адбывалася на самой плошчы, і вельмі хутка нас адрэзалі ад яе сцяной спецназаўцаў у некалькі шэрагаў. Мае таварышы вырашылі сыходзіць, што ім, на шчасце, удалося. Я застаўся, каб стаяць да апошняга. Не ведаю, што гэта было — упартасць ці нешта іншае, наўрад ці геройства — у нашым далейшым знаходжанні не было ўжо ніякага сэнсу. Я зразумеў, што не магу збегчы, нібы прымерз да зямлі, стаяў і глядзеў, як спецназ адпрацаванымі дзеяннямі рассякаў астатні натоўп на часткі, і толькі нешматлікія людзі спрабавалі хоць неяк супраціўляцца...

Вельмі хутка нас усіх дубінкамі і шчытамі сціснулі ў вузкі калідор і з аднаго канца яго падагналі аўтазак (на самай справе, гэты новы сімвал сучаснай Беларусі — гэта машына спецыяльнага прызначэння МАЗ-Купава 573150). «Абаронцы айчыны» сыпалі дубінкамі налева і направа, не разбіраючыся, хто перад імі, і я закрываў галаву рукамі. У мяне на шыі ўсю дарогу з Кастрычніцкай быў павязаны сцяг Еўрасаюза — за яго мяне сталі цягнуць з усіх бакоў, спрабуючы атрымаць такі шыкоўны трафей. Баючыся, што мяне проста задушаць гэтым сцягам, я развязаў вузел, і нейкі «герой» пацягнуў сцяг. Ударамі нас загналі ў чарговы пад'ехаўшы аўтазак.

Цяжка сказаць, колькі людзей было ў гэтай душагубцы: стаялі вельмі шчыльна, было цяжка дыхаць. Былі і хлопцы, і дзяўчаты, у асноўным моладзь. Былі параненыя. Стала вельмі горача, я зняў пухавік і шапку. Акрамя таго, я разумеў, што трапіў на відэа і па гэтай куртцы мяне лёгка апазнаюць, так што пазбавіўся ад гэтых доказаў, кінуўшы іх там.

Далейшыя падзеі да моманту выхаду з Жодзінскай турмы выкладзены ў дзённіку. Тады нас, ладна зарослых барадамі — ніякія прылады для галення ў гэтай турме нам былі недаступныя, — на аўтобусах давезлі да стан-

цыі метро «Уручча», дзе выпусцілі. Другі аўтобус паехаў на іншую станцыю. Гэта была даволі дзіўная спецаперацыя, калі людзей, якія ўжо выйшлі на свабоду і атрымалі дакумент аб вызваленні, везлі, як арыштаваных, не выдаючы нашы мабільныя тэлефоны і не кажучы, куды нас вязуць. Падобна на тое, што разумелі, што, калі гэтая інфармацыя стане вядомая, нас прыйдуць сустракаць як герояў.

У мяне заставаўся месяц волі. Тое, што рана ці позна мяне арыштуюць, я падазраваў — бо ведаў, што патрапіў на відэа. А паведамленні пра арышты, ператрусы або вымушаныя ад'езды за мяжу прыходзілі кожны дзень. Да майго жаху, я сам убачыў сябе на некалькіх роліках, паказаных па БТ. Нават знаёмыя сталі тэлефанаваць і казаць, што яны мяне бачылі... Многія са знаёмых, баючыся затрыманняў, у першыя ж дні рознымі таемнымі шляхамі з'ехалі за мяжу. Візы ў мяне не было, так што бегчы мне не было куды — хіба што ў Расію. Акрамя таго, я нават не мог яе атрымаць — бо майму пашпарту было ўжо больш за 10 гадоў. І ўсё, што я паспеў, дык гэта толькі здаць дакументы ў пашпартны стол на новы, які атрымаў ужо ў жніўні пасля вызвалення. Але трэба меркаваць, што ў маім жыцці рэалізаваўся лепшы варыянт, і я рады, што не з'ехаў тады з Беларусі.

Зрэшты, увесь гэты час мы не сядзелі склаўшы рукі: у атмасферы агульнага страху і прыгнечанасці расклейвалі ўлёткі з партрэтамі нашых затрыманых сяброў, былі на ўсіх акцыях, якія праходзілі ў Мінску. Былі мы і на нешматлікай акцыі на Кастрычніцкай плошчы ў дзень інаўгурацыі 21 студзеня, калі Максім прысягнуў на Канстытуцыі: ніколі не прызнаваць гэтага чалавека прэзідэнтам, а некалькі тых, хто прыйшоў, сярод якіх была Юлія Сцяпанава (яе маму Аксану «абаронцы айчыны» выцягнулі прама з таксі, і яна правяла 10 сутак у турме), запалілі свечкі. Былі мы 30 студзеня на акцыі каля КДБ,

калі затрымалі Вінярскага, Паліну Кур'яновіч і Кацярыну Людвіг. 31-га я быў у іх на судах. Пасля папрацаваў у архіве, замовіў новыя справы. Назаўтра я планаваў адвезці Максіму перадачу, якая ўжо стаяла ў мяне дома...

Але зраніцы па мяне прыйшлі...

БУНТ БОТАНИКОВ

Посвящается
Артёму Грибкову — Поэту и Герою.

20 декабря

Несколько часов провели на Окрестина[1]. В автозаке[2] — человек 60. Сидели по очереди. Не было воды. Кто-то делился йогуртом, мандаринами, конфетами.

Выгнали из автозака, руки за спину, поставили в коридоре — он уже весь забит людьми. Подходят, спрашивают: имя, отчество, фамилия, дата рождения, адрес. В коридоре полная неразбериха, людей около двух сотен[3]. Девушек увели наверх. Стояли лицом к стене, руки за спину. Мобильные приказали выключить, поэтому времени не знали. Часа через 2–3 разрешили повернуться и сесть на пол. Все расселись как могли, стало полегче и посвободнее. В туалет водили по просьбе.

Перевели на второй этаж — там народа было меньше, были девчонки, некоторые совсем дети.

Повели в соседний блок — составили опись вещей, забрали шнурки, мобилки (нашли ту, что я хотел спрятать в носке). Написали протокол задержания: «…Шёл, кричал лозунги “Жыве Беларусь” и “Уходи!”…» Написал замечание, что никто не предупредил, что митинг

несанкционированный, и что не считаю моё участие активным. Вывели обратно.

Пробежал какой-то бешеный начальник, и всех опять поставили лицом к стене. Постепенно стали расслабляться, и через час все опять сели на пол. Повели на третий, сняли отпечатки пальцев. В туалете нет мыла, так что руки остались чёрными от краски, но хоть была возможность сходить в туалет и выпить воды. Какое-то время стояли на третьем. Везде царит путаница. Народа много. Отвели обратно — присел к девушке, спросил, сколько ей лет (21, учится на филфаке БГУ, говорит только на белорусском). Поговорили[4].

Когда отвели в автозак, было уже светло (сколько времени — не знаю). Посадили человек 25–30, повезли в суд — Заводской. На входе выстроили целую цепь — штук 50 ментов! Завели в зал заседаний — там было всего 3–4 охранника. Все сразу попробовали заснуть. Стояла тишина. По одному-два стали вызывать к судье. Передо мной в коридоре стояла та девушка, с которой говорил на Окрестина, — ей дали 10 суток. На самом деле сложно описать свои эмоции: такая молекула, совсем не похожа на боевика — и такой срок! Было ясно, что нас решили не прощать.

Зашёл к судье [судья Жанна Хвойницкая] — задала пару вопросов. Сказал, что не принимал активного участия, что не слышал предупреждений милиции, хоть и понимал, что участвую в несанкционированном митинге. На вопрос: «Почему вышел на Площадь?» сказал: «Ну, так с БТ призывали». — «Поддался влиянию?» — прокомментировала судья…

Вывели в коридор, через какое-то время вынесли постановление. Сначала сказали расписаться, потом дали бумажку — прочитал только в автозаке. Дали 10 суток. Оказалось, что против меня были рапорты аж трёх свидетелей!!! Ни они меня, ни я их не видели. Уверен, что

эти люди даже не смогли бы ответить на элементарные вопросы адвоката — ясно, что абсолютно подставные. Стало весело от такого правосудия. Вот, значит, как всё это работает! В автобус постепенно возвратились «подельники». Только одной девчонке дали 5 суток, остальным — 10, нескольким — 15. Абсолютно не была понятна логика: за что давали 10, а за что 15? Как будто бросали кубики — что выпадет, то и писали.

Постановление
по делу об административном правонарушении

20 декабря 2010 г. судья суда Заводского района г. Минска Хвойницкая Ж.А. рассмотрев дело об административном правонарушении по ч. 1 ст. 23.34 КоАП в отношении Дрозда Дмитрия Михайловича, 26.03.1973 года, не работающего, проживающего по ул. [redacted], паспорт серии [redacted] л.н. [redacted], выдан Фрунзенским РУВД г. Минска 07.07.1999 года,

УСТАНОВИЛ:

Дрозд Д.М. 19.12.2010 г. в период времени с 21.45 часов до 23.30 часов принимала активное участие в несанкционированном митинге у дома № 11 по ул. Советской в г. Минске, при этом выкрикивал лозунги «Жыве Беларусь» и «Уходи», на неоднократные требования сотрудников милиции прекратить противоправные действия не реагировал, чем нарушил порядок проведения массовых мероприятий.

В судебном заседании Дрозд Д.М. вину признал частично. Суду пояснил, что 19.12.2010 г. в период времени с 21.45 часов до 23.30 часов он действительно принимал участие в несанкционированном митинге у дома № 11 по ул. Советской в г. Минске, при этом выкрикивал лозунги «Жыве Беларусь» и «Уходи». На неоднократные требования сотрудников милиции прекратить противоправные действия он не реагировал, однако считает, что не был активным участником митинга.

Вина Дрозда Д.М. в совершении правонарушения, предусмотренного ч.1 ст.23.34 КоАП, несмотря на частичное признание своей вины подтверждается фактически его показаниями о том, что он принимал участие в несанкционированном митинге, а также письменными материалами дела: протоколом административного задержания от 19.12.2010 года, протоколами опросов свидетелей Строха Н.А., Анопа А.С., Зезетко Ю.Г.

Оценивая собранные по делу доказательства, суд считает, что Дрозд Д.М. совершил правонарушение, предусмотренное ч.1 ст.23.34 КоАП Республики Беларусь.

Смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств нет.

При определении меры административного взыскания суд учел характер совершенного административного правонарушения, обстоятельства его совершения и личность Дрозда Д.М., а также то обстоятельство, что Дрозд Д.М. в содеянном не раскаялся.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 11.9, 11.11 ПИ КоАП Республики Беларусь,

ПОСТАНОВИЛ:

подвергнуть Дрозда Дмитрия Михайловича по ч.1 ст.23.34 КоАП административному аресту на срок 10 (десять) суток.

Срок исчислять с момента задержания.

Исполнение постановления поручить Заводскому РУВД г. Минска.

Постановление по делу об административном правонарушении может быть обжаловано (опротестовано) в течение 10 суток в Минский городской суд через суд Заводского района г. Минска.

Судья:

ВЕРНО

Судья

Справка: постановление не обжаловано, не опротестовано и вступило в законную силу

Судья

В автозаке удалось позвонить маме. Она, оказывается, не поняла, что меня задержали, и всё время была в неведении, где я пропал, куда-то звонила. Сказал, что дали 10 суток. Поговорил всего минуту — но хоть не будет так беспокоиться. В суде стояли очень долго и ждали, пока соберутся все остальные, — всё время был без вещей, даже без шнурков. Не знаю, нормально ли это — стоять перед судьёй без шнурков.

Многие девчонки плакали: у кого-то завтра диплом, кому-то на работу. Собственно, наши проблемы никого не волновали. Перевели в другой автозак — там даже не разрешали звонить. Омоновцы в отличие от предыдущих вели себя нагло, по-хамски — угрожали. Их тоже набралось целая команда — человек шесть. Остальные были не такие агрессивные — постепенно мы их разговорили. Сказали, что, по их данным, на Площади было 11 000 человек, что мы все пришли туда за деньги. Так как вместе мы просидели часа три, а то и больше, то успели о многом поговорить. Меня назвали Историк, и

один всё время просил что-то рассказать. А другой пустил по кругу бутылку со «Швепсом» — было очень кстати, так как большинство из нас не пили уже больше суток.

Привезли обратно на Окрестина. Опять поставили в коридоре. Там были не очень долго. Начали разбираться с вещами. Как всегда, путаница. Потеряли опись моих вещей — точнее, в суматохе второй экземпляр, для меня, не написали. Просто положили бумажки.

Посидели в автобусе — везут в Жодино на автобусе, нас человек 10 и ментов столько же. Опять путаница: кого-то лишнего погрузили, не смогли посчитать.

Поехали. В большинстве заснули. Менты слушали песню «Саня останется с нами». На улице ночь, сколько времени — неизвестно. До Жодино ехали около часа. Потом ещё столько же стояли в очереди на разгрузку. «Тюрьма № 8»[5], — сказал один из охранников. Было около 23 часов.

Начали выгружать: «Бегом!» Поставили к стене лицом, пересчитали. Повели по коридорам. Обшманали. «Стать к стене лицом, руки — на стену, ноги — шире!» — мент привычным движением бьёт по ноге, чтоб они разъехались, как можно шире. Ведут по коридорам — каждый пронумерован: № 1, № 2, № 3 — длиной метров по 100, а то и больше[6]. Поворот направо, потом опять направо. Потом поднялись на первый этаж. Там снимали опять на видео, раздели догола, проверили вещи, составили новую опись.

Загнали в камеру — камера с двухэтажными нарами на 8 человек — нас человек 25. Кто-то залез наверх, легли по два. Кто-то спал за столом. Я прилёг на полу возле батареи. Все были измучены — моментом заснули…

21 декабря

Ночью разбудили — часы были только у одного — около трёх ночи. Развели по камерам. Попал в 10-местную. Все — наши. Два по 15, два по 12 и несколько по 10 суток. Те, что по 15, — абсолютно случайные люди, их взяли на остановке. Занял нары — верхние справа — ближе ко входу, рядом со шкафчиком. Нары железные, привинчены к полу, такой же стол посередине. Естественно, никто нас не кормил. Хоть воды попили.

Утром принесли чёрный и белый хлеб — чёрный по четвертинке, белый — по 1/5. С голоду съели почти всё сразу. На первый завтрак была вполне съедобная каша и по полкружки несладкого чая. Начальник принёс несколько листов из «Как закалялась сталь» и из летних газет — вместо бумаги. Сделали из газет шашечное поле, а из хлеба — шашки. Я слепил из белого и чёрного — несколько раз сыграли. Полем были плитки на полу — долго думали, как это сделать, но в конце концов кто-то нашёл простое решение.

Вечером привели сына Костусёва[7] — Андрея. Места не было, пришлось ему спать на матрасе под столом. Его забрали 20-го на митинге в нашу защиту. Я уже по дороге сюда от омоновцев узнал, что задержали 50 человек.

24 декабря

Забрали Андрея и недорисованную «Монополию»[8]. Весь день не давали прилечь. На обед борщ — жидкий.

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

г. Минск «28» декабря 2010 г.

Допрос начат в 12 час. 00 мин. и окончен в 12 час. 50 мин.

Дознаватель ОД ПР Советского РУВД г. Минска лейтенант милиции Богушевич Е.М., с соблюдением требований ст. 215, 217, 218 и 220 УПК Республики Беларусь допросил в качестве свидетеля:

1. Фамилия, имя и отчество: Дрозд Дмитрий Михайлович
2. Число, месяц, год рождения: 26.03.1973
3. Место рождения: г. Минск
4. Гражданство (подданство): РБ
5. Образование: высшее
6. Семейное положение: холост
7. Место работы, должность или род занятий (№ телефона): временно не работает, м.т. [redacted]
8. Место жительства (постоянное/временное, № телефона): г. Минск, ул. [redacted] в. г. [redacted]
9. Судимость: со слов нет
10. Документ, удостоверяющий личность:

Свидетелю разъяснены права и обязанности, предусмотренные ст. 60 УПК Республики Беларусь.

Свидетелю также разъяснено, что он вправе отказаться от дачи показаний, уличающих в совершении преступлений его самого, членов его семьи и близких родственников.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности за отказ либо уклонение от дачи показаний по ст. 402 УК Республики Беларусь, за исключением отказа от дачи показаний против себя самого, членов своей семьи и близких родственников, за дачу заведомо ложных показаний по ст. 401 УК Республики Беларусь, а также за разглашение данных предварительного расследования без разрешения следователя по ст. 407 УК Республики Беларусь.

Сущность прав, а также возложенных на меня обязанностей и последствия их невыполнения мне понятны. Показания желаю давать на русском языке.

(подпись) Дрозд Д.М. (фамилия, инициалы)

каких политических партиях, движениях
объединениях не состою и ранее не
состоял. О том что 19.12.2010 на Окт
ской площади состоится митинг, мне
стало известно с различных новостных
сайтов в сети Интернет (каких точ
я не помню). О том что митинг буд
несанкционированным, мне ничего из
но не было. На митинг я решил по
ти чтобы таким образом выказать
свою гражданскую позицию, а так
же несогласие с результатами вы
ров. На площадь Октябрьскую я при
около 20.00. В это время, на площад
находилось много людей, я останов
ся недалеко от остановки обществе
ного транспорта. На площади никого
кандидатов в Президенты лично я не
видел, так же я не слышал никаки
выступлений, так как очень громко и
ла музыка. На площади люди стояли
скандировали различные лозунги, "Жы
Беларусь!", в руках у них были бе
красно-белые флаги, а также флаги
Евросоюза. У меня флагов не было, я
скандировал лозунг: "Жыве Беларусь!"
Также хочу отметить, что в толпе у
людей в руках никаких запрещенны
предметов я не видел.
Во время нахождения на Октябрьс
кой площади я увидел, как люди н
чали идти в сторону пл. Независимо
тогда я тоже пошел в сторону пл. Не
зависимости. Кто был инициатором похо
на пл. Независимости, мне неизвестно. Сн
ла люди шли по тротуарной зоне, по
сле чего вышли на проезжую часть
проспекта Независимости. Я тоже вышел н
проезжую часть. Хочу отметить, что в то
пе людей я шел где-то в середине. Во
время прохода колонны я шел и ск
дировал лозунг: "Жыве Беларусь!" Та
же хочу отметить, что когда мы
шли по проезжей части проспекта
Независимости, то призывов со сторо
сотрудников милиции покинуть пр
езжую часть я не слышал.
Когда я пришел на пл. Независимо
то изначально я хотел на площади
выбрать место где будет лучше

=3=

но и слышно. В какой-то момент я
слышал, что с памятника Ленина
то выступает тогда я решил подойти
же и посмотреть. Я помню, что высту-
Санников. Он говорил, что собираться
ли в Дом Правительства на перего-
с руководством МВД. Во время на-
дения возле памятника Ленину я
шал звуки бьющегося стекла. Од-
кто бил стекла и чем били стекла,
но я не видел, так как далеко на-
лся от этого места. После этого
некоторое время на площади
вились сотрудники милиции, которые
ли задерживать людей. Также хочу от-
ть, что когда я находился на пл.
висимости, то я не слышал призывов
стекла в Доме Правительства, также
слышал чтобы сотрудники ми-
призывали покинуть площадь Неза-
мости. Во время задержания телес-
повреждений мне причинено не
19.12.2010 я был одет в темно синие
сы, куртку черного цвета, чуть ниже
на голове была шапка цвета «хаки».
ного в тот день я не употреблял.
льше мне пояснить и добавить
его.

о прочитано, с моих слов записано
верно

Дрозд Д.М.

росил: Бог Е.М. Богушевич

25 декабря

Рождество прошло незаметно — никаких отличий ни в меню, ни в режиме. Одно хорошо: целый день нас не трогали — так что кто хотел, хоть выспался. Сводили

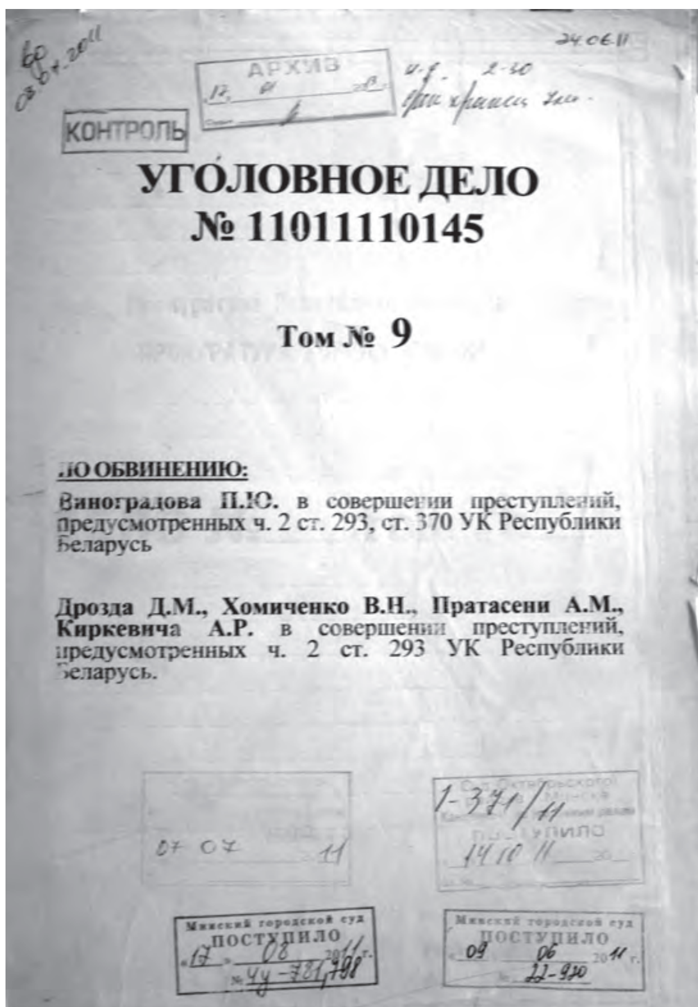
на улицу. Взяли с собой крышку от бутылки — играли в футбол. Молодёжь хоть как-то развлеклась и подвигалась. Впервые увидели других заключённых — много знаменитых.

Принесли передачи[9]. В «Комсомолке» — результаты выборов. Министр МВД обещает, что всех, кто сбежал, найдут и посадят. Мол, изучают сейчас видеосъёмку и даже СМИ, мол, многим, кто сейчас под административным арестом, дело переквалифицируют на уголовное. Хлопцы приуныли — ясно, что если будут судить так же, как сейчас, то можно посадить кого угодно на любой срок.

Играли с Мишей [Яковенко — доктор-нарколог, был задержан на Площади вместе с женой] в шахматы — я раза два или три выиграл. Хоть как-то проходит время… Читаю книгу про войну и Кабанова[10]. Нас продолжают заваливать передачами с туалетной бумагой — словно у нас здесь «всё включено», а не трёхразовое…

26 декабря

Опять ночью плохо спал. Долго читал. Александр храпел, но терпимо. Утром принесли хлеб, каша так и не была опознана — то ли ячневая, то ли пшённая, но не жёлтая, а серого цвета. Обход прошёл привычно: вопросы есть? — почему так грязно? — начальник делал суровый вид… До обеда дважды сгонял с нар, не дал поспать. Радио «Юнистар» — без новостей и времени (воскресенье), — сидим… Кто-то читает, кто-то заснул, сидя на первых этажах, четверо играют в «тысячу». Читал Кабанова. Взялся за дневник. Первые дни почти стёрлись из-за своего однообразия…[11]

КОНТРОЛЬ

АРХИВ

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО

№ 11011110145

Том № 9

ПО ОБВИНЕНИЮ:

Виноградова П.Ю. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 293, ст. 370 УК Республики Беларусь

Дрозда Д.М., Хомиченко В.Н., Пратасени А.М., Киркевича А.Р. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 293 УК Республики Беларусь.

Минский городской суд ПОСТУПИЛО «17» 08 2011 г.

Минский городской суд ПОСТУПИЛО «09» 06 2011 г.

1 февраля

Арест. Мама разбудила: за тобой пришли — милиция. Было 7 часов утра. Лёша и Илья как раз ушли в сад и школу. Оделся. Спросил: надолго ли? Сказали, что

вызывают как свидетеля, мол, открылись новые обстоятельства. Были два работника в чёрном, не знаю, показали ли они маме удостоверения — бумаг никаких не было. Оделся в обычное — практически всё, в чём был в Жодино, — свитер, синяя майка… Поехали в мини-автобусе — спросил, есть ли у них какие-то бумаги, — сказали, что нет, мол, по Процессуальному кодексу, свидетеля могут пригласить лично. Хотелось попросить остановить автобус и уйти, но остался.

По дороге заехали ещё за кем-то — там никого не было. Поехали на ул. Сапёров[12], там долго стояли в коридоре — ждали, когда приедет следователь. Приехал только, наверно, к 10 часам. Отвели выше, сидел в коридоре. Позвонил маме, Саше [Абрамчику] — пытался успокоить маму (хотя уже было чувство, что это затянется надолго). В коридоре не было никого, кроме меня. Пригласили в кабинет. Зашёл тот дознаватель, что меня арестовывал, сказал, что смотрел видео, где я зафиксирован, что там ничего страшного — мол, признавайся. Я сказал, что ничего не знаю.

Успел набрать Саше и сказать, что мне предъявили обвинение и покажут видео. Мне сказали, что звонить уже нельзя, — ответил, что ещё не предупреждали. Забрали у меня телефон, провели обыск, забрали даже шапку. Разгорелся спор со следователем — про всё, что было на Площади, потом повели к молодому — стал заново рассказывать то, что уже рассказывал в Жодино. Рассказал, как всё было. Следователь спросил, во что я был одет. Потом пошли к его соседу — смотреть видео. Картинка была на стоп-кадре не очень хорошая — на видео кто-то крикнул что-то вроде «убери камеру», махнул рукой. Очень похож на меня, но в другой одежде. Следователи все сразу стали спрашивать: «Ну что — ты?» Сказал: «Нет, не я — очень похож»[13].

Да, на допросе уже был адвокат — помог он мне не сильно, но и он сказал: «Если это всё, что у них есть, даже если это был ты, то это ерунда». Потом долго бросали меня по кабинетам. Два следователя выбирали в интернете новую машину. Все кабинеты были заставлены компами, камерами, папками и другими вещдоками. На одной папке было написано «Рымашевский»[14] — хотелось заглянуть, да так и не выдалось случая. Долго ждал, пока приедет машина — наверно, только в два часа приехала. После просмотра видео было немного страшновато — ничего никому уже не докажешь. Говорил следователю, что у меня была другая одежда. А он отвечал, что видит, что я говорю неправду, мол, он — психолог. В целом ни в ком не встретил никакого проявления агрессии — все улыбались и шутили.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о задержании

г. Минск 01 февраля 2011 г.
09 часов 50 минут

Следователь следственного отдела предварительного расследования УВД администрации Партизанского района г. Минска капитан милиции Лужинский Г.Е., рассмотрев материалы уголовного дела № 10011110362,-

УСТАНОВИЛ:

В производстве СУ ПР ГУВД Минского горисполкома находится уголовное дело №10011110362, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч.ч.1,2 ст.293 УК, в отношении неустановленных лиц, которые в период времени с 19.12.2010 года на 20.12.2010 на территории г. Минска совершили умышленные действия, направленные на организацию массовых беспорядков, сопровождающими насилием над личностью, погромами, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти, что выразилось в непосредственном совершении указанных действий.

Согласно протоколу от 01.02.2011 «07» «23» по подозрению в совершении преступления задержан Дрозд Дмитрий Михайлович в порядке ст.108, ст.110 УПК Республики Беларусь.

На основании изложенного, принимая во внимание, что санкция указанной статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы, руководствуясь п.1 ч.1 ст.108, ст.110 УПК Республики Беларусь,-

ПОСТАНОВИЛ:

1. Задержать Дрозда Дмитрия Михайловича, 26.03.1973 г.р., уроженца г.Минска, гражданина Республики Беларусь, холостого, зарегистрированного и проживающего по адресу: г. Минск, ул. [redacted], [redacted] по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч.ч. 1,2 ст. 293 УК Республики Беларусь.
2. Содержать задержанного Дрозда Дмитрия Михайловича в ИВС ГУВД Мингорисполкома.
3. Сообщить о произведенном задержании прокурору г. Минска.
4. Копию настоящего постановления вручить задержанному.

Следователь СО ПР
Партизанского РУВД г. Минска
капитан милиции Г.Е. Лужинский

Постановление мне объявлено и его копия вручена
«1» февраля 2011 г. в «10» час. «20» мин.

деньги в сумме 53 300 рублей НБРБ, связка ключей, ... №0051717, ... черного цвета, ... ручка, ...

Одновременно задержанному Дрозду Д.М. разъяснены его права и обязанности, предусмотренные ст. 41 УПК Республики Беларусь: 1) знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении против него уголовного дела или о признании его подозреваемым; 2) немедленно по задержании или объявлении постановления о применении меры пресечения получить от органа уголовного преследования, осуществившего задержание или вынесшего постановление о применении меры пресечения, письменное уведомление о принадлежащих ему правах; 3) немедленно по задержании или объявлении постановления о применении меры пресечения получить от органа уголовного преследования копию постановления или протокола о задержании, копию постановления о применении меры пресечения, а также копию постановления о возбуждении уголовного дела; 4) уведомить через орган уголовного преследования членов семьи или близких родственников о месте своего содержания под стражей; 5) в случае задержания или применения меры пресечения в виде заключения под стражу получить до начала первого допроса в качестве подозреваемого бесплатную юридическую консультацию адвоката; 6) иметь защитника или нескольких защитников с момента объявления ему постановления органа уголовного преследования о возбуждении против него уголовного дела, о признании его подозреваемым, о задержании или постановления о применении меры пресечения; отказаться от защитника и защищать себя самостоятельно; прекратить полномочия своего защитника; 7) беспрепятственно общаться со своим защитником наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности бесед; 8) по его ходатайству быть допрошенным при участии защитника не позднее 24 часов с момента фактического задержания; 9) давать показания или отказаться от дачи показаний; 10) представлять доказательства; 11) заявлять отводы и ходатайства, в том числе о принятии мер по обеспечению его безопасности, членов семьи, близких родственников и иных лиц, которых он обоснованно считает близкими, а также имущества; 12) пользоваться родным языком или услугами переводчика; 13) возражать против действий органа уголовного преследования и требовать внесения его возражений в протокол следственного или другого процессуального действия, проводимого с его участием; 14) знакомиться с протоколами следственных и других процессуальных действиях, в которых он участвовал, и делать заявления и замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколах; при участии в следственном или другом процессуальном действии требовать внесения в протокол указанного действия записей об обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены; 15) подавать жалобы на действия и решения органа, ведущего уголовный процесс; 16) отзывать поданную им или его защитником жалобу; 17) обжаловать в суд задержание, заключение под стражу, домашний арест или принудительное помещение в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение для производства экспертизы; 18) получать возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, а в случае, если подозрение не подтвердилось, быть реабилитированным.

Задержанный Дрозд Д.М. заявил, что права подозреваемого, в том числе и право пригласить защитника и давать показания в его присутствии, понятны, а также, что

(при отказе от защитника указывается, что это не связано с отсутствием средств для оплаты юридической помощи и, что отказ не является вынужденным по другим причинам)

Протокол прочитан. Записано правильно.

Задержанный (ая) [подпись] (Дрозд Д.М.)

Понятые: ( ) ( )

Протокол составил:

о/у ОУР НОБДТ (должность, звание) [подпись] (подпись) (Новицкий А.А.) (фамилия и инициалы)

Копию протокола задержания, содержащего письменное уведомление о принадлежащих правах, предусмотренных ст. 41 УПК Республики Беларусь получил (а) « 1 » дек. 200_ года.

Задержанный (ая) [подпись] (Дрозд Д.М.)

ПРОТОКОЛ
допроса подозреваемого

г. Минск «01» февраля 2011 года.

Допрос начат в 11 час. 00 минут
окончен в 13 час. 00 мин., без перерыва.

Следователь СО ПР Партизанского РУВД капитан милиции Лужинский Г.Е. с соблюдением требований ст. ст. 215 - 219 УПК Республики Беларусь с участием защитника – адвоката юридической консультации Фрунзенского района г. Минска Соколова А.А. представившего ордер № 2460 от 01.02.2011 года, допросил в качестве подозреваемого:

1. Фамилия, имя и отчество Дрозд Дмитрий Михайлович

2. Число, месяц, год и место рождения 26.03.1973 года рождения г. Минск

3. Гражданство (подданство) гражданин Республики Беларусь

4. Образование и специальность высшее

5. Семейное положение и состав семьи холост

6. Место работы, должность или род занятий (№ телефона) писатель - историк.

7. Место жительства (постоянное / временное, № телефона) г. Минск ул. [redacted] т. [redacted], м.т. [redacted] (МТС)

8. Судимость: ранее не судим (со слов).

9. Документ, удостоверяющий личность: личность удостоверена

10. Отношение к воинской обязанности: не военнообязан

Перед началом допроса Дрозду Д.А. объявлено, что он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч.ч. 1,2 ст. 293 УК Республики Беларусь, в связи с чем он будет допрошен в качестве подозреваемого по уголовному делу.

Подпись

Перед началом допроса в соответствии с требованиями ст. 195 УПК Республики Беларусь подозреваемому разъяснены его права и обязанности, предусмотренные ст. ст. 21, 41 и 194 УПК Республики Беларусь.

Одновременно подозреваемый заявил, что намерен реализовать свое право на бесплатную юридическую консультацию до начала допроса и желает, чтобы его интересы представлял защитник Фрунзенской ЮК Фрунзенского р-на г. Минска Соколов А.А.

(настоящего допроса или последующих процессуальных действий)

(подпись)

Зесплатная юридическая консультация обвиняемым(ой) была получена с
час. "50" мин. до "10" час. "55" мин.

(подпись обвиняемого) (подпись защитника)

связи с этим подозреваемый заявил, что разъясненные ему права и юсти понятны, показания желает давать на русском языке и в услугах дчика не нуждается.

о начала допроса в соответствии со ст. 219 УПК Республики Беларусь ваемый уведомлен о применении звуко - видеозаписи с использованием: іеналось.

(подпись)

о вышеуказанному адресу регистрации я проживаю со своей матерью Зоей Дмитриевной. Так же в квартире проживает моя родная сестра Наталья Михайловна со своим мужем Дозорцом Алексеем и двумя ми.

а учете у врача нарколога и психиатра не состою, ранее не судим. себя психически здоровым человеком, и готов давать показания. В ее время пользуюсь мобильным телефоном марки «Самсунг», сим-карта и «МТС», абонентский номер [redacted], зарегистрирован на мое имя о с 2005 года. Далее поясняю, что в политических партиях, движениях и ениях я не состою. О том, что 19 декабря 2011 года в 20 часов 00 минут рьской площади в г. Минске состоится собрание, мне стало известно из нья по выступлениям кандидатов. Кто конкретно из них говорил о на площади и для чего, я не помню. Я решил пойти на площадь и ь свою гражданскую позицию о несогласии с результатами выборов. Я что какой бы итог выборов не был, они все равно пройдут не законно. участие в данном митинге материального вознаграждения мне не 9 декабря 2010 года, около 20 часов 00 минут, я один приехал на кую площадь, и находился в трезвом виде. На площади я расположился районе остановки общественного транспорта и стал наблюдать за ящими событиями, при этом я на месте не стоял. Людей было большое ю, в руках они держали флаги и растяжки, а так же кричали лозунги: ларусь». Я так же прокричал данный лозунг несколько раз. Кандидатов и я не видел, кто из них выступал и к чему призывал, я не слышал, так о играла музыка. Спустя некоторое время люди стали выходить на часть проспекта Независимости в направлении площади юсти. Кто из выступавших на площади призвал к данным действиям, я . Спустя некоторое время, я так же присоединился к собравшимся, и о в середине толпы по проезжей части. Движение общественного и ранспорта во время шествия по началу перекрыто не было, только екоторое время. Призывов сотрудников милиции разойтись и не общественный порядок я не слышал. Я так же понимал о том, что аконный, но решил наблюдать за дальнейшими событиями. Вместе с вися, я несколько раз выкрикнул лозун: «Жыве Беларусь». Кто шел озоны я не видел, и к чему призывали, не слышал. Уже на самой

площади Независимости, я расположился ближе к костелу и периодически передвигался, пытаясь оценить обстановку. Призывов сотрудников милиции разойтись и не нарушать общественный порядок, я не слышал. Скорее всего, это потому, что люди вели себя довольно мирно, в руках держали только флаги и растяжки, запрещенных предметов я не видел. Спустя некоторое время, на ступеньках памятника организовали что-то наподобие трибуны, где появились выступающие. По голосу я понял, что выступал кандидат Санников, который говорил, что они (кто конкретно не сказал) пойдут в Дом Правительства на переговоры. Толпа людей в это время стала понемногу приближаться к указанному зданию и делать корридор, для того, что бы по нему могли пройти представители. В один из моментов я услышал звук разбитого стекла, а спутся некоторое время, подойдя ближе к Дому Правительства примерно на 60-70 метров, я увидел, что группа людей быстро перемещалась, кричали, что это провакация, а кто-то из толпы бросал какие-то предметы в сторону здания. Спустя некоторое время возле входа в Дом Правительства выстроилась цепочка из сотрудников милиции, которые через некоторое время ушли, а затем вновь появились и стали оттеснять толпу, после чего стали зерживать граждан. При задержании никакого сопротивления представителям власти я не оказывал, в стролкновении с сотрудниками милиции участия не принимал, чужого имущества не повреждал, насилия над личностью не оказывал, в массовых беспорядках участия не принимал. При задержании, телесных повреждения я не получил, за медицинской помощью не обращался. Хочу сказать, что в этот день я был одет в куртку черного цвета до пояса, без капюшена, на молнии, с надписью «VOGUE», с двумя накладными карманами на груди, на куртке завязанного флага не было, темно-синие джинсы, на голове была вязаная шапка цвета «Хакки», на ногах были зимние ботинки на шнурках черного цвета. В ходе допроса подозреваемого Дрозда Д.М. ему была продемонстрирована видезозапись «18»/»20101219/ «223553» время 00:32, на которой последний наносит удары рукой по видеокамере и лично сотруднику ЭКЦ ГУВД Мингорисполкома, который осуществляет видеосъемку. При просмотре видеозаписи подозреваемый Дрозд Д.М. пояснил, что на данной видеозаписи человек очень внешне похож на него, но это не он. Так же он пояснил, что на куртке никакого флага у него не было, и шапка на голове была другая. Более по существу поставленных вопросов мне пояснить нечего.

Собственноручно дополняю:
[illegible] быть не [illegible] не носил [illegible]
[illegible] сказал, что идут в Дом Правительства
[illegible] начались раньше и никак не связано
[illegible] выступлением, как было [illegible]
[illegible] по звукам: стук, звон, крики ура, [illegible]
что-то происходит.
[illegible] человек очень похож на меня, но [illegible]
другая одежда.

Дрозд

Приехала машина (точнее, всё тот же микроавтобус), повезли меня в Центральный РОВД — на Орловскую — да сдали милиции. Заполняющий документы офицер и прапорщик спрашивали, что делал на Площади. Сказал, что гонялся за спецназовцами, — рассмеялись. Офицер сказал, что посадит меня пока одного. Так как рядом сидели вонючие бомжи, то не хотелось оказаться в камере с ними. В обезьяннике[15] было холодновато, пробовал уснуть — но какой тут сон?

Стал вспоминать свои стихи, ходил по кругу — вспомнил многое, плюс в какой-то момент опять понравились мои же стихи. Подумал, что в тюрьме будет возможность дописать книгу. А так как нет никаких черновиков, то пришлось бы всё написать заново. Хотя по памяти восстановил больше 10 стихов — многие из них более чем подходили к моей ситуации: «Из грубых мук мне сделали рубашку…» Там есть строка в конце: «Я ожидаю день освобождения, уверенный, что этот срок

пожизненный». Потом «Быть загнанным…». Да уж, весёлого мало. Но всё-таки приятно через столько лет вдруг подумать, что был у меня какой-никакой талант, которому б такое осуждение было б только на пользу — прям-таки Бродский.

Позже подсадили ещё одного парня: украл мобильный телефон — поймали, когда продавал через интернет. Переживал, но говорил, что полностью признал свою вину, и следователь сказал, что его завтра могут отпустить. Потом заехал ещё один — уже явно погулявший по тюрьмам. По его словам, как я понял, его вместе с подругой задержали менты — забрали деньги, избили, потом отвезли в больницу — но врач сказал, что ничего страшного. Кое-как на лавках пробовали заснуть — благо, что перевели нас в камеру побольше.

Заключение под стражу подозреваемого
Дрозда Дмитрия Михайловича
Санкционирую
Зам. Прокурор города Минска
государственный советник
юстиции 3 класса
Н.Н. Кулик
«03» февраля 2011 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о применении в отношении подозреваемого меры пресечения
в виде заключения под стражу

г.Минск 03 февраля 2011 г.

Начальник отдела следственного управления предварительного расследования ГУВД Мингорисполкома подполковник милиции Сукало А.Н., рассмотрев материалы уголовного дела № 10011110362,

УСТАНОВИЛ:

Дрозд Дмитрий Михайлович, действуя по предварительному сговору группой лиц с Арестовичем А.И., Бондаренко Д.Е., Бреус А.Ю., Булановым Д.А., Василевичем И.Л., Виноградовым П.Ю., Возняком С.В., Гапоновым И.И., Грибковым А.Ф., Дмитриевым А.В., Казаковым С.Л., Квяткевичем А.А., Кравцом А.К., Корбаном О.М., Марцелевым С.В., Медведем Д.Л., Мирзаяновым Ф.Р., Михалевичем А.А., Лебедько А.В., Лиховидом Н.Ю., Некляевым В.П., Новиком Д.Л., Отрощенковым А.С., Павловым А.В., Позняком А.А., Полаженко А.В., Парфенковым В.П., Радиной Н.В., Рымашевским В.А., Санниковым А.О., Северинцем П.К., Секретом Е.В., Статкевичем Н.В., Федоркевичем О.В., Федутой А.И., Халип И.В., Хомиченко В.Н. и неустановленными лицами с 19 по 20 декабря 2010 г. на территории г. Минска совершил умышленные действия, направленные на организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти, а так же участвовал в массовых беспорядках, что выразилось в непосредственном совершении указанных действий. В результате умышленных действий Дрозда Д.М. повреждено имущество ГУ «Главное хозяйственное

управление» Управления делами Президента Республики Беларусь на общую сумму 29 073 449 рублей.

Своими умышленными действиями Дрозд Д.М. совершил преступление, предусмотренное ст. 293 ч. 1, 2 УК Республики Беларусь.

Принимая во внимание, что Дрозд Д.М. подозревается в совершении особо тяжкого преступления, находясь на свободе, может скрыться от органа уголовного преследования и суда, воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, руководствуясь ст. ст. 116, 117, 118, 119, 126 УПК Республики Беларусь,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Применить в отношении подозреваемого Дрозда Дмитрия Михайловича, 26.03.1973 года рождения, уроженца г. Минска, гражданина Республики Беларусь, имеющего высшее образование, зарегистрированного и проживающего: г. Минск ул. [redacted], не работающего, холостого, меру пресечения в виде заключения под стражу в СИЗО-1 УДИН МВД Республики Беларусь по г. Минску и Минской области, о чем ему объявить.

2. Копию постановления направить начальнику СИЗО-1 УДИН МВД Республики Беларусь по г. Минску и Минской области.

3. Копию настоящего постановления вручить подозреваемому, разъяснив ему право и порядок обжалования заключения под стражу.

Начальник отдела
СУ ПР ГУВД Мингорисполкома
подполковник милиции А.Н. Сукало

СОГЛАСЕН
Начальник
СУ ПР ГУВД Мингорисполкома
подполковник милиции Г.А. Казакевич

Настоящее постановление мне объявлено, копию постановления получил, право и порядок обжалования заключения под стражу мне разъяснены.

«__» __________ 2011 г. ___________ (___________)

2 февраля

Утром посадили в автозак и повезли на Окрестина — были уже в наручниках. Шапку мне так и не отдали, было холодновато. Привезли, вышел в уже знако-

мое здание. Знакомый по 19 декабря коридор, но совсем пустой. Зашли на «ресепшн» — проверили, обыскали. Повели в камеру — на третий этаж — номер уже не вспомню. Камера просторная — в два раза больше той, что в Жодино, — всего 5 коек: одна отдельно и две двухэтажные.

В камере на тот момент было три человека. Позже узнал имена двух, а третьего уже увезли — тоже верил, что отпустят до суда. Первый — Саша, сидел за мошенничество. Второй — Василий Иванович Дроздов — за нанесение тяжких телесных. Еда очень хорошая. Никто не трогает: сидишь, лежишь. Было радио — белорусское, в общем, вполне терпимые условия. Саша, как я понял, — свободный художник — предприниматель, сидел за оформление кредита на людей. Где-то в интернете у него есть магазин.

Василий Иванович уже отсидел в общей сумме около 20 — ещё при СССР сидел в Архангельске. Рассказывал интересные истории про свою жизнь. Он из интеллигентной, а точнее, элитной советской семьи: его отец — капитан, а дед — генерал. Живут в доме около цирка. Мама его воевала вместе с Машеровым. Рассказывал, как когда-то в молодости украл у ментов автомат, про свою коллекцию автомобилей, про соседей-знаменитостей, про то, что в молодости работал фотографом в парке… У него очень хорошая память. Если б он писал мемуары, то вышла б неплохая книга.

Потом заехал ещё один — тоже за мобильный телефон. В общем, три дня прошли довольно однообразно. Принесли передачу — от Миши [Ермалюка], 2 свитера, сало, бельё — вот эта тетрадка и никаких книг. Разве что газета «Наша Ніва» за 2 февраля. Там было про нашу последнюю акцию около КГБ — когда взяли Макса [Винярского] и Полину [Курьянович].

3 февраля

Заканчивались мои трое суток. Я особо не рассчитывал, что меня выпустят, — так и вышло. Приехал улыбающийся следователь и продлил задержание на 10 суток. Обвинение так и не предъявили. Надеялся, что дадут доночевать на Окрестина, но уже ночью приехала опять клетка — опять наручники. Со мной рядом сидел какой-то малолетка — всё время провоцировал конвой, за что после получил и был прикован наручниками к двери, так и доехал стоя — зря говорил, что он малолетка и что с ним так нельзя.

Приехали в СИЗО на Володарского — с интересом вошёл в замок[16]. Удивительно повернулась жизнь: вот я и арестант Пищаловского замка. В СИЗО записали, обыскали, разделся, поприседал[17], проверили каждый шов, выдали матрас и прочее. Одеяло было с огромной дырой, а простыня только одна. Не знаю, сколько времени было, когда меня отвели в камеру, — пришлось ещё посидеть в маленькой комнатушке с видом на ночной центр информации МВД. Можно было даже помыться, но не знал, где придётся ночевать, поэтому не стал мыться.

Ночью завели в камеру. Разбудили людей. Камера, кажется, № 23. Кто-то рассказал, что делать и как, — встретили довольно прохладно, но с пониманием, что не моя вина в столь позднем визите. Пришлось лечь на пол. В камере было всего 6 нар, и один человек уже спал на полу. Пришлось лечь с ним рядом — на полу к утру стало совсем холодно. Может, и задремал немного.

Производство обыска
САНКЦИОНИРУЮ
Зам. Прокурор города Минска
государственный советник юстиции
третьего класса
Н.Н.Кулик
«02» 02 2011 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о производстве обыска

г. Минск 31 января 2011 г.

Следователь следственного отдела предварительного расследования УВД администрации Октябрьского района г. Минска Толстогузов А.С., рассмотрев материалы уголовного дела №10011110362, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного ч.ч. 1, 2 ст.293 УК Республики Беларусь,

УСТАНОВИЛ:

В производстве СУ ПР ГУВД Минского горисполкома находится уголовное дело №10011110362, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч.ч.1,2 ст.293 УК, в отношении неустановленных лиц, которые в период времени с 19.12.2010 года на 20.12.2010 на территории г. Минска совершили умышленные действия, направленные на организацию массовых беспорядков, сопровождающими насилием над личностью, погромами, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти, что выразилось в непосредственном совершении указанных действий.

Принимая во внимание наличие оснований полагать, что по месту проживания Дрозда Дмитрия Михайловича, 26.03.1973 г.р., в квартире [redacted] дома [redacted] в г.Минске могут находиться предметы, документы, которые имеют отношение к настоящему уголовному делу, руководствуясь ст. ст. 208 и 210 УПК Республики Беларусь,-

ПОСТАНОВИЛ:

Произвести обыск в квартире и иных законных владениях по месту проживания Дрозда Дмитрия Михайловича, 26.03.1973 г.р., по адресу: г.Минск, ул. [redacted], в целях обнаружения и изъятия вещей, имеющих значение по уголовному делу.

Следователь СО ПР
Октябрьского РУВД г. Минска А.С.Толстогузов

Постановление мне объявлено:
«4» февраля 2011 года в «10» часов «15» минут (Дрозд Н.М.)

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

г. Минск «04» 02 2011 г.

О/у ОЭР Минского ОБЭП ст. лейтенант
(должность, классный чин, звание и фамилия лица, производящего процессуальное действие)
милиции Новиков С.В.

на основании постановления от «02» 02 2011 г., с участием понятых:

1. Илькович Натальи Николаевны
г. Минск ул. [redacted]

2. Чернякова Виктора Яковлевича
г. Минск ул. [redacted]

а также специалиста без участия
(Ф. И. О., область специальных знаний)

в присутствии Дозорец Натальи Михайловны
(фамилия, имя, отчество, адрес места жительства)
г. Минск ул. [redacted]

с соблюдением требований ст. ст. 208 и 210 УПК Республики Беларусь произвел обыск
г. Минск ул. [redacted] Дроздова
(где, у кого, по какому адресу)
Дмитрия Михайловича

В соответствии с требованиями ст. 193 УПК Республики Беларусь, всем присутствующим разъяснено, что они вправе обращать внимание лица, производящего процессуальное действие, на все, что по их мнению может способствовать выяснению обстоятельств уголовного дела, а также делать замечания, подлежащие занесению в протокол.

Кроме того, в соответствии с требованиями ст. ст. 200 и 202 УПК Республики Беларусь специалисту и понятым были разъяснены их права, предусмотренные, соответственно, ст. ст. 62 и 64 УПК Республики Беларусь, а также ответственность, установленная ст. 133 УПК Республики Беларусь.

До начала производства процессуального действия в соответствии со ст. 193 УПК Республики Беларусь присутствующие лица были уведомлены о том, что в ходе обыска будут применяться не применялись
(наименование научно-технических средств)

Перед началом обыска гр-ну(ке) Дозорец Н. М. было предъявлено постановление об этом от «02» 02 2011 г., и предложено добровольно выдать подлежащие изъятию орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела, на что он (она) заявила
об отсутствии таковых
(заявление об отсутствии таковых / добровольно выдал(а))

после этого был произведен обыск, в результате которого обнаружено и изъято:

№ п/п	Перечень изъятых предметов с указанием количества меры, веса, индивидуальных признаков	Место обнаружения	Стоимость
1	2	3	4
1	Системный блок ПЭВМ «ASUS»		
2	Фотоаппарат «Canon» PC1130		
3	Видеокамера «Panasonic»		

1	2	3	4
4	Книга под редакцией Дмитрия Орлова „Землевладельцы Минской губернии“		
5	Агитационные брошюры с изображением Андрея Санникова	356 шт	
6	Листовка с призывами голосовать за Санникова	11 шт	
7	Диск DVD+R 4.7Gb		
8	Шапка вязанная цвета „хаки“		
9	Агитационные плакаты за Санникова	7 шт	
10	Тетрадь конспектов 48 лист		
11	Шарф с красной вышивкой и чехлом белого цвета		
12	Агитационная листовка за Санникова	1 шт	
13	Коробка картонная от Несарона „Фрисо“		

Предметы (документы), указанные в п.п. 1 – 3 настоя[щего] протокола, после предъявления их участникам процессуального действия упаков[аны] полиэтиленовый пакет

опечатаны печать № СУП Р РУВД Минского исполкома (наименование органа)

а также скреплены подписями участников процессуального действия.

Предметы (документы), указанные в п.п. 1 – настоя[щего] протокола не упаковывались и не опечатывались.

Обыск начат в 10 час. 20 мин. и окончен в 11 час. 05 мин.

Замечания по поводу обыска и содержания протокола не поступ[или]

Протокол прочитан. Записан правильно.

Лицо, у которого производился обыск (подпись) Дозорц (фамилия, инициалы)

Понятые: (подпись) Ильтевич Н (фамилия, инициалы)

(подпись) Черкасов В. (фамилия, инициалы)

Специалист: (подпись) (фамилия, инициалы)

Обыск произвел и протокол составил:

О/у ОУР МОБДТ (прокурор, следователь, дознаватель) (подпись) Новиков (фамилия, инициалы)

Копию настоящего протокола получил « 4 » февраля 2011 г.

(подпись) Дозорц (фамилия, инициалы)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о назначении компьютерно-технической экспертизы

г. Минск 04.02.2011

Старший следователь следственного управления предварительного расследования ГУВД Мингорисполкома капитан милиции Дыщенко Д.В. , рассмотрев материалы уголовного дела № 10011110362,-

УСТАНОВИЛ:

Следственным управлением предварительного расследования ГУВД Мингорисполкома расследуется уголовное дело № 10011110362, возбужденное 20.12.2010 по признакам преступления, предусмотренного ч.ч.1, 2 ст.293 УК Республики Беларусь.

Предварительным расследованиям установлено, что неустановленные лица в период с 19 по 20 декабря 2010 года, находясь на территории г. Минска, совершили умышленные действия, направленные на организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти, а также участвовали в массовых беспорядках, что выразилось в непосредственном совершении указанных действий.

В ходе проведения обыска по месту жительства гр-на Дрозда Д.М. был изъят системный блок персонального компьютера и карта памяти.

Учитывая, что для установления истины по уголовному делу необходимо проведение исследований с использованием специальных познаний, руководствуясь ст.ст. 226, 227, 229 и 230 УПК Республики Беларусь,-

ПОСТАНОВИЛ:

1. Назначить по настоящему уголовному делу компьютерно-техническую экспертизу, поручив ее производство специалистам ЭКЦ ГУВД Мингорисполкома.

Поставить на разрешение экспертов следующие вопросы:

Имеются ли на жестких дисках, представленного на исследование системного блока файлы, в том числе удаленные, содержащие следующие ключевые слова: «Лукашенко»; «Некляев»; «Санников»; «Романчук»; «Михалевич»; «Возняк»; «Дмитриев»; «Рымашевский»; «Северинц»; «Статкевич»; «Федута»; «Халип»; «Усс»; «Виноградов»; «Арестович»; «Бондаренко»; «Бреус»; «Василевич»; «Гапонов»; «Корбан»; «Квяткевич»; «Марцелев»; «Медведь»; «Лебедько»; «Лиховид»; «Новик»; «Отрощенков»; «Павлов»; «Парфенков»; «Позняк»; «Полаженко»;

«Радина»; «Федоркевич»; «Хомиченко»; «Гнедчик»; «Кобец»; «Виноградов»; «фронт»; «функциональны обязанности»; «отчет»; «оплата»; «распределение финансов»; «кандидат»; «президент»; «штаб»; «лимит расходов»; «сбор подписей»; «пикет»; «митинг»; «площадь»; «плошча»; «выборы»; «затраты»; «расходы»; «координатор»; «безопасность»; «служба безопасности»; «курьер»; «партия»; «революция»; «общественное объединение»; «парламент»; «диктатура»; «фонд»; «захват»; «независимость»; «акция»; «переворот»; «АГЛ»; «государство»; «государственное учреждение»; «урада»; «правительство(а)»; «власть»; «совет министров»; «СовМин»; «ЦИК»?

Имеются ли на жестких дисках, представленного на исследование системного блока файлы архивы электронной почты, программы для обмена моментальными сообщениями в сети Интернет?

Имеются ли на жестких дисках системного блока и карте памяти, представленных на исследование видеофайлы и файлы графического формата, в том числе удаленные, содержащие изображение общественно-политических акций, изображение людей в форменной одежде?

2. Предоставить в распоряжение эксперта следующие материалы:

- настоящее постановление;
- карта памяти;
- системный блок.

Старший следователь
СУ ПР ГУВД Мингорисполкома
капитан милиции — Д.В. Дыщенко

С ГУВД Мингорисполкома
ул. Фабрициуса, 12, 220007, г.Минск

04 ФЕВ 2011

Канцелярия — Бычкова
Ольга
…ннадовна

4 февраля

Просыпался от холода — свет в камере совсем не выключают — в отличие от Жодино или Окрестина[18]. Пришлось спать под подушкой.

Парень, который меня встретил, кратко ввёл в суть дела, что и как делать. Был я там совсем недолго, уже и не помню, завтракал ли. Потом вызвали и перевели в № 18.

В 23-й, наверно, сидят очень уважаемые люди — старший Эдуард Янович. Почти все уже люди в солидном возрасте. Видно, что культурные люди, — на полках — история русской церкви. Увы, не удалось так посидеть, хотя, конечно, спать там на полу не самое приятное удовольствие — но главное, что курили там только в форточку, в туалете зажигали сушёную апельсиновую корку для ароматизации.

В 18-й обстановка совсем иная — аж трёхэтажные нары, на 15 человек, — но и они переполнены, я был уже 21-й, а за мной привели ещё одного. Сводили меня на пальцы[19] — уже третий раз после Площади. Да в РОВД ещё раз сфоткали для какой-то экспертизы[20]. А здесь ещё и кровь взяли для анализа.

Евгений Михайлович ввёл меня в местные законы[21] — узнал, какая у меня статья. Когда узнали, что за Площадь, — все оживились, стали задавать вопросы. Я оказался здесь первым из политических, хоть говорят, что в других камерах по одному есть[22]. Здесь нравы попроще — курят почти все около двери, т. е. прямо около меня, в туалете[23] просто открывают воду и никаких бумаг или корок не жгут. Стол общий[24], так что еды довольно много[25]. Постепенно пробую узнать всех по именам, кто есть кто. Меня положили спать в ночную смену, многие — 7 человек — спят днём[26].

Вызвали «с бумагами» — это значит, в кабинет[27]. Оказалось, что мне наняли адвоката, — молодая девуш-

ка [моим адвокатом была Светлана Николаевна Горбаток] рассказала, какие новости в мире, что дома, что будет обыск, что с мамой всё нормально. Я ей тоже передал, что здесь жить можно, пусть не переживает.

7 февраля

Выходные прошли без особых событий. Смотрели телек[28]. Очень плохо, что мало места — всё время проходит в поисках свободного места, чтоб никому не мешать. Лечь днём негде — да и сесть не всегда можно.

Пришли следователь и адвокат. Поговорили с адвокатом, сказала, что дома всё нормально, что был обыск — даже мой комп забрали[29]. Не знаю, что они ещё забрали. Предъявили мне обвинение. Я торопился: нас до моего ухода готовили в баню[30], но здесь такое правило, если кто-то не идёт, то не идут все. Не хотелось всех подвести — поэтому признал себя виновным частично: мол, на митинге был, а в беспорядках не участвовал и не организовывал. В баню всё равно не попали. Ходили на улицу[31] — хоть какое-то движение, почти сел на шпагат.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о привлечении в качестве обвиняемого

гор. Минск 07 февраля 2011 г.

Начальник отдела следственного управления предварительного расследования ГУВД Мингорисполкома подполковник милиции Сукало А.Н., рассмотрев материалы уголовного дела № 10011110362,

УСТАНОВИЛ:

Дрозд Дмитрий Михайлович, действуя по предварительному сговору группой лиц с Арестовичем А.И., Бондаренко Д.Е., Бреус А.Ю., Василевичем И.Л., Виноградовым П.Ю., Возняком С.В., Гапоновым И.И., Дмитриевым А.В., Кравцом А.К., Корбаном О.М., Марцелевым С.В., Медведем Д.Л., Михалевичем А.А., Лебедько А.В., Лиховидом Н.Ю., Некляевым В.П., Новиком Д.Л., Отрощенковым А.С., Павловым А.В., Позняком А.А., Полаженко А.В., Парфенковым В.П., Радиной Н.В., Рымашевским В.А., Санниковым А.О., Северинцем П.К., Статкевичем Н.В., Федоркевичем О.В., Федутой А.И., Халип И.В., Хомиченко В.Н., и неустановленными лицами с 19 по 20 декабря 2010 г. на территории г. Минска совершил умышленные действия, направленные на организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти, а так же участвовал в массовых беспорядках, что выразилось в непосредственном совершении указанных действий. В результате умышленных действий Дрозда Д.М. повреждено имущество ГУ «Главное хозяйственное управление» Управления делами Президента Республики Беларусь на общую сумму 29 073 449 рублей.

Своими действиями Дрозд Д.М., совершил преступление, предусмотренное ч.ч. 1,2 ст. 293 УК Республики Беларусь, – организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти и участие в массовых беспорядках, выразившееся в непосредственном совершении массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти.

Принимая во внимание, что по делу собраны достаточные доказательства, дающие основания для предъявления обвинения Дрозду Дмитрию Михайловичу, руководствуясь ст. ст. 240, 241 и 243 УПК Республики Беларусь,

2

ПОСТАНОВИЛ:

1. Привлечь Дрозда Дмитрия Михайловича, 26.03.1973 года рождения, уроженца г. Минска, в качестве обвиняемого по настоящему делу и предъявить ему обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч.ч. 1, 2 ст. 293 УК Республики Беларусь.

2. Вручить обвиняемому копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого и протокола о разъяснении его прав.

3. Копию настоящего постановления направить прокурору г.Минска.

Начальник отдела следственного управления
ПР ГУВД Мингорисполкома
подполковник милиции А.Н. Сукало

СОГЛАСЕН
Начальник следственного управления
ПР ГУВД Мингорисполкома
подполковник милиции Г.А. Казакевич

Копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого и протокола разъяснения прав получил «____» _________ 2011 года в «___» час. «___» мин.

Настоящее постановление мне объявлено и сущность предъявленного обвинения разъяснена «____» ________ 2011 года в «___» час. «___» мин.

Обвиняемый Д.М. Дрозд

Защитник ____________

Постановление объявил и права разъяснил:

8 февраля

Сегодня жить стало веселее: шёл на прогулку, руки за спиной — и зацепился за доску, упал прямо на нос[32] — сразу кровь. Повели к врачу, сделали снимок — перелом, так что будет разбирательство. Сегодня все писали объяснительные, некоторые по два-три раза, водили в опер-

часть. Ясно, что никто не верит, что можно так упасть. Боятся, что «интернет напишет» о пытках и т. п. — так что до самого отбоя это было главное событие в жизни тюрьмы, за этот день точно.

9 февраля

Пошёл на прогулку. Нос болит, но вполне терпимо. Кажется, будет кривым — ну, не совсем. Сегодня приехали два следователя из угрозыска — те, которые меня арестовывали. Не понял, что это была за беседа — без протокола, — спрашивали про флаг, про мегафон, про камеру. Спрашивали про деньги, про всё прочее. Даже про штык[33]. Короче, хоть какая-то вырисовывается картинка, в чём, собственно, меня будут обвинять.

17 февраля

Жизнь совершенно однообразная — правда, в последние дни всё немного сдвинулось с места: уехал мой партнёр по шахматам Миша — дали 3 года, уехал на зону Андрей Самец, уехал Игорь Алешко — который не пропустил ни одной прогулки. Уехал Олег, который чуть не сбросил телевизор. Приехали три новичка. Один из них уже сидел в этой камере до суда, и половина «стариков» ему уже знакомы. Новичок Виталий умеет стричь — меня подстриг. Немного простыл и не ходил на прогулки, на улице 10 мороза, а вчера было 15, но была генеральная уборка — так что выгнали нас на улицу. Олег под руководством Артёма мыл камеру. Игорь выделил мне свою шапку и перчатки — на улице хорошо, я бы ходил чаще. Можно посмотреть на солнце — из камеры виден только освещённый солнцем кусок башни. Стали приходить письма — от мамы два, от девчонок два, от

Оксаны [Версоцкой]. Читаю книги, правда, нет ничего такого — обязательного для чтения[34], всё чисто ради убийства времени.

После падения я стал знаменитостью среди охранников — они не упускают случая подколоть меня — что «всю Площадь развалил и тюрьму хотел». Сегодня ещё трое поехали на суды: Игорь-малой[35], Макс — мой очередной шахматный соперник. Кажется, так ни разу у меня и не выиграл. И Юра — пожарный. Два первых, скорее всего, сегодня выйдут на свободу, а Юре за наркотики светит приличный срок. Время стало идти заметно быстрее: первые дни казались бесконечными — теперь же всё летит, а вспомнить нечего. Ходили в баню, кто-то перед отходом поставил воду кипятить…

Сегодня Оксана [Версоцкая] положила мне ещё 50 000 рублей и передала передачу. Очень приятно — только, правда, не знаю, куда деть вещи[36]. Главное занятие — общая тетрадь, теперь смогу написать что-нибудь, может, туда дневник перенесу, а может, стихи буду писать — хочется верить, что была б общая тетрадь, а чем заполнить её, найдётся.

18 февраля

Сегодня вызвали с бумагами — сходил в кабинет к начальнику, закрыли дело о моём носе.

22 февраля

Жизнь идёт на удивление однообразная. Пока никого не забрали. Приехали новые люди — один был уже 7 месяцев на зоне в Могилёве, рассказывает, как там. Услышанное вселяет оптимизм — жить вполне можно. Есть даже курсы — можно получить разные специальности:

хочешь — будь электриком, сантехником. На «Витьбе» есть курсы иностранных языков. Понемногу учу польский — идёт туго.

Вчера немного не выспался — так весь день был несобран. Сегодня вроде бы нормально. Артём поехал на первый суд. В воскресенье показали суд над Парфенковым[37] — дали ему 4 года. Это, конечно, мало радует — но прокурор просил для него вообще 6! У него уже была судимость, да и вообще, характеристики, которые ему дало БТ, не впечатляют — пьяница и т. п. Но он выступал по телеку, говорил, что получал деньги, наверно, всячески сотрудничал со следствием — поэтому довольно сложно по этому приговору определить мой срок. Наверно, будет что-то около того.

Пока, в общем, никак не удаётся использовать время с пользой — просто тупо его прожигаю. Пришли письма — от Светы Романовой, мама прислала записку от Оли [Юрченко] — там всего пару слов и книги. Передала мне 2000 рос. руб. на подарок. Мама пишет, что она очень переживает.

23 февраля

Сегодня собрался и сходил на прогулку. Ходили только 3 человека — так что можно было походить и постоять практически в одиночестве. Светило солнце — стоял, смотрел на солнце с закрытыми глазами и представлял, что я стою около озера в Дроздах, что вокруг мои любимые места, вспомнил Сахалин, Мёртвое море, Египет…

Потом сразу после прогулки пришла адвокат — я уже заявление написал, чтоб она приехала — а то с 8-го числа не было. Было о чём с ней поговорить — долго болтал и по делу, и не по делу. Она принесла мои характеристики — из «Докуса»[38], от Гоголадзе. Витольд

[Ханецкий] собрал от моих друзей ходатайства: Влад [Верёвкин-Шелюта], Калечиц, Янушкевич, Оля Славинская, кто-то ещё подписались, чтоб меня выпустили под подписку. Как знать — было б здорово выйти — хоть месяц пожить на свободе. Уже почти месяц отсидел, а если считать Жодино, то я уже потерял целых 34 дня в тюрьмах, СИЗО, ИВС и обезьяннике.

С судом над Парфенковым не всё ясно. Адвокат сказала, что 14 млн. — это на нас всех и что иск уже погашен. Никакой новой информации у неё нет. Дома всё хорошо — насколько это возможно в такой ситуации.

Играли весь день в домино. Немного продвигаюсь в польском языке. Вчера постригли Олега[39], Артём ездит в суд. А так всё тихо. В камере — 21 человек.

25 февраля

Вчера вечером забросили к нам ещё двух. Хоть люди многие живут здесь уже неделю, но они остаются какие-то безликие, незаметные — хорошо, если запомню их имена. Один вчерашний оказался пожарным — служил с нашим Юрой в одной части. Так что у нас уже два пожарных. 23 человека — иногда, когда все выползают, негде даже встать! Сегодня получил 5 писем — 2 от мамы, 2 от Оли Гайдуковой и от Саши [Абрамчика]. За польский сегодня и не брался — уже 2 урока неплохо выучил — около 70 слов, два текста. Если так пойдут дела, через месяц буду говорить на польском. А писем сегодня пришло аж шесть — ещё одно от Кати [Ерусалимской] и Иры [Пчёлкиной].

1 марта

Ну вот — юбилей! — хоть маленький, но уже целый месяц в тюрьме. 1 февраля меня разбудили менты… Сейчас проснулся в половине первого — в камере, как всегда, шум, но Олег, у которого около 9 сроков, стирает свою куртку, гремя тазиками, — ночами не получается нормально выспаться, а потом весь день хожу замученный. Вчера ходили в баню. Пришло 3 письма — от Иры Обернихиной, от Сергея [Защука] и от женщины из Мозыря с «Одноклассников». Весь день учу польский — медленно, но верно двигаюсь вперёд. Пишу стих — что-то даже получается, на удивление, играю в домино… Дни идут.

Каждый день какие-то проверки[40] — вчера днём второй раз вывели на первый (подвальный) этаж, пока нас шмонали[41]. В камере на сейчас 22 человека, вчера уехал Вася, я так с ним и не познакомился — он спал днём. Дни проходят в беседах с Олегом Граком: всё доказывает, что невиновен, — как ему удаётся убедить всех, точнее, заставить всех его слушать, непонятно[42]. Я его не могу слушать.

Сегодня дописал наконец-то стих! Это просто грандиозное событие — уже лет 7 мне не удавалось продвинуться дальше первой строки — и вот целый стих «Свыкаясь со всем…» — не шедевр, но в нём мне удалось сказать всё, что хотел. Так что прогресс налицо — записал в «чистовик» — общую тетрадь, — глядишь, к концу срока всю заполню.

Артём уехал на суд. Сегодня судят много наших — может, будет какая-то информация…

Вот и день прошёл. Пришло письмо от мамы — пишет, что ждёт меня, что адвокат сказала, что 90%, что я буду скоро дома… Но увы — сижу.

2 марта

День как день. Письмо от мамы. Днём опять шмонали — вывели вниз…[43] Играли в домино. Игорь с МАЗа вернулся с суда — запросили 4 года «химии»[44], — это значит, будет на свободе уже 10-го числа. А по БТ в новостях показали суды над нашими — Отрощенков[45], который нигде не замечен, только лицо на одном кадре, — не признал свою вину — получил больше всех; остальные — от 3 до 4. Кто-то получил 3 с половиной. В принципе картинка ясна: никого не отпустят. Решил не признавать своей вины и не каяться — какая разница, 3 или 4 года? Это всё равно слишком большая цена за наши «преступления». Короче, надо настраиваться на длинный путь.

Как повернулась жизнь! Но всё уже сделано. Суд — абсолютно бесполезное времяпрепровождение — что он решит? 3 или 4? 4 или 5? Это не суд — а показательная порка. С другой стороны, чем жёстче будет приговор, тем больше шансов, что Европа не сможет закрыть на это глаза. Скорее всего, я смогу всё это вынести. Главный вопрос — смогут ли это вынести мама, бабушка… Будет ли мне куда вернуться после? Может быть, этот срок станет началом ещё более сложного пути — без близких, без дома… Вот что куда страшнее. Три года — это так много!!! После моего возвращения из Москвы уже прошло почти два года — так там было два лета — Дрозды, когда дни летели незаметно, были месяцы в архиве. Теперь всё-таки дни очень длинные — и главное, бесполезные.

4 марта

Никаких новостей. Немного приболел, здесь все кашляют[46] — похоже, такая атмосфера: весь день откры-

то окно. Вчера пришла «Народная воля» — там есть про нас, так что хоть немного теперь буду в курсе событий. Правда, там инфа немного отстаёт — Отрощенков только собирается на суд.

Сегодня уехал на суд Олег «Строгач» (уже 8-я или 9-я судимость)[47], Артём продолжает суды, а у Юры будет приговор — прокурор запросил аж 8 лет!!! Понимаю, что могут дать немного меньше — может, и 5. Неплохой парень, пожарный — много чего пережил на пожарах, статья — торговля наркотиками. Женат уже второй раз, есть ребёнок от первого брака. Вчера разговаривал с Апоном — человек занимал высокие должности в Союзном государстве — подставили, как будто брал взятку, не смогли доказать — дело развалилось в суде. Вообще, главная сила нашей системы — лжесвидетель.

Продолжаю учить польский. Немного смирился со своим сроком — думаю, что дадут 3 года. В обед пришла адвокат — особых новостей у неё не было, просто посмеялись. У неё такое весёлое настроение — страшно: ведь и ей самой грозят неприятности — сказали, что адвоката Санникова лишили лицензии[48]. Подтвердила моё мнение, что в принципе всё уже понятно: 3–4 года. Следователь, по её словам, утверждает, что вот-вот закончится следствие, можно будет ознакомиться с делом — и в суд. Не знаю, стоит ли тянуть с переездом в лагеря, здесь я весны не увижу — ни одного дерева в пределах видимости.

Юре дали 6 с половиной лет — ужас — это практически крест на жизни человека. А Олег вернулся в хату[49] — никто не явился на суд. Пришла только одна «Народная воля».

6 марта

Вчера по телеку выступал Лука — давал интервью «Вашингтон Пост». Смеялись всей камерой — веселее,

чем КВН! Про нас тоже много раз упоминал — называл нас опять бандитами[50]. Сказал, что не может нас сейчас освободить, — мол, только после суда помиловать может. То, как на него давил журналист, дало надежду, что США не закроет на это глаза, а его ответы иногда граничили с хамством — это звучало как откровенный вызов США. Не знаю, по-моему, такие заявления не могут остаться без реакции.

Вчера выиграл у Димы в шахматы, до этого выиграл у Андрея — так что расту как шахматист. Наверно, если б у меня был достойный партнёр, я б играл с ним всё время — как когда-то в «Берёзке»[51] с Арбузовым [пионер, имевший шахматный разряд]. Вчера Артём нарисовал мой портрет — очень неплохо вышло. Сейчас самое нудное время — выходные, да ещё сразу четыре дня — 8 Марта. Нужно просто переждать — а 10-го продолжатся суды. Учу польский.

7 марта

Выходной — самые тяжёлые дни — без новостей, без движения. Выиграл у Димы в шахматы, потом ничья, потом 2 проиграл, а в остальном абсолютно бесполезный день.

8 марта

Все пошли на прогулку — точнее, почти все, — сейчас, когда стало теплее, многие ходят гулять, и в тесном дворике получается только стоять — даже руками не помашешь. Женский день — уже сколько времени живу с женщинами в параллельных мирах. Олю сегодня поздравит её парень, они будут вместе — а моё будущее на несколько лет, а скорее всего и после, уже определено —

одиночество и тоска. Всё, что останется мне, — гулять по Дроздам, смотреть на чужие жизни. Не знаю, когда и через сколько времени смогу выйти и прийти в себя, смогу ли дальше писать книги. Сейчас достаточно сложно — впереди весна, а надо думать о суде, тюрьме, зоне. Здесь слишком тесно — сел не там, не там оставил тетрадки. Весь день пытаешься занять место, чтобы никто тебя не толкал, не трогал, — но это невозможно. Короче, грустные мысли, бесполезная жертва — не вижу никаких плюсов и в будущем — разве что смогу говорить о тюрьме, как человек, бывший там. Стихи не пишутся, польский не учится — пустота.

10 марта

Сегодня опять не было писем. Ходил на улицу. После вызвали в кабинет — следователь вручил мне «продлёнку» до 01.07.2011 — так что, кажется, зависну здесь надолго — не видать мне весны. Сегодня Игорь Толочко не вернулся (ему грозила ч. 3, потом переделали на ч. 2, и прокурор запросил 4 года «химии») — значит, поехал домой. Не повезло: пришлось ему переждать длиннейшие выходные — аж 5 дней[52]. Сегодня закончатся суды моих подельников — будут новые сроки. В моих бумагах какие-то новые люди — не слышал никогда их фамилий. Сегодня вечером смотрели новости — все были удивлены, что двум россиянам дали штраф: они, типа, раскаялись, признали свою вину и просили строго не наказывать. Ясно, что здесь вмешался Путин, никто из наших не отделается таким наказанием — после двух приговоров по 4 года, 3 года и 3 с половиной года усиленного режима, казалось, нет никаких шансов. Но…

Следующий подсудимый, Медведь, получил 3 года «химии». Это вызвало у всех бурю эмоций. Честно говоря, у меня появилась надежда. Но здесь, скорее всего,

просто игра и больше таких приговоров не будет — просто после штрафа россиянам 3 года усиленного нашему выглядело бы слишком заметно. Двойственная ситуация — как показывает мой опыт, в моей жизни надежда скорее разрушится, чем сбудется. Завтра будет юбилей — 50 дней в тюрьме.

11 марта

Вечером переехал на третью шконку к окну[53].

12 марта

Утром оказалось, оттого что спал ближе к окну, — всё заложило. Вечером — болит голова, кашель. Скорей бы настало тепло. Новостей нету. Пришло только письмо от мамы от 10 марта — почему-то перестали писать все остальные. Возможно, что мои письма до них не дошли — где-то осели…

14 марта

Приходила адвокат — посмеялись, по делу ничего не знает. Пришли письма от Оксаны [Версоцкой], Саши [Абрамчика], Кати [Ерусалимской] и открытка. Пришли журналы и моя книга. Ходили в баню.

15 марта

Переехал в новый дневник — в общую тетрадь.

И в школе, и в технаре я всегда был среди лучших спринтеров — и это при том, что и там, и там по росту я занимал в самом лучшем случае второе место от конца. По сути, это с детства было одним из практически еже-

дневных моих унижений. Я висел на турнике, ел морковку… — но так и не вырос ни на сантиметр. Странно, но это не сказалось на моих спортивных успехах: один раз в технаре я умудрился перепрыгнуть планку на высоте 130 или даже 135, хотя на этой высоте остановились практически все — даже те, кто был выше меня на голову. Я не знаю, как это вышло, — помню разбег, толчок — и как я развернулся почти горизонтально (хотя мы прыгали классическими «ножницами») — и перелетел. Моя любимая — Лена Пикульская — тогда удивлённо сказала: ну ты и даёшь… Я помню этот день, помню спортзал нашего технаря. Помню, как на стометровке имел третий результат в группе, но чего я не умел никогда — это бегать на длинную дистанцию. Ни 10 км, ни 5, ни даже 2 не были мной осилены. У меня сбивалось дыхание, начинал болеть бок, во рту стоял вкус крови, и сердце бешено колотилось — я останавливался, и сил мне хватало только на то, чтоб не упасть…

Вот уже 43 дня я бегу, скорее даже как всегда — стараюсь, пытаюсь бежать — и вот уже вкус крови во рту, и невероятное по своей точности осознание: не добегу… Могу ещё брыкаться, могу ещё попробовать, как это рекомендуют опытные бегуны, — дышать на счёт, но я не добегу — не выдержит сердце. 43 дня продолжается этот забег, и никто пока не знает, сколько дней впереди. Никто. Знаю, что он не закончится завтра, знаю, что мне нужно растягивать силы. И каким бы невероятным ни казалось уже преодолённое время — впереди ещё гораздо больше. Я даже не могу сказать, что осилил одну двадцатую часть пути, 5%. Когда-то точно так же я начинал писать свою первую и пока единственную книгу[54] — сейчас один её экземпляр лежит у меня под матрасом, и весит он почти 1 кг. Я помню, как начинал тот кросс, как подсчитывал приблизительно оставшийся объём работы и приходил в ужас. Но тот путь я преодолел — правда,

сравнивать любимое дело по работе в архиве, поиск с моим нынешним положением некорректно.

Я помню, как несколько лет назад я шёл пешком со стороны кольца 40-го автобуса по улице Матусевича и вдруг понял, что, прожив почти 40 лет на одной и той же улице, я приходил домой со всех сторон — кроме этой. Я, как это часто бывает, ждал автобус, а в какой-то момент понял, что уже был бы дома — оглядываясь (как известно, транспорт, как правило, приезжает по закону подлости: или за минуту до твоего прихода, или тогда, когда, не дождавшись, ты отойдёшь метров на 60–100), я шёл от остановки. Автобуса не было. Я шёл дальше, дальше — и когда мысли настроились уже на особый ритм, тот, что бывает только при ходьбе, когда понял, что с этой стороны, по этой улице я ещё ни разу не возвращался домой, мне на ум пришла строка: «и этот путь мне предстоит пройти…» Я уже не знаю, как и в связи с чем я тогда подумал, что речь не об улице Матусевича — речь о тюрьме. Может, это было осознание мудрости про тюрьму и суму, может, что-то иное, но в тот миг я словно «сквозь мутное стекло, гадательно» увидел «этот путь».

43 дня как сижу в тюрьме на Володарского — 1 февраля в 7:40 ко мне домой зашли два человека в чёрных куртках и предложили проехать вместе с ними…

Я лежу на третьем этаже, на третьей от пола шконке, около открытого окна — на решётке довольно неплохие запасы еды: масло, сало, колбаса, сыр… Ещё немного послужит нам этот холодильник — сегодня ночью ещё ниже нуля, но к концу недели уже обещают +15. И если говорить о каких-то пытках — то осознание того, что к концу недели уже обещают +15, — это одна из самых жестоких пыток. В хате сейчас 21 человек — и я не знаю, кому из нас доведётся встретить эти +15 на свободе. Возможно, что кому-то светит условный срок, — но

узнаем это мы только тогда, когда прокурор запросит то, что он считает справедливым наказанием. И пока у нас нет никого, чей суд подходил бы к этой черте — за которой или зона, или свобода.

Я не знаю, сколько людей вышло из нашей хаты на свободу за эти 43 дня: некоторые уезжают на суд и уже не возвращаются, а где они — или на воле, или в «осуждёнке»[55] — не всегда известно. Но, вероятно, вышли Игорь, Макс, наверняка Игорь, Саша. У первых были неопасные преступления: Игорь, будучи ростом даже меньше меня, да и помельче в плечах, по данным следователя, украл со стройки 200 метров кабеля. Что такое эти 200 м — я могу приблизительно представить, отработав на кабельном телевидении три месяца. Это целая бухта — и как бы он украл столько кабеля, даже представить сложно — даже в бухте он не смог бы его укатить, тем более унести в руках… Но, похоже, следователя это не смутило, и на него списали ещё и про запас. Уходя на суд, он обещал написать, что и как, но письмо так и не пришло — так что неизвестно, удалось ли ему выйти. Максим украл велосипед — наверно, его отпустили, дали условно. У его отца было то ли 9, то ли 10 судимостей. Так что парень только в самом начале пути.

Совсем неожиданно для себя получил «химию» Игорь Толочко — в суде его обвинение переквалифицировали с 3-й части на 2-ю, и прокурор запросил 4 года «химии». Ясно, что ему дали меньше. Пришлось Игорю страдануть по полной — между заседаниями выпал перерыв дней в 10, и он, бедный, отсчитывал каждую минуту в эти дни. Как раз было 4 выходных — народ праздновал 8 Марта. Игорю, отсидевшему уже несколько месяцев до суда, эти дни казались бесконечными. Напоследок он умудрился порезаться нашими — тюремными — ножницами (у нас нет своих, и коридорный по просьбе приносит нам тюремные — общие)[56], а Паша

Агеев, будучи совсем незлым человеком, ради шутки нагнал на парня страху, рассказывая про разновидности гепатита, о способах их передачи и о возможности заразить жену. Игорь и так не слыл весельчаком — был, скорее, мрачен, даже суров — сидел около часа мрачнее тучи… На прощание он оставил нам свой кешар, и в день, когда он не явился с суда — 10 марта, — его вещи были поделены между нуждающимися. Кому-то досталась куртка, кому-то свитер, кому-то майка… Работал Игорь на МАЗе и попался на каком-то воровстве…

Вышел и Саша Ситник — совсем молодой парень. Только после армии, на Новый год подрался с курсантом милицейской школы — уже и не думал выйти, но прокурор запросил не так много, свидетель дал хорошие показания, и парень к нам уже не вернулся. Очень хорошо, что не стали ломать парню жизнь — он спортсмен, работает пожарным. Точнее, наверное, работал. Работал в одной части с Юрой — тому повезло куда меньше. Сел он за торговлю наркотиками, и хоть поменяли ему статью с 3-й части на 2-ю, получил он аж 6 с половиной лет… Ужас. У него ребёнок от первого брака, женат он и второй раз на женщине с ребёнком. Был очень хозяйственным, на нём полностью лежала ответственная обязанность — резка мясных продуктов к столу.

За мои 43 дня из тех, кто находился здесь с того дня, как я сюда попал, осталась уже практически половина состава. Из старожилов особенно выделяется Паша Агеев, который в этой самой камере сидит с 3 или 2 марта прошлого года — уже при мне он отметил годовой юбилей. Дима Пулкач — уже 3 года скитается по тюрьмам из положенных ему по приговору 4 лет. Но суды ещё не закончены. И первый, и второй сидят по экономическим статьям, у обоих многомиллиардные иски…

16 марта

Сегодня выбрался на улицу — на удивление, пошли только 3 человека: Саша, Виталик и я. Была возможность услышать историю, от которой у меня слёзы выступили на глазах. С её героем мы с самого старта в этой камере делили одну шконку — вкратце знал его историю, сейчас же услышал её во всей её типичности и безнадёжности. Жил простой парень в одном из наших районных центров — занимался бизнесом, арендовал около 2000 $м^2$ под магазин, неплохо зарабатывал. Чтоб бизнес рос, пришлось ему брать кредиты, и на себя, и на жену. Всё вроде бы шло нормально, пока хозяин этого помещения не попросил его освободить занимаемые метры. Он отказался. Хозяин — человек очень влиятельный в городе, племянник прокурора, сам бывший криминальный авторитет, убивший своего брата. Естественно, сражаться с таким было бесполезно — он обещал посадить и нашего героя, и его жену, и его родителей. В один момент на магазине были заменены замки. Всё имущество стали открыто вывозить, разворовывать. Все обращения в милицию были бесполезны. Потом сразу же банки возбудили уголовное дело — как на мошенника. Герой уехал в Россию — где пришлось ему хлебнуть горя на чужбине. Жена полетела домой, где её арестовали, осудили. Прокурор запросил 3 года, зная, что у неё два маленьких ребёнка — один только-только родился. Судья же дала 5 с половиной лет, зная, что если даст меньше 5, то у женщины будет шанс выйти на свободу по отсрочке. Это, наверно, вообще не такой частый случай, когда судья даёт в 2 раза больше, чем просил прокурор, так ещё с таким расчётом, чтоб засадить женщину — мать, только что родившую. Сейчас она уже сидит год и 9 месяцев. Саша — год. Дело дорасследуется — он ездит на суды. Дети растут без родителей у бабушки. Саша долго рабо-

тал в России — на двух работах, чтоб выплатить кредиты, голодал, работал на вредном производстве. В конце концов, его арестовали прямо в общежитии. Одно время он растил двух детей — одного грудного, — учил всё по книжкам, развесил дома везде фотографии мамы, чтоб дети её не забывали… И вот они сидят — и им не дают даже переписываться между собой, как подельникам, а в суде ему не разрешают даже поговорить с ней… По-моему, это просто ужасающий случай из нашей жизни. При этом он назвал всех основных начальников своего города, какие у них машины — у начальника отдела по борьбе с наркотиками, санстанции и т. п. И после этого говорят, что у нас нет коррупции. Причём сейчас его судят за мошенничество — что он как будто бы не собирался отдавать кредиты, которые были оформлены на него и жену.

17 марта

Сегодня был неплохой по тюремным меркам день — на суды уехало 5 человек, и нас в камере осталось как раз 15 человек, т. е. сколько и должно быть. У каждого была шконка, можно было спать. Играли с Димой в шахматы — я выиграл первую — довёл число беспроигрышной серии до 4 игр, потом две проиграл, а последнюю опять выиграл. Шахматы дают возможность убивать время с удовольствием — других вариантов пока нет. Нет никаких интересных книг. Весь день в камере было непривычно свободно… Даже на прогулку пошло всего 2 человека — я не ходил. Странно, но, несмотря на хорошую погоду, никто не хочет идти на улицу. По себе понимаю, что это на самом деле серьёзное испытание — видеть солнце из этого каменного мешка. Дворики разного размера, но в некоторых создаётся впечатление, что высота больше длины и ширины, а на крыше всего этого

решётка, над ней ещё одна — а там по дорожке гуляет охранник. Он смотрит на нас безразлично — это его работа. Иногда там гуляет девушка — странная работа для женщины, но здесь их реально много — особенно коридорные — есть даже очень симпатичные. Наверно, это должно влиять на нас успокаивающе — женщины рядом. Картинками обклеена вся хата — вырезки из «Максима» и прочих журналов. Удивительно, но полностью к этому безразличен — какая-то общая апатия и безразличие.

День был не самый плохой, но всё равно сложно избавиться от мыслей о смерти — я не знаю, смогу ли всё это вынести. Мне приходится писать маме и друзьям, что я держусь, что всё вынесу, но каждый день мне становится всё сложнее и сложнее. Тюрьма пришлась на одно и без того самых тяжёлых времён моей жизни: год, а точнее, 13 апреля будет уже два года, как я уехал из Москвы, с октября не было никаких отношений с женщинами, даже намёка на отношения. Дома проблемы с сестрой и её мужем. Слёзы мамы. Невозможность никуда уехать, что-то изменить. А здесь ещё тюрьма, угроза 3–4 лет… И так мне не очень хотелось жить, но можно было как-то отвлечься, уйти в Дрозды, на природу, а сейчас я сижу в клетке — и это всего лишь второй месяц — а что будет дальше? Без воли, без воздуха — уверен, что весна и так самая суицидная пора на зоне… Сложно всё это, но, наверно, должна быть какая-то жизнь, куда б ты хотел вернуться, — а мне возвращаться некуда. Не к кому. Одна только мама ждёт меня, но ей гораздо лучше сейчас в бытовом плане — в моей комнате. Им не так тесно, а ведь ещё подрастают племянники — им тоже нужно место. В конце концов, нам всем абсолютно негде будет жить — и я ничего не могу изменить. Что будет, если мне придётся сидеть год-два? Я выйду больным и никому, кроме мамы, не нужным. Я очень сомневаюсь,

что найду в себе силы и дальше писать книги, жить в этой стране. А уехать некуда. Я вернулся в свою молодость — когда смерть мне представлялась куда более привлекательнее жизни. Во все времена все религии запрещали самоубийство — по одной простой причине: жизнь человеческая — это страдание, а так легко от него избавиться — такой соблазн. Какая мне разница, что будет после? Может быть, сейчас даже лучший момент — наше дело у всех на виду — и сейчас самое время совершить это самосожжение?

Мне и вправду не хочется жить — тем более, жить в этой стране — стране победившего уродства. Как вышло так, что люди, самые худшие из тех, что можно было выбрать, — стали управлять моей родиной? Люди, для которых нет ничего святого, которые верят только в деньги, в материальные блага — и нет у них никакого страха, совести. И сейчас они будут меня судить — судить за то, что я хочу жить в другой Беларуси. Мне не в чем каяться, и я найду в себе силы, чтоб пойти до конца. Они хотят нас наказать, но они не понимают, что у меня есть эта возможность — поступить так, чтоб моя жизнь, моя кровь навсегда осталась на их руках. Да, одной смертью больше или меньше — им, наверно, всё равно, но надеюсь, что это ещё не всё равно для остального мира. Эту тетрадку я начал для того, чтоб записать всё, что запомнил в этой жизни: что мне стало дорого, что доставило мне счастье — не уверен, что этого будет очень много… Я сижу сейчас за столом, Сергей режет на всех пирожные — грех жаловаться, — но жить всё равно не хочется.

Прошла вечерняя проверка. Залез на свою шконку. Наверно, лучшее место в камере — моё место не видно из глазка, зато я могу видеть всю камеру. Здесь практически нет дыма — свежий воздух, и можно смотреть телевизор. Немного напрягает практически всегда от-

крытое окно — но чем ближе лето, тем больше будет плюсов — а тепло уже совсем близко.

В прошлом году каждый день в конце марта, в апреле ездил или ходил пешком в Дрозды за берёзовым соком. Впервые в том году я попробовал и добыл в большом количестве сок кленовый — воровал его в руинах старой деревни — там, где когда-то жили Шиманские, где была усадьба, а после сельсовет — деревня называлась Боровая. В этом году не видать мне сока. Реально здесь, в тюрьме, даже воды мало — ну, конечно, есть из-под крана, можно пить кипячёную, а вот минеральной или питьевой нет — хотя на отоварке[57] должна быть. Сюда вообще не передают никаких жидкостей, наверно, в страхе, что кто-то будет передавать спирт или водку. Так что приходится мне, малопьющему да некурящему, нести дополнительные потери за чужие вредные привычки.

Сейчас идёт футбол: «Зенит» играет в Кубке Европы со «Свентой». Напротив, на третьем этаже, лежит мой напарник Сергей Анибраев — залез полежать, треплется с Олегом Граком. 2:0 — «Зенит» забил гол. Смотрю на раму: она такого качества, как в старых деревенских домах, — мало того, что всего лишь одно стекло, оно вставлено в раму, которой, наверно, уже лет 40. Вообще, здесь встречаются кружки — зэчки — ещё 1951 года — ещё при Сталине зэки пили из них. Вынести бы себе такую на волю — на память. Хотя неизвестно — будет ли та воля… Не знаю, идут ли сейчас дальше суды — нет никаких новостей о нашем деле.

Одна сейчас радость — могу лечь, накрыться подушкой и спать до 8 утра, если коридорная не станет требовать подъёма в 6 утра[58].

Жаль, что не умею рисовать. С моего места можно было б делать бытовые зарисовки из жизни камеры. Есть интересные персонажи: безусловно, лидерство

принадлежит Олегу Граку — человеку с внешностью Мавроди — сидит за мошенничество. По-моему, не совсем здоровый — что-то есть в нём такое, за что Михалыч окрестил его японским роботом. Сейчас, когда его постригли наголо, он похож на Кису Воробьянинова или на какого-то маньяка. У него очень сильные очки — и когда с ним говоришь, очень сложно смотреть ему в глаза — они увеличены линзами, и это выглядит по крайней мере непривычно. Олег всех пытается убедить в своей невиновности — мол, его подставили. Он писал письма в КГБ, в госконтроль и всюду — но приходили ответы вполне ожидаемые: письма пересылали обратно в суд или в прокуратуру. Сюжет его дела представляется всем весьма простым: находил доверчивых людей, просил купить ему в кредит какие-то вещи: «плазму», бритву и т. п., обещал выплачивать кредиты и, естественно, ничего не платил. Человеку он давал какую-то сумму за оформление, объясняя: сам не могу взять кредит, мол, работаю дворником. Дома у него обнаружили кредитные договоры. Но он всё собирается доказать, что не обещал людям выплачивать кредиты, что они его обманули, всё пытается засадить их. Вообще, с его делом в камере возятся больше, чем с каким-то другим, никого столько не слушают, как его. Он мне говорит: «У меня есть своя правда, я знаю, что я прав, я пойду по костям, чтоб это доказать». Вчера он не выспался — коридорный поднял нас всех в половине седьмого. Олег спрыгнул с пальмы с криком: «Грёбаная тюрьма! Когда уже сюда заедут мои терпилы…» Было смешно — человеку не дали доспать свои… 12 часов — он в 8, после обхода, сразу запрыгивает на шконку и моментом отрубается.

18 марта

Только что Лукашенко назвал нас по ТВ бандформированиями. Неужели этот человек никогда не ответит за свои слова? Даёт интервью российским СМИ — всё та же песня — как все уже от этого устали. И всё те же морды: Проханов и др.

Сегодня получил два письма от мамы и Светы — мама прислала мне фото: мы с Олей, мама, Илья — теперь всё так далеко…

День прошёл нормально — обычно, ничего нового. Вечером приехал новенький — из Узбекистана, положили его со мной, а Серёга переехал на место Артёма, напротив. Он сегодня в первый раз поехал в суд и не вернулся — неясно, где он. Получил «Народную волю» — 22 марта будет суд над Лиховидом — его фамилия есть у меня в деле, не знаю, что есть на него — но следующий суд станет во многом показательным, но, по-моему, сюрпризов ждать не стоит: парень — член какой-то организации — кажется, «За Свободу» Милинкевича. Т. е. человек не случайный — значит, вопрос только в одном: три или четыре?

Сегодня Виталику Казею запросили 10 лет — статья 328[59], — понемногу изучаю Уголовный кодекс — в основном на статьях моих сокамерников… 10 лет!!! Мы похожи на фронтовиков, которые ждут в землянке, провожая товарищей на задание и зная, что практически нет шанса… 10 лет — за какие-то граммы, только на основании слов свидетеля. Загубленная жизнь. У Зайца суд перенесли на май… Ещё 2 месяца в тюрьме — ещё 2 месяца дети будут расти без родителей. Ужасная страна. Что моя беда рядом с их бедами?

Мама написала, что получила мои автобиографии и рисунок и что про меня должна выйти статья в «Нашай Ніве» — звонил корреспондент.

19 марта

Суббота. Выходные в тюрьме — самое тяжёлое время. Тяжесть эта вполне понятная — все отдыхают. Люди не ездят на суды, почта не работает, нет ни писем, ни газет, даже адвокаты не приходят, не говоря о следователях. Весь день мы просто тратим время. Вчера играл с Димой в шахматы — вот уж действительно что даёт мне убивать время с удовольствием — игра в шахматы. Домино не даёт ни радости победы, да и проигрыш не особо расстраивает. Шахматы — другое дело. Хоть это всего лишь игра, но я почему-то считаю её неким показателем интеллекта — хотя, наверно, всё — дело тренировки. Пока играю заметно хуже Димы и Андрея — но и у них уже выигрывал. Вчера с Димой 3:1 в его пользу, а до этого была серия из 4 моих побед. Дима отметил, что я очень радуюсь, когда выигрываю. Возможно, что в шахматах проявляются все особенности моего характера.

Сегодня с утра предупредили: переходим на режим экономии. С 10 до 12 не будет ни воды, ни электричества. Вряд ли выключат лампу, которая здесь горит и день и ночь — очень надоедает. Из-за неё я сплю в шапке, чтоб, надвинув на глаза, создать хоть чуточку темноты.

Лампу так и не выключили — только розетки. Так что ни телека, ни чая… В камере тихо — в основном все спят. Большинство нар занято — около 11–12 часов. Олег Строгач рассказывает какие-то смешные истории. Я сижу за столом — в кои-то веки занялся опять польским — пока завис на 3-м уроке и уже недели две не могу продвинуться дальше. Не могу собраться, сконцентрироваться. Написал Свете Романовой ответ — вышло мрачновато, но правдиво. Если у них есть возможность — нужно уезжать отсюда. Мне кажется, что здесь уже все настолько смирились с нашим кошмаром, что даже не представляют, как это — жить по-человечески.

Вечер. Я залез на пальму. Ещё один день прошёл… Играл с Димой в шахматы — выиграл только одну игру — поставил детский мат. Он выиграл раз 5 — радовался очень неприятно, неприятное было чувство — не хочется больше играть с ним. Ладно, выиграл, но зачем же унижать проигравшего? Всё это очень вытягивает мои внутренние проблемы — на самом деле и так плохо, и радость выигрыша не так сильна, как обидны подобные проигрыши.

Сегодня забросили к нам ещё одного — пришёл пьяным на суд — до сих пор не совсем в себе. Оказался из параллельного класса Паши Агеева. 21 человек. Вечером занять такое место, чтоб не стоять с кем-то в одном метре, невозможно.

22 марта

Воскресенье 20 марта был неожиданно тяжёлый день. Двое из наших всю ночь пробовали наладить связь[60] с 14-й камерой — она довольно далеко от нашей, аж за лестницей. Кричали, стреляли из трубки специальными воланами на верёвке — дважды приходила коридорная, или как её там правильно называют… Мало того, что практически не удалось ночью уснуть, мало того, что всю ночь было нараспашку открыто окно, так ещё утро началось с приключений. В половине седьмого зашёл коридорный, построил нас, забрал Стаса в другую камеру — хоть, в общем-то, его роль была довольно второстепенная, сказал и Андрею собираться с вещами. А нас, не дав нормально одеться, погнали в локалку, где мы простояли до 8 часов на морозе — хорошо, что я спал в двух свитерах, — Михалыч вообще был в майке. После обеда ещё раз нас погнали в локалку и устроили шмон. Забрали только Стаса, а Андрей вернулся в камеру. Никаких внутренних разборок, на удивление, не

было. Я не слышал, чтоб кто-то даже сделал замечание этим двум.

В понедельник 21-го пришло письмо от мамы с вырезкой из «Нашай Нівы», где была статья обо мне «Архівіст у турме». Статья в целом неплохая, это скорее интервью — давали мама и сестра, поэтому там было больше про любовь с Олей, чем про что-то важное для газеты. Из интервью выходило, что я пошёл на Площадь, чтоб развеяться из-за несчастной любви… А фотка с презентации — где я подписываю книгу… Сегодня на суды уехало три человека, сейчас двух вызвали на кабинеты, а человек пять ушло на прогулку. Редкий случай, когда можно продыхнуть. Сейчас ещё один уезжает на больничку — и нас останется человек восемь.

На суды поехал Артём, два Олега — Строгач (уже, скорее всего, не вернётся) и Грак — самый большой оригинал нашей камеры. Иногда мне кажется, что в детстве он переболел чем-то вроде менингита — и часть мозга у него отмерла. Это абсолютно эгоистичный, эгоцентричный человек, помешанный на своём освобождении. Внешностью похож на 70-летнюю бабку, с такой же женской фигурой. Он постоянно нарывается на грубость своим невероятным способом вести диалог — его спрашиваешь об одном, он отвечает о другом. Ну, это вообще особая тема — я таких типчиков ещё не видел.

Вчера Виталик Казей получил 8 лет за торговлю наркотиками. Сегодня будет суд над одним из наших товарищей. Посмотрим, будут казнить или миловать…

Сейчас вся камера болеет, все кашляют и чихают — кто-то занёс нам какой-то вирус. Ночью опять спал очень плохо, но хорошо, что сейчас много свободного места — и после завтрака поспал пару минут на Артёмовой шконке. Пришли наши с прогулки. А больше новостей, наверно, и нету. Может, газета будет.

С судов вернулись все трое. В новостях так и не показали суд — наверно, он поздно закончился.

Ложусь спать — но радости мало: практически весь срок не было такой ночи, чтоб спал хорошо, практически скорее мучение, чем радость. Просыпаться, мучиться, ворочаться… Устал от постоянно зажжённой лампочки. В Жодино хоть включали ночной свет — здесь горит мощная лампа, так что шапку не снимаю.

В целом день был лёгкий, если не считать простуды: кашель, насморк, болит горло, да ещё стал пробиваться зуб мудрости — короче, здоровье совсем никуда: ем плохо, сплю плохо — чувствую, что уже всё это отразится на здоровье. Плюс ещё кисель с бромом, хоть и не знаю на 100%, но что-то такое есть: в этом плане абсолютно никакого желания — а уже 2 месяца прошло. Короче, потихоньку разваливаюсь. Не знаю, если дадут года четыре — найду ли в себе силы так жить дальше. Может, на зоне смогу спать нормально — здесь это абсолютно невозможно: ночью лампа, да ещё не спит вторая смена, а их иногда набирается до 9 человек лишних.

23 марта

Часа 3 дня — лежу на шконке Артёма: он уехал на суд. В камере осталось очень мало народа — 6 человек ушли на прогулку, так что остальных около 8 человек — если б было столько, то можно было б жить на таком метраже. Сегодня закинули только одного нового — статья 147. Пришло письмо от мамы — дома всё нормально, особых новостей нет. Сейчас, когда стало меньше народа, стало реально легче — при желании можно и днём прилечь, почитать или поспать. Кажется, уже заданный темп и будет — и в плане насыщенности — почти ничего не читаю, кроме газет. И не пишу — кроме дневника. Стихи совсем не идут, а писать какую-то прозу,

отвлечённую от моей реальности, совсем неинтересно. Вряд ли на этой неделе что-то изменится в моей жизни. Сенат США принял резолюцию по ситуации в Беларуси — нечестные и нелегитимные выборы, обратятся в федерацию по хоккею, чтоб отнять у нас чемпионат мира — это сразу бы повлияло на Луку, это простое и действенное решение.

24 марта

День как день. Уже залез на пальму — 20:30 — сейчас начнутся новости — будет про суд, про приговор — но похоже, что посмотреть не удастся: Андрей смотрит хоккей, а спорт для него — это главное в телевизоре, хотя шанс есть… Увы, кажется, что в новостях не было намёка про нашего — зато было про Дашкевича и Лобова — по хулиганке: 2 и 4 года…

27 марта

Вчера отметил первый день рождения в тюрьме — хочется верить, что будет он и единственным, но на это совсем нет надежды. Вчера получил передачу — много всего вкусного: конфеты, шоколад, сгущёнка… Сейчас хоть пью молоко — тоже маленькая радость. Вчера, уже после отбоя, меня Андрей переселил на место Пулкача — его забрали в пятницу в больницу: на флюорографии в лёгких какое-то потемнение. Пока ещё совсем неясно, что там, — но все верим в лучшее. Жаль Диму: 3 года отмучился в тюрьме, потом пришла бумага, которая отменила решение суда об отмене одного приговора. Как такое может быть: сначала суд решил одно, потом — другое? Теперь вот ещё и со снимком проблемы — видно, что неплохой человек — был бы в зоне, уже бы вышел на УДО, — но похоже, что сейчас и со здоровьем

проблемы. Сейчас у нас все кашляют. Я сейчас вроде немного пришёл в себя — но всё равно кашляю. И такое почти у всех.

В пятницу приходила адвокат — типа, поздравить с днём рождения. Новостей у неё тоже было немного: главное, что россияне не обжаловали приговор и он вступил в силу — это значит, что юридически факт массовых беспорядков признан. Ещё сказала, что у Лиховида пока не было заседания — заболел ребёнок у адвоката, — поэтому и нет никаких новостей. Касатку Парфенкова не удовлетворили, приговор оставили в силе — и скоро он поедет на зону. В «Народнай волі» писали, что первый из наших уже поехал на зону в Могилёв. Так что всё идёт так, как и должно, — ничего необычного — так что, похоже, и мне предстоит этот этап. Так сложно теперь всё это представить — но увы…

Казалось, что вдруг будет какое-то решение, что всё изменится, — но, вероятно, всех нас обязательно осудят и посадят. И чудес не будет. Пусть весь мир будет за нас — но мы будем сидеть. Одна надежда, что примут решение не проводить у нас в стране ЧМ по хоккею, но он ещё только в 2014 году будет, т. е. ничто не помешает всем нам отсидеть по 3 года. У меня сейчас депрессия. Мне кажется, что я не выдержу всего этого. Бог ты мой, 3 года — ни за что. Как это вынести? Сломанная жизнь, сломанная в такой тяжёлый момент — когда и так не хотелось жить. Почему я должен всё это терпеть, если можно прекратить страдание? Не знаю, как это сделать, но всё чаще думаю об этом как о единственном выходе. Это будет правильным шагом, который заставит Луку отпустить всех остальных: мы не виноваты, мы имеем право на протест.

Как всё это невыносимо — эта ложь! Господи, избавь нас от Лукавого — сделай это чудо для нашей страны — ведь уже нет никаких сил ждать.

29 марта

Сегодня получил аж 14 писем, вчера было 6 — итого 20 писем за 2 дня. Дома всё нормально. Пришли телеграммы с ВГД — от Леонида [Бенедиктовича], от Валерии [Шахбазовой], от Иры Фещенко, от Саши [Абрамчик], Оксаны [Версоцкой] и Миши [Ермалюка], письма от Витольда [Ханецкого], открытка от Шелюты, Круковского, Вики Клевец, от Анжелки Лазовской… Все желают мне сил и терпения — на самом деле очень приятно. Сел писать ответы — так выгнали нас на шмон, постоять в подвале. Написал только маме, остальным ещё попробую ответить.

В газете — ничего интересного. Написано, что Отрощенков уже поехал на «Витьбу», так и не дождавшись решения кассации, — есть надежда, что ему всё-таки уменьшат срок — ведь реально ему дали абсолютно ни за что.

Дело близится к ужину. Одного новенького забрали на Жодино. Ещё, может быть, не вернётся элтэпэшник-булдос. Добавили ещё одного — короче, движение народа капитальное — даже не все имена успеваю запомнить.

Настроение несколько дней было неважное — что-то вроде депрессии. Ужасно становится, как подумаю, что мне придётся так жить ещё 3 года. Витольд пишет, что думает, мне дадут условно или «химию» — но на самом деле никто ничего не знает, как будет. Сегодня должен быть суд над Лиховидом — может, вечером будет приговор — подождём…

30 марта

Пришло ещё 6 писем — т. е. 26 за 3 дня. Миша написал, что моя фотография была в числе других арестантов на обложке журнала «The Independent» — жаль, если мне не достанется этот номер.

Сейчас (21:00) в камеру привели ещё двух человек — теперь нас 22 — ещё не знаю, потеснят ли меня. Завтра два человека едут на суд. Едет Петя — я так и не познакомился с ним ближе, да и не очень хотелось, — он уже не первый раз сидит, прокурор запросил 2,1 года — дадут и того меньше. Едет завтра и узбек Парвиз — уверен, что его отпустят из зала суда, — что-то в этом есть наивное, — но посмотрим — у него 3-я часть, и был уже судим ранее.

В письмах особых новостей нет. Удобно, когда есть своя шконка — сплю, когда захочу. Сегодня пришла бумага, что жалоба адвоката на продление ареста до 5 месяцев остаётся без удовлетворения, — так что остаюсь и дальше ждать. Очень надеюсь, что вскоре закончится следствие. Мама пишет, что прочитала в интернете, что дело закрыто. Может, что-то подробнее прочитаю в газетах — но пока про это нет инфы — с апреля буду получать ещё и «Нашу Ніву» — будет больше инфы. Новости сегодня по телеку не смотрели — опять хоккей, — так что ничего не знаю про Лиховида — что-то долго его мучают. Миша пишет, что на суде присутствуют наблюдатели от ОБСЕ — может, это будет способствовать маленьким срокам и более тщательному рассмотрению дела. Вечером почитал историю средних веков — хоть выучу её, наконец-то время есть. Написал письма Витольду [Ханецкому] и Калечицу.

31 марта

Сегодняшний день можно было б назвать вполне обычным, если б не одна мелочь — ближе к обеду мою фамилию произнесли из «кормушки и сообщили: жалоба рассматривается 1 апреля в городском суде. Значит, моя адвокат всё-таки успела подать ещё одну жалобу на продление мне ареста — и уже в городской суд. Так что завтра будет важный день. Конечно, можно посчитать, что всё это не имеющая никакого смысла формальность, что никакого рассмотрения не будет, что напишут точь-в-точь такую же отписку, как пришла вчера из Центрального суда… Можно было б, но я сегодня вовсю включил веру — всегда её боялся, но сегодня я весь вечер повторяю: ЗАВТРА Я БУДУ НА СВОБОДЕ!!! Говорят, что мысль материальна, и я уже представляю себя на холмах Дроздов — среди любимого мной мира, среди леса, возле озера. Я стою и прошу моё дерево: ЗАВТРА Я БУДУ НА СВОБОДЕ! Очевидно, что в моём задержании теперь нет никакого смысла — дело закрыто, и все подозреваемые известны. Нет смысла держать меня в тюрьме до суда, который будет ещё Бог весть когда. Тем более, что завтра закрывается РБ — тюрьма на Опанского[61], — которую нужно куда-то переместить. Сегодня у нас в хате 23 человека, рекорд был 24 — я думаю, что это ещё далеко не самая переполненная камера. Завтра Петя едет на суд — его уже сегодня должны были приговорить, но он так и не дождался приговора. Так как камера переполнена, мне пришлось потесниться — и сегодня я дежурю в ночь. Ничего страшного, если эта ночь — моя последняя ночь в тюрьме.

Я верю, что это возможно… Что завтра после обеда меня вызовут на кабинет с бумагами, и тот же самый следователь, который закрывал меня, выдаст мне подписку о невыезде. Потом я вернусь в камеру, чтоб через

час или немного больше выйти с вещами. Скручу вату, одеяло, бельё и пойду через коридоры на склад — там отдам всё, включая зэчку — хотя её вполне можно было б оставить как сувенир с Володарки, — и выйду через центральный вход со своим кешаром. Сяду на 40-й автобус и доеду до дома. Дома будет мама, Илья… Конечно, это будет невероятная радость — пусть всё это будет мигом перед новым сроком — перед судом — а там, может быть, опять Володарка, осуждёнка, этап…

Пусть будет и так, но я хочу выйти завтра — пусть на неделю. Чтоб увидеть всех — чтоб поблагодарить, чтоб проститься по-человечески. Съездить к бабе Дроздовой, съездить в Дрозды на кладбище, съездить в Заречье. Пройти по своему миру, как перед смертью, — прощаясь со всем любимым… Меньше всего хотелось бы выходить в интернет, писать что-то там. Хочу в лес, на природу. Я не знаю, какой срок дали Лиховиду, — если и у него тоже «химия» — это было бы замечательным знаком, надеждой, что беда может пройти стороной.

Но какая-то предсказательная часть меня говорит, что я должен буду пройти весь этот путь — и зону в том числе. Может быть, но насколько б мне было проще, если б завтра хоть на неделю, хоть на месяц я вышел на волю. Хоть бы час побыть в Дроздах — проститься со всем, — а потом словно умереть — вернуться к этим стенам, колючке, решётке, коридорным да корпусным[62]… Вернуться — хоть так сложно поверить в то, что я завтра буду на свободе. Да, 1 апреля я буду на свободе — ибо, возможно, 1 апреля — День смеха — уже наступил. Пусть бы судьба посмеялась надо мной и… отпустила меня на волю… Хотя не хочется даже верить, что завтра я услышу свою фамилию и мне вручат бумагу, подобную той, что у меня уже есть. ЗАВТРА Я ВЫЙДУ ИЗ ТЮРЬМЫ...

Я лежал и не мог заснуть, я думал о моих предках — о Максимилиане и Сымоне Дроздовских, живших 200 лет

назад: об отце, деде, прадеде — я знаю, что, если есть хоть какое-то подобие того света, они все завтра встанут мне на помощь — я их потомок, я ещё хочу найти многое об их жизни… ЗАВТРА Я ВЫЙДУ НА СВОБОДУ!!!

Пришли бумаги на суд — завтра едет Артём. Сейчас нужно как-то убить ночь: спать негде ещё до 6 утра. Остаётся одно развлечение — писать дневник и ждать освобождения. Будет возможность проверить, вершит ли вера чудеса. Я говорю: ЗАВТРА Я БУДУ ДОМА — какова вероятность этого, знает каждый, кто сталкивался с нашей судебной системой, — и всё-таки я не считаю, что эта вероятность совсем нулевая — да, невероятно малая, но не 0%.

Кто знает, какие ветра дуют там — тем более, что Лукашенко сказал, что молит бога, чтоб мы все сбежали, — думаю, что это было бы гуманно — дать мне такой шанс. Шанс ещё раз увидеть Дрозды — а там уже весна. Вряд ли б захотел опять заниматься политикой — это был бы хороший урок, и я бы не хотел повторения. Ничего нельзя изменить — нужно только ждать, писать книги, жить своей жизнью, летом, Дроздами, небом, деревьями… И чёрт с этими людьми, с этими играми, когда один садит другого в клетку, — мне — вольному человеку — это выше моих сил — я должен быть на воле…

ЗАВТРА Я БУДУ ДОМА!!!

1 апреля

Уже близок ужин — никто меня не освободил — видимо, веры мне не хватило… В «Народнай волі» есть приговор Лиховида — ему дали 3,5 — готовятся новые суды. Кое-кому статью переквалифицировали на более лёгкую — скоро будут новые суды. Юридически статья, которую нам пришили, является не совсем корректной,

и факт массовых беспорядков практически все оспаривают: 20 человек бьют стёкла, а 10 000 стоят мирно или пытаются сдержать погромщиков. Думаю, что скоро — возможно, на следующей неделе — моё дело закроют; я думаю, что там нечего искать — всё ясно.

Закончился первый день апреля — идёт хоккей, я сижу за столом. Вернулся Пётр — уступил ему до 12 место: всё равно не усну — лучше почитаю и попишу. Сегодня получил «Народную волю» — и стало вопросов ещё больше. Про суд над Лиховидом никакой информации — только самая краткая, что дали ему 3,5 года. Но более всего смутило, что некоторым дело переквалифицировано на статью 342 — организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них — наказывается штрафом, или арестом на срок до 6 месяцев, или ограничением свободы на срок до 3 лет, или лишением свободы на тот же срок. Здесь, конечно, совсем иной расклад — здесь финиш там, где в 293-й старт. Но непонятно, почему эта статья применена не к рядовым участникам, а к Некляеву и Рымашевскому, в то время как к Статкевичу и Уссу по-прежнему 293-я, часть 1 и 2 — думаю, что, скорее, даже будет статья часть 1 — организация. Короче, сегодня «Народная воля» задала вопрос. По этой статье можно было б и признать свою вину, хотя, конечно, и по той, и по этой запросто можно отгрести по 3 года — но в 342-й всё-таки формулировка гораздо ближе — там нет поджогов, вооружённого сопротивления и прочее, чего реально не было.

Ещё неизвестно, когда будут следующие суды, — написано, что ознакомились или ознакамливаются с делами,. Остаётся только ждать — похоже, что всё это затянется ещё на полгода — как раз выйдет полгода ареста. Не пришли сегодня «Наша Ніва» и прочие. Пришло письмо от неизвестных людей с почтовыми квитанция-

ми на пяток разных газет — надо людям написать благодарность — не знаю, кто это.

Мама написала, что Оля про меня часто спрашивает, что ждёт от меня письма, — так хочется написать ей хороший стих. Как бы моя жизнь изменилась, если б я смог писать стихи — такие, чтоб мне самому нравились, — тогда можно было б на многое плюнуть — и на срок, и на быт, — но, увы — тишина, ни слова. Тот единственный стих, который я выдавил из себя, и выглядит именно так, как будто его выдавили силой. Буду пробовать — это оправдало бы многое, придало бы смысл — хоть силой заставить себя писать хоть строку, — но могу писать только ерунду: нет образа, нет мысли — нет ничего, ради чего стоило бы за стихи браться.

2 апреля

Суббота — опять начались выходные — странное ощущение, что в тюрьме выходные гораздо чаще, чем тогда, когда работаешь. 5 дней пролетели незаметно — всё-таки письма и газеты помогают убить пару часов.

Вчера написал Анжелке [Лазовской] и Владу [Верёвкину-Шелюте]. Ночью спал не очень хорошо, а с 6 начались подъёмы, и уже не уснул. Сейчас часов 11, а скорее, даже 10 — идёт телек, за столом я, Артём и Анибраев — последний всё ищет способ заснуть, сидя за столом. Всего на ногах человек 8 — как раз все «лишние» — остальные спят. Своя шконка — это очень важная часть быта, существенно облегчающая жизнь и сокращающая время сидения: всё-таки лежать — это не сидеть ☺. Два дня придётся пережить без новостей — наверно, где-то там идёт какая-то жизнь — у нас идёт срок, а жизнь стоит на месте.

Вчера пробовал написать пару строк — всё не то. Нет образа, а писать шансон не очень хочется. Конечно,

надо больше читать стихов — хотя бы Есенина, тем более, что в хате есть одна книга.

Вчера даже не брался за книги — жду понедельника: Пётр уедет на суд — залезу на шконку, буду читать, дремать, думать. А там и газеты с письмами придут. В какой-то мере я уже привык к этой жизни. Паша любит повторять: а есть ли жизнь на свободе?

3 апреля

Дело близится к ужину, а там уже 20:00 — отбой и понедельник. Начнётся новая неделя — придут газеты, может, адвокат заскочит. Самое сложное — это неопределённость, неизвестность, — странно, что такая, казалось бы, мелочь так напрягает. Какая, к чёрту, разница, когда будет этот суд и сколько мне дадут? Жизнь идёт сейчас — и когда я вечером влезаю на шконку — читаю книгу и узнаю что-то новое, я чувствую: день прошёл не зря, а значит, ничего страшного не случилось — наверно, в таком дне слишком часто бывает больше толку, чем в дне на свободе — столько этих дней человек тратит бесполезно. Если задуматься, то часто такая жизнь на воле гораздо бесполезнее — сидишь тупо в «Одноклассниках» часами, а сейчас нечего и вспомнить от той жизни. Сколько лет ушло абсолютно бесполезно — не дало мне ни новых знаний, ни новых ощущений — тоска. Тюрьма в этом плане — новый опыт, и когда-нибудь буду даже хвастать, что был в тюрьме, — так что ничего страшного. Со многими из камеры я б с радостью дружил и на воле, а сколько ещё людей пройдёт рядом за мой срок… Всё это чужие судьбы, жизни, новое знание — вдруг когда-нибудь решу написать книгу — всё пригодится.

После отбоя смотрели «Большую разницу», а потом был фильм «Комедия строгого режима» — про двух зэ-

ков, которые сбежали из тюрьмы и работали в лагере. Не скажу, что очень уж смешно, но в конце меня пробило на слёзы: лагерь, дети, тюрьма — как всё это близко моей жизни. И всё лучшее уже позади, а впереди только тюрьма и совсем иной лагерь. Фильм заканчивается письмом от любимой — и вроде всё будет хорошо, а что в жизни — не знаю, — всё потеряно: лагерь уже разрушен, и пути назад нет.

Хочется что-то написать — о жизни, о том, что было в ней счастье — и уже ничего не будет. Я человек, который потерял почти всё — есть только мама, бабушка, но всё это так зыбко, сейчас моя тюрьма вряд ли прибавит им здоровья. Может быть, можно вернуться домой — но нельзя вернуться таким же, каким был. Ещё всего лишь 2 месяца я здесь, а уже чувствую, что есть какая-то рана — наверно, как у того, кто был на фронте, — а впереди ещё зона — и нет у меня сейчас никаких сил жить дальше — нет сил верить в хеппи-энд. Может, попробовать развлечься, написав поэму обо всём пережитом — но ни поэзией, ни прозой не передать многое из пережитого, — оно во мне — одним комком, а начать его разжёвывать — всё не то выйдет. Всё погибло — остались только картинки, которые умрут вместе со мной. Пронёс я по этой жизни всё своё убожество, испорченность, сдвиг — и ничего не вышло: ни толковых стихов, ни фото — и книгу своей жизни я уже не напишу — я пуст. Никаких новых отношений с женщиной не хочу — всё разваливается, остаются лишь воспоминания, от которых только боль…

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о привлечении в качестве обвиняемого

г. Минск

04 апреля 2011 г.

Начальник отдела расследования преступлений против жизни, здоровья и собственности граждан следственного управления предварительного расследования ГУВД Мингорисполкома подполковник милиции Сукало А.Н., рассмотрев материалы уголовного дела № 10011110362,

УСТАНОВИЛ:

Дрозд Дмитрий Михайлович, в период с 19 по 20 декабря 2010 г., на территории города Минска, принял активное участие в массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, приготовлениям к поджогам, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти, что выразилось в непосредственном совершении указанных действий.

Так он, 19.12.2010, используя надуманные поводы о недемократичности проведённых 19.12.2010 выборов Президента Республики Беларусь и фальсификации их результатов Центральной избирательной комиссией Республики Беларусь, присоединился к бесчинствующей толпе, состоящей из нескольких тысяч лиц, объединившихся в единую разрушительную силу и принял активное участие в массовых беспорядках, сопровождающихся насилием над личностью, погромами, поджогами, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти. При этом, иные участники массовых беспорядков, поставив под угрозу общественную безопасность, с целью последующего совершения вышеуказанных действий доставили при себе к Дому Правительства Республики Беларусь по ул. Советская, 11 в г. Минске бутылки с зажигательной смесью, специально приспособленные для нанесения телесных повреждений и уничтожения имущества – заостренные деревянные палки, лопаты, топор, ледоруб, металлические прутья и другие предметы, используемые для оказания вооруженного сопротивления работникам милиции и насилия над личностью. В результате действий бесчинствующей толпы уничтожено имущество государственного учреждения «Главное хозяйственное управление» Управления делами Президента Республики Беларусь: 5 декоративных растительных насаждений – можжевельника «казацкого», остекление входных дверей и окон, 14 дверных коробок и полотен, 10 оконных коробок, 8 метров водосточных труб с креплениями и отливами, всего на общую сумму 14.048.160 рублей, совершено насилие над личностью и оказано вооруженное сопротивление

представителям власти, а именно работникам милиции: Буловацкому Д.Н. и Скороходу Д.В., причинены легкие телесные повреждения, повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья, Буловацкому Д.Н. в виде ушибленной раны губы, Скороходу Д.В., в виде закрытой черепно-мозговой травмы легкой степени, сотрясение головного мозга; Кудравцу А.В., Кашталанову А.И. и Лущику С.В. причинены легкие телесные повреждения, не повлекшие кратковременное расстройство здоровья Кудравцу А.В. в виде множественных ушибов и ссадин головы, подбородка, левой кисти, ушиба мягких тканей правого бедра, Кашталанову А.И. в виде гематомы левого бедра, Лущику С.В. в виде ушиба межмышечной гематомы левой ягодицы; Бажку И.Б., Волкову Р.В., Зинкевичу И.В., Давидовичу Ю.М., Комару И.И., Сакачу А.О., Половинкину А.В., Левицкому Д.И., Масальскому С.А., Пилипейко В.Н., Караваеву Е.В., Жизневскому С.А., Тарасевичу З.А., Парай С.А., Моисееву И.М., Смирнову В.А., Ефанову А.Д., Шпакову В.М., Мисовскому В.И., Ксензову А.Ю., Гуще Д.М., Москалеву С.Г., Заеко В.О., Сороке Ю.Н. причинена физическая боль и нанесены побои.

Являясь активным участником массовых беспорядков Дрозд Д.М., 19.12.2010 в период с 22.00 до 23.00, находясь у д.11 по ул. Советской в г. Минске, действуя в числе бесчинствующей толпы, осуществил силовые действия, направленные на проникновение в Дом Правительства – административное здание государственного учреждения «Главное хозяйственное управление» Управления делами Президента Республики Беларусь, а именно с применением физической силы нанес не менее трех ударов мегафоном по заградительным сооружениям и защитным щитам работников милиции, осуществлявших охрану общественного порядка, а также нанес не менее двух ударов руками по рукам Шилко Н.А., нанеся последнему побои и причинив физическую боль.

Своими умышленными действиями, Дрозд Д.М. по признакам участия в массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, поджогами, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти, выразившемся в непосредственном совершении указанных действий, совершил преступление, предусмотренное ч.2 ст.293 УК Республики Беларусь.

Принимая во внимание, что по делу собраны достаточные доказательства, дающие основания для предъявления обвинения Дрозду Дмитрию Михайловичу, руководствуясь ст. ст. 240, 241, 243 и 245 УПК Республики Беларусь,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Привлечь Дрозда Дмитрия Михайловича, 26.03.1973 года рождения, уроженца г. Минска, в качестве обвиняемого по настоящему делу и предъявить ему обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.293 УК Республики Беларусь.

2. Вручить обвиняемому копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого и протокола о разъяснении его прав.

3. Копию настоящего постановления направить прокурору г. Минска.

Начальник отдела расследования преступлений
против жизни, здоровья и собственности граждан
следственного управления предварительного
расследования ГУВД Мингорисполкома
подполковник милиции А.Н. Сукало

СОГЛАСОВАНО
Начальник следственного управления
Предварительного расследования
ГУВД Мингорисполкома
подполковник милиции Г.А.Казакевич

Копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого и протокола разъяснения прав получил «04» апреля 2011 года в «12» час. «20» мин.

Настоящее постановление мне объявлено и сущность предъявленного обвинения разъяснена «04» апреля 2011 года в «12» час. «30» мин.

Обвиняемый (Дрозд Д.М.)
Защитник ([illegible])

Постановление объявил и права разъяснил:

И.о. ст. следователя [illegible]

В связи с этим обвиняемый(ая) заявил(а), что разъясненные ему(ей) права и обязанности понятны, показания желает давать на русском языке и в услугах переводчика не нуждается.

Одновременно обвиняемый (ая) заявил(а), что она намерен(а) реализовать свое право на бесплатную юридическую консультацию до начала допроса, желает, чтобы его интересы представлял защитник:

ЮК Советского р-на г. Минска
Горбачок С.Н.

(Юридическая консультация, Ф.И.О.)

с момента настоящего допроса и последующих следственных действий

(настоящего допроса или последующих процессуальных действий)

/ [подпись]

(подпись обвиняемого)

В предъявленном мне обвинении в совершении преступления (ий), предусмотренного(ых): ч. 2 ст. 293 УК Республики Беларусь, виновным (ой) себя признаю: свою позицию по обвинению высказывать отказываюсь

(полностью, частично, не)

/ [подпись]

(подпись)

Суть предъявленного мне обвинения ясна и понятна. В настоящее время я отказываюсь высказывать свою позицию по предъявленному обвинению и от дачи показаний я тоже отказываюсь.

С моих слов записано верно мной прочитано [подпись] (Дрозд Д.М.)
Защитник [подпись] Горбачок Г.Н.

И.о. ст. следователя [подпись] [illegible]

4 апреля

Ожидал я понедельника и не ошибся — с каким волнением я услышал: «Дрозд, с бумагами». Мы как раз

возвращались с прогулки — 8 человек, нас загнали во двор № 22 — «двор» для колодца слишком неточное название — там можно только стоять: 3х3 м и высота больше ширины — кажется, что ты в колодце. Из него не видно ничего, только кусок неба. Абсолютно неприятное ощущение: никто даже не смог ни отжаться, ни прогуляться — стояли плечо в плечо, можно было только около двери подставить лицо солнцу. Потом уже в коридоре меня поймали, и пошёл я на кабинет — где меня ждали следователь и адвокат.

Мне было предъявлено обвинение по 2-й части — адвокат забрала себе постановление, но там вначале шло общее обвинение всех, кто идёт по моему делу, а потом один абзац про меня: нанёс мегафоном не менее трёх ударов по щитам и ударил не менее двух раз по рукам Шилко, чем вызвал у него боль… Обвинение такое, что в другое время я по нему получил бы административное или штраф — однако что будет в этом деле, предсказать очень сложно, но 3 года — это вполне реально… Хотя, конечно, есть у меня ещё надежда — ведь в деле не сказано ничего об уничтожении материальных ценностей. Адвокат обещала ознакомиться с делом и на этой неделе заехать вместе со следователем для ознакомления. Правда, ещё нет данных компьютерной экспертизы. Не знаю, сколько её ещё придётся ждать. Короче, многое решится на этой неделе. Пока я решил не давать никаких показаний и не высказывать отношение к обвинению. Дело сдвинулось…

5 апреля

День прошёл совершенно обычно: Петя уехал на суд и вечером уже не вернулся — так что я остался на день и на ночь один на шконке. Вечером привели нового арестанта — оказалось, что он уже был в этой камере и

сидел здесь 9 месяцев назад. Приехал на отмену приговора.

Читал весь день книгу, пришли газеты: «Народная воля», «Белорусы и рынок» и две «Белгазеты». Всего вышло 4 «Белгазеты» на камеру… В «Рынке» была статья про наше дело и про суд над Лиховидом. Против него было так же мало доказательств, как и против меня: бил по щиту и отдал щит ментам. За это дали 3,5… Без комментариев. Может, мне дадут три. На самом деле, переквалификация дела на 342-ю может ничего не дать: по 293-й дают 3–4, ничто не помешает дать и по 342-й 2–3 — разница в один год. Но в целом ситуация, скорее, оптимистическая. Из бумаги понял: это было не закрытие дела, а предъявление нового обвинения с отменой 1-й части. А дело ещё в раскрутке.

Пришли письма от мамы и Саши. Сообщают, что обо мне пишут на «Хартии» и в газетах. Очень приятно.

6 апреля

Уже после вечерней проверки. Лежу на шконке — ещё один день провёл единоличным хозяином, конечно, так гораздо проще сидеть, когда можно лежать. Пока в камере 22 человека. Уехал ещё один человек — звали его Дима, но, в общем-то, и вспомнить его нечем — из разряда булдосов. Жил на общем, а сам ни одной передачи не получил, ел яблоки, мандарины, колбасу, стрелял сигареты, а сам ничего не хотел для общака сделать. Ел, спал и книжку читал… Таких, к счастью, у нас немного, редко больше одного. Может, их специально распределяют равномерно…

Играл в домино, читал. Получил письмо от мамы и Миши [Ермалюка]. Пришла газета «Аргументы…». Правда, там ничего про нас нет. Вообще, сейчас негусто с информацией. И мама, и Миша пишут: на сайте «На-

шай Нівы» есть статья про меня. Светлана Михаловская написала, говорят, что очень неплохо. Жаль, что никто не прислал распечатку, а в газете, наверно, не будет… Мама пишет, что не может до сих пор забрать за книги 340 долларов — их нет в банке…

7 апреля

Только что проснулся — видел во сне, что мне прислали бумаги об экспертизе моего компьютера, это была бумажка приблизительно такого содержания: используя знакомые мне способы поиска и способы хранения информации, на вашем компьютере не обнаружены файлы, содержащие нужную нам информацию… Ещё помню, что были какие-то устройства — включая мой винчестер и какие-то провода…

Сегодня дежурю… Подежурил: после подметания и мытья пола началась аритмия — вспотел, бросило в жар, холод, начало подташнивать — короче, думал, что сейчас умру — но вот жив.

8 апреля

Вот и заканчивается ещё одна неделя — впереди нудные выходные дни. Вчера приходили следователь и адвокат — знакомиться с делом, — как я предполагал, ничего, кроме 3 видеороликов и заявления потерпевшего, нет. Все остальные бумаги — ни о чём. Расшифровка переговоров и прочее. Впереди ещё экспертиза моего компа, фотика — но там ещё ничего не готово и будет не ранее 18 мая. Но, как мне сказал следователь, ждать эту экспертизу они не будут и до конца апреля нас уже планируют осудить. После просмотра дела у меня появилась какая-то уверенность — не знаю, чем она вызва-

на, — уверенность не в том, что буду оправдан, а в том, что всё это я перенесу. Сегодня буду продолжать чтение дела.

9 апреля

Вчера приходили опять. В общем-то, в тех томах не было совсем ничего. Немного поговорили с адвокатом — она сказала, что на видео, конечно, видно, что это я. Она мне ничего не рекомендовала, надо будет ещё с ней переговорить. Дело закрыли и на следующей неделе передадут в суд, точнее, сначала в прокуратуру, там будут читать, максимум 5 дней, а потом передадут в суд. Как я понял, решили поторопиться с нашим делом — видно, что следователь спешит, так ведь в деле реально нечего читать: все доказательства — это видео. Надо решить, какую позицию занять в суде, — но кажется, что я уже созрел, скорее, под влиянием даже не следователя, а адвоката — она не захотела рассматривать никакие мои аргументы в мою защиту — кажется, она тоже считает, что в этом деле всё уже решено. Странно, зачем тогда она согласилась вести это дело?

Сложно что-то сказать про моё настроение — оно достаточно сложное. С одной стороны, я хочу попросить маму прислать мне робу для зоны, во всех письмах пишу, что поеду в зону, что мне дадут 3–4 года. С другой стороны — не знаю даже, как это объяснить, — я уверен, что буду на свободе. Посмотрев видео, реально оценил, что не нанёс никакого ущерба — я уверен, что выйду — получу, как и Медведь, «химию». Может, правда, не 2 года, а 3–4… Вот так. Может, я неверно перевожу своё внутренне чувство — и оно касается вовсе не суда, а вообще — уверенность, что, в конце концов, всё будет хорошо. В этом я уверен. Куда-то ушёл мой пессимизм. Даже зона не кажется такой страшной.

Вчера вернули письмо — писал маме, — посчитали, что там много подробностей про само дело, чего нельзя делать. Получил передачу. Сегодня день прошёл очень быстро. Играли с Андреем в шахматы — раз выиграл, две ничьи и несколько проигрышей. Несколько дней назад, в четверг, перед тем как пойти на кабинеты, я выиграл у него 3 раза подряд.

Прислал письмо Язэп Янушкевич — пишет, что напишет рецензию на мою книгу. Было б очень неплохо, но здесь, скорее, нужно поторопиться — рецензия нужна для суда.

Мама пишет, что осталось 78 книг. Наконец-то она получила деньги за книги — долларов долго не было. Сейчас вообще в стране паника, разгребают всё ценное — золото, платину… Сегодня уже про подсолнечное масло сказали — разгребают и его… Короче, разваливается «чудо». Было б очень неплохо, чтоб с судом немного потянуть — возможно, что через месяц ситуация будет ещё хуже. Возможно, лучше судиться после кандидатов, но боюсь, что они всё-таки будут позже. Они, в отличие от меня, дело будут реально изучать, мне-то и изучать нечего.

Возможно, что какая-то информация будет во вторник — с газетами.

11 апреля

6:00. Над Володаркой звучит гимн Беларуси, раздаётся он из репродукторов, висящих на столбах над двориками для прогулок — так было и 50 лет назад. Ничего не изменилось.

Воскресенье прошло достаточно быстро. Играли в шахматы с Андреем, не выиграл ни разу — или выиграл один раз и ничья.

Внизу Андрей собирается на суд — 328-я — торговля наркотиками — скорее всего, не сегодня выйдет на свободу. Всё это время не покидало чувство, что у него ломка, но он, конечно, не считает себя наркоманом. Кроме него на суд едут Артём и Саша «Гвардия». У Саши пересмотр дела — сидит за кражу асфальта при строительстве асфальтированной велосипедной дорожки, идущей вдоль Свислочи. По данным следователя, он за один день совершал такое число рейсов, что книга рекордов Гиннесса позавидовала бы — причём суд дошёл до полного абсурда — для того, чтоб сведения больше совпадали, ему вместо 10-тонной машины приписали 15-тонную, но и так при элементарном математическом подсчёте можно доказать полную абсурдность обвинения.

Вечером, точнее ночью, не мог уснуть, сейчас тоже не спится — все мысли о суде, о том, что там скажу. Не могу ни читать, ни спать — мысль уплывает, невозможно сконцентрироваться. Скорее всего, на наступившей неделе для меня не будет никаких важных новостей — разве что в пятницу дело передадут в суд.

Дело близится к вечерней поверке. День был достаточно долгий — никаких занятий кроме домино. Пришло одно письмо — от мамы. Особых новостей нету — разве что где-то, по словам Оли, меня назвали злостным преступником. Завтра, может, будет какая-то новая инфа, жду газеты. Сегодня только «Наша слова» принесли, а там никакой политики. Очень малоинформативная газета.

Все трое, поехавшие на суд, сегодня вернулись. У Андрея прокурор оказался не готов к прениям — чем он занимался две недели, неизвестно. Человек так ждал — был уверен, что его отпустят… А теперь дело отложено…

Да уж — расстраивался, что нет никаких новостей, — лучше б их и не было. Смотрел новости по

НТВ — там в самом конце сказали о взрыве в Минске в метро на «Октябрьской» — потом смотрели экстренный выпуск. Говорят, что пострадало около 50 человек… Сейчас за окнами слышны сирены…

Сразу в голову приходит один вариант: власти нужно показать, какие отморозки эта оппозиция — всё свалят на нас и, очевидно, уже никого не выпустят… Плюс экономическая ситуация в стране — отвлечь внимание. Ответ на вечный вопрос: кому это выгодно? — очевиден, он лежит на поверхности. Даже то, как преподносят сейчас информацию по ОНТ, очень нехарактерно для белорусского канала… Уже прозвучала фраза: не знаю, кто это сделал, но это антисоциально и антигуманно — что-то вроде такого, — это комментарий очевидца — и какой-то официальностью веет от этой фразы.

Неужели очередной поджог Рейхстага?

13 апреля

Среда, 16:20. День тянется, как выходной. Сегодня ни одного человека не взяли ни на суды, ни на кабинеты — один только Влад ходил на свиданку. В «Аргументах» ничего про наше дело — да и вчера в 3 газетах были интервью Лебедько, и только в «Народнай волі» про то, что дело Статкевича и Усса передано в Ленинский суд. А Санников закончил знакомиться с делом. Никто не признаёт свою вину, и никому из них не изменена статья. Это, наверно, абсурд: с одной стороны, нас судят вроде бы, как банду за одно дело, с другой — вроде бы некоторые уже менее преступники, чем другие. Рымашевский так же, как и Санников, призывал на Площадь, но, видно, он звал как-то менее опасно, чем три других кандидата. Короче, полный бред.

Вчера уже в ток-шоу по ОНТ давали сквозной нитью наводку: взрывы организовала оппозиция. Единствен-

ный звонок, который попал в зал, касался именно оппозиции, денег Евросоюза… Сами говорят, что нельзя плясать на костях, и сами же уже начинают раскручивать дело в нужном направлении. Но всё сделано так по-белорусски местечково, так бездарно, что все нитки торчат наружу. Зато уже 2 дня ничего не говорят ни про курс доллара, ни про рост цен. И вопрос президента — кому это выгодно? — обретает ещё один вполне реальный ответ. Возможно, поэтому я не услышал по БТ соболезнований от президентов США и Евросоюза. Может, там есть какая-то иная версия событий. По сути, это дело, скорее, не из цепочки взрыв 3 июля — взрыв 11 апреля, а из цепочки смерть Бебенина — взрыв. Не знаю, почему мне так кажется, хотя взрыв 3 июля может быть первым звеном этой цепи. Так же, как смерть Бебенина слишком очевидно была выгодна одной стороне, так и этот взрыв. С другой стороны, признать, что власть уже готова на такие поступки, — значит, признать, что там наверху готовы на всё — в чём, в принципе, уже давно нет сомнений, — но вот все эти убийства внушают УЖАС.

Вчера произошло ещё одно довольно заметное событие нашей тюремной жизни — пришла врач и сказала, что у Димы Пулкача не пневмония, но и не туберкулёз. Она говорила очень путано и взволнованно. Сказала, что с апреля у нас диета — на что все мы широко открыли глаза, и хорошо, что рискнули переспросить и даже заявить, что все эти 11 дней не было никакой диеты… Сегодня с утра принесли 16 яиц. По числу тех, кто был в контакте с Димой. Я вообще сплю на его шконке. В обед принесли 16 кусков мяса. С одной стороны, это очень разнообразило наше питание, с другой — все разговоры только об этом. Даже сейчас внизу Заяц говорит Граку: «Вот выйдешь ты и заразишь всех своих близких». Саша особенно остро принимает это — у него трое детей, двое совсем маленькие. Короче, общее настроение

близко к паническому, и только юмор (на тему болезни) немного даёт нам разрядку. Мы обсуждаем, как смотрят на нас конвоиры (мол, не подходят близко и стараются не вдыхать воздух у нас в камере), шутим, что на дверях у нас уже чёрный крест.

Грак вчера ездил в суд — а суд отменили. Сейчас вообще какой-то бардак: сидят 22 человека — и никто никуда не ездит. Кстати, увидим, гарантирует ли нам карантин (хотя его и не объявили) то, что к нам не будут добавлять новых страдальцев. Особенно «весело» тем, кто пришёл после Пулкача, — ни яиц, ни спокойствия. Наверно, на этой неделе не будет никаких новостей.

Только что сообщили, что подрывники уже найдены. Это, конечно, хорошие новости. Они уже признались, что взорвали в 2005 году в Витебске, а потом 3 июля. Так что люди давно этим занимались. Вроде бы, по крайней мере, сегодня не было никаких заявлений об их связи с оппозицией, но определённое движение в этом направлении есть — Аглы требует найти и заказчиков, а это уже очень опасно — людям грозит вышка, и в надежде на замену на пожизненное кто-то из них может рассказать всё, что закажут. Одна надежда, что всё-таки под таким наблюдением не рискнут полностью фабриковать дело, чтоб оно не развалилось в суде. Это я пока расцениваю как плюс — скорее всего, до суда не будет больше никаких осложнений.

14 апреля

Дело близится к отбою. Сегодня приносили 4 таблетки для профилактики — стрёмно глотать по 4 таблетки неизвестного названия и действия, но все глотают — никто вроде не умер. А вот из-за отказа у невиновного человека вечером были проблемы. Напугали его нешуточно, могло быть и хуже.

Сегодня пришло 2 письма — одно от Сергея [Защука], второе из дома — мама переслала Олино письмо. Письмо приблизительно такое, какого я боялся больше всего — хоть и письмо поддержки, но письмо далёкого человека, который следит за каждым словом, чтоб, не дай бог, одним каким-то словом не дать надежды. Жизнь ушла далеко вперёд — её жизнь, а я уже 2 года топчусь в её прихожей — возвращаюсь туда, — но больше всего я бы испугался возможности вернуться. Да, сейчас я далеко не в лучшем месте — и будущее моё определено, но вся беда, что в каждой из этих жизней были свои плюсы и минусы. Здесь я сделал книги, здесь обо мне пишут в газетах и показывают по телевизору — можно сказать, что здесь всего за 2 года я стал знаменит так, как не стал бы в Москве никогда. Многое кажется сейчас трагедией — но я знаю, что, в конце концов, это тот сценарий, который позволяет думать, что жизнь моя достаточно оригинальная, отличная от других. Это ж надо было попасть в число 50 человек, о которых знает вся Беларусь. Конечно, я герой в массовке, на заднем плане, без какой-то претензии. Пока практически даже без слов, и, возможно, единственный мой эпизод — это предстоящий суд… Ну, и пару видеороликов… Похоже, что на этой неделе уже ничего не случится — а вот на следующей жизнь должна сдвинуться с места. Мне кажется, что хуже, если мой суд будет после основных судов — после кандидатов. Эти суды вернули бы внимание к происходящему, от чего, по правде, все уже устали — но должна быть какая-то кульминация.

Можно думать, что кульминация — это 19 декабря, но есть шанс, что суды превзойдут по накалу и этот день. Думаю, что власть сделает всё, чтоб информация о суде не проникла наружу — может, даже суды сделают закрытыми… Но это нет смысла гадать: жизнь движется, и уже приближается новый юбилей — 100 дней в тюрьме.

Если считать 10 дней Жодино — то юбилей будет примерно 1 мая. Думаю, что к этой дате ещё не отсужусь.

15 апреля

6:50. На суды поехали Артём, Гриша-химик и Андрей «Со слов». Гриша — мужик лет 55, с ним я ни разу не говорил, судя по всему, обычный булдос. Заехал на замену режима. Было у него 2 года «химии». А теперь прокурор затребовал полтора года колонии. Андрей, метко прозванный «Со слов», по 328-й — торговля наркотиками. По его словам, его единственное обвинение — полгода назад он продал знакомому — «со слов», т. е. без контрольной закупки. Этот покупатель в суде сказал, что дал показания под давлением…

Видел во сне Олю, мы подошли к какому-то киоску. На меня напал какой-то малолетка с ножом — с маленьким перочинным, а я достал свой, долго не мог открыть — потом понял, что рука затекла реально, и кричал ему что-то: «Я не хочу из-за тебя, отморозка, опять на Володарку заехать» и пытался это делать на блатной фене...

Вот уж месяц, как я перешёл в эту тетрадку. Поверка позади. Сегодня привели ещё одного человека — из больнички — была чесотка. Нас, конечно, повеселило, что к нам уже бросают всех больных. Андрей «Со слов» приехал — прокурор запросил 6 лет строгого режима! Просто ужас. Конечно, то, что зэки говорят, и то, что есть в действительности, — две разные вещи, но 6 лет — это так много… Сегодня у Сергея Лабуса было рассмотрение касатки — всё оставили в силе… Зато он получил передачу: ели чипсы с квасом, потом форель… Да, жить можно и здесь… Вечер, и солнце светит прямо к нам в окно: несколько лучей через щель в решётке и реснички[63] пробиваются прямо мне в тетрадку. Пришла бумага

о передаче 13 апреля моего дела прокурору — передать в суд. Пришло 3 письма — одно от мамы. Впереди выходные — ни новостей, ни писем, — 2 дня пустого убивания жизни…

16 апреля

День прошёл — достаточно быстро и абсолютно бесполезно. Ходил на прогулку — солнце. Играла музыка — было такое радостное настроение — настоящий праздник. Сегодня съели торт — вчера Паша приготовил. Вообще, в плане питания гораздо лучше, чем дома. Был и квас, и кола, и молоко… Сейчас смотрим «Большую разницу». Днём заснул, и даже сейчас на удивление какая-то сонливость — так было бы неплохо спать часов 14 хотя бы. Понемногу вернулся к чтению учебника — мысль по-прежнему убегает на суд — но как-то удаётся её вернуть. День убит. И слава богу.

17 апреля

Конец выходным. Сейчас отрубиться и открыть бы глаза завтра в 8:00. Там завтрак, письма, будут какие-то новости. Мысль уже не так убегает. Что-то вспомнить за день невозможно — пустота…

18 апреля

Из всего дня самое неприятное, что уехал на зону Сергей Лабус — и меня назначили на резку. Теперь 3 раза в день буду резать сало, колбасу и всё прочее. Наверно, было б сложно подобрать более безрукого человека — жаль, конечно, что теперь жизнь моя значительно осложнится. Надо каждый день просыпаться в

5:30 — резать. И так была проблема со сном — но сегодня, вроде, справился. Ладно бы резать ножом — так ведь мойкой[64]… Пришло 2 письма — от Миши [Ермалюка] и от Калечица — сразу им ответил. Миша пишет, что они не теряют надежды, что я получу условное или «химию». Особых новостей и у них нет. Все ждут суды.

Ходили сегодня в баню, играли в домино. Уже после отбоя 4 раза проиграл Андрею в шахматы — стал играть значительно хуже. В последней партии мог 100% выиграть, но продул. Зато убили 2 с половиной часа совершенно незаметно. Похоже, что главная цель игры в тюрьме не выиграть, а убить время. Завтра на суды едут аж 4 человека. Сегодня не вернулся Андрей «Со слов» — ничего про него неизвестно, и закинули нового жителя — армянина Спартака.

20 апреля

Вчера день прошёл совсем незаметно. Пришли письма, потом газеты. В «Белорусы и рынок» упомянули и меня. Но они ещё не знали, что дата суда уже назначена. Вчера пришла назначёнка: суд 27 апреля в Октябрьском районом суде, судья Булаш. Так что практически за неделю прошли несколько этапов и остался час X — где-то в глубине хочется верить, что всё будет хорошо — но вера верой, а реальность — это совсем другое. Утро началось с красной икры — новенькому «зашёл кабан»[65] — с икрой… Из-за резки плохо сплю — проснулся в 5:00, лежал до половины шестого.

Вот уж и ужин прошёл, день пролетел…

Утром ели красную икру, а на ужин красную рыбу. На улице очень хорошо прогулялись — лучшая прогулка за всё время: народа мало, почти никто не курил, и большой двор, правда, уже солнце было высоко, но было за заслонкой — только наверху. Вечером резал селёдку…

И я ещё на один день ближе к свободе…

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о назначении судебного разбирательства

19 апреля 2011 года г. Минск

Суд Октябрьского р-на

Судья Булаш А.Б.

рассмотрев уголовное дело по обвинению Виноградова Павла Юрьевича в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 293, ст. 370 УК Республики Беларусь, Дрозда Дмитрия Михайловича, Хомиченко Владимира Николаевича, Киркевича Александра Романовича, Протасеня Андрея Михайловича в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК Республики Беларусь

установил:

Дело подсудно суду Октябрьского р-на г. Минска.

По делу отсутствуют основания, препятствующие рассмотрению уголовного дела в суде.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 276, 277, 281 УПК Республики Беларусь, судья

ВХОД 1668
18.04.11

постановил:

Назначить судебное разбирательство по уголовного делу по обвинению Протасеня Андрея Михайловича, 12 декабря 1983 года рождения, уроженца г. Минска, Киркевича Александра Романовича, 09 ноября 1989 года рождения, уроженца г. Гродно, Хомиченко Владимира Николаевича, 18 октября 1986 года рождения, уроженца г. Слуцка, Дрозда Дмитрия Михайловича, 26 марта 1973 года рождения, уроженца г. Минска, всех четверых в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК Республики Беларусь, Виноградова Павла Юрьевича, 24 апреля 1988 года рождения, уроженца г. Минска в совершении преступлений, предусмотренных ст. 370, ч. 2 ст. 293 УК Республики Беларусь на 27 апреля 2011 года на 11-00 час. в помещении суда, в открытом судебном заседании, единолично.

В судебное заседание вызвать государственного обвинителя, потерпевшего, гражданского истца, обвиняемых, защитников, свидетелей, указанных в списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

Меру пресечения оставить прежней: в отношении Дрозда Д.М., Хомиченко В.Н., Виноградова П.Ю., Киркевича А.Р., Протасеня А.М. – заключение под стражу.

Копию постановления направить потерпевшему, гражданскому истцу, обвиняемым.

Прокурора известить о месте и времени судебного разбирательства.

Постановление обжалованию не подлежит, но может быть опротестовано прокурором.

Судья: А.Б. Булаш

Суд Октябрьского района г.Минска
КОПИЯ ВЕРНА:
Судья ____
«__» ____ 20__

21 апреля

Ещё один пролетевший день. Нарезка, конечно, жуткая вещь — уходит довольно много времени, — но в тюрьме это как раз то, что надо — так что часа два точно убиваю в день. Мяса, колбасы и прочего выше головы — вся решётка заставлена — скоро воздуха не будет. Сегодня даже второй ужин пришлось сделать, чтоб продукты не пропали. Новостей нет. Писем нет. Про меня только пару строк в «Нашай Ніве», где меня называют архивистом.

Завтра едут на суд Андрей, Артём, Алексей. Если дадут срок, попробую остаться ещё здесь — всё-таки от добра добра не ищут.

23 апреля

Вот опять суббота. Вчера ждал адвоката, точнее, ждал её практически всю неделю… Пошёл на прогулку, она была уже после обеда. Дворик был отвратитель-

ный — заваленный бычками, без солнца, плюс ещё Заяц и Спартак от нечего делать практически весь час курили… Короче, скорее, отстрадал, чем погулял. Пришёл — сказали, что пришла адвокат. Она была совсем замученная. Такое было ощущение, что она сделала мне одолжение. Причём на следующей неделе всё равно она не сможет прийти. Т. е. она, наверно, хотела, чтоб я пошёл на суд, совсем её не увидев. Узнал от неё, что пока нет Витольда [Ханецкого], ничьих телефонов я не знаю. Короче, связан по рукам и ногам, вести защиту абсолютно невозможно. То они тянули 3 месяца, то резко ускорились и за неделю пролетели все этапы, не оставив времени на подготовку. Вышло, что меня и Санникова будут судить в один день в одном здании, просто будут разные суды — у меня Октябрьский, а у него Партизанский. Даже в пятничной «Народнай волі» нет никакой информации о дате судов — словно мы все на каком-то острове живём и никто не может узнать эту дату. Поговорил с адвокатом о стратегии, она торопилась, поэтому практически ничего не обсудили, придётся мне всё делать самому. Я даже не знаю, как она собирается меня защищать. Пришёл, за меня уже порезали мясо, начался ужин. Пришла передача, потом письма. В первый раз письма пришли так поздно. Мама пишет, что у меня задолженность за адвоката — надо 800 000 плюс ещё за суд. Короче, ещё и платить надо. Передача с кроссовками…

24 апреля

Пасха. Сходил на улицу: сначала попали в один двор, не очень хороший, потом в другой. Там было и солнце, и походить можно. Такое удовольствие. Кажется, вот-вот — и случится чудо: пойду домой. Как легко это может случиться — вера… Засел за УК, сделал выписки, не знаю, кажется таким ничтожным мой просту-

пок. Вчера выиграл у Андрея, кажется, 3:1, сегодня 2:1. Как-то надо убить это время.

25 апреля

Ужин. Практически две ночи до суда — и один день. Читал кодексы, делал выписки — но очевидно (хоть так хочется верить), что никто меня не освободит — иначе надо было б всех выпускать… Эх… Где взять силы, чтоб пережить приговор?.. Даже не знаю, стоит ли писать касатки — ведь от них не будет никакого толка. Хотя если просить изменить не на свободу, а на ограничение или условное — то, может быть, и будет шанс. Такая погода — дома пошёл бы я в лес и не заметил, как пришёл сентябрь… Так ничтожно моё преступление, и так велико наказание.

26 апреля

Так хочется, чтоб это была последняя запись в этом дневнике — а завтра меня отпустили бы прямо из зала суда… Остались сутки, немного больше, завтра собираю вещи, нужно всё перебрать… Есть надежда, которая так часто перерастает в уверенность, что получу условное…

27 апреля

Пишу, сидя на корточках в стакане Октябрьского суда. Доставили меня в суд. Даже здесь не обошлось без мелкой издёвки — вчера вечером так и не принесли мне заявку на суды[66]. Утром проснулся в 5:30 — порезал колбасу, пришли забирать — вывели Игоря и Артёма Чернушкевича и спросили, где третий. Пришлось мне в

спешке собираться — хоть и, по сути, был почти готов. Побрился, почистил зубы, переоделся… Так что классической ночи перед расстрелом не получилось. Спал нормально — не хуже, чем обычно…

ХОДАТАЙСТВО
об изменении меры пресечения

…, граждане Республики Беларусь, ранее не судимые, в соответствии со ст.121 УПК …спублики Беларусь ходатайствуем о применении в отношении **Дрозда Дмитрия …хайловича**, 1973 года рождения, меры пресечения в виде нашего личного …ручительства. Мы принимаем на себя обязательства в том, что обвиняемый в …ершении уголовного преступления, предусмотренного ч.1,2. ст.293 УК Республики …ларусь, Дрозд Дмитрий Михайлович, находясь на свободе, не будет скрываться от …ганов уголовного преследования и суда, не будет создавать препятствий в …следовании дела или рассмотрении его судом и не будет заниматься преступной …ятельностью.

…, нижеподписавшиеся, знаем Дрозда Дмитрия Михайловича, как честного, …койного и порядочного человека, как хорошего фотографа и талантливого …следователя белорусской истории, не представляющего никакой угрозы обществу.

…следствия нарушения Дроздом Д.М. условий личного поручительства нам известны.

…датайство подписали и подали:

1. Янушкевiч Язэп Язэпавiч.

…живает по адресу г. [redacted].

1959 года рождения.

…5 2011

(подпись)

2. Славинская Ольга Игоревна.

…живает по адресу [redacted]

1917 года рождения.

(подпись)

Вывели из хаты, повели в стаканы. В стакане были два экономических — нормально пообщались. Меня первым вывели в коридор, где уже стояли лицом к стене

мои «подельники». Узнал Наушника [Хомиченко] — по поведению ясно, что он немного ненормальный. И сам не понял, как стал политическим. Думаю, что он — настоящая находка для БТ: наверняка будет самым востребованным персонажем. Рядом стоял парень, спросил его статью, оказался нашим — Виноградов. Передал мне привет от Иры Пчёлкиной. Надели наручники за спину и посадили в автозак. Ехал сзади, так что в окно водителя можно было видеть Минск, на удивление, это не вызвало у меня абсолютно никаких эмоций — даже не смотрел в окно — безразлично. Да и зрение очень испортилось. Рядом сидел зэк из 60-й, у них там 31 человек на 24 шконарях. Оказался из Любани. Говорить с ним особо не о чем.

Приехали в суд. Пришлось выходить по лестнице в наручниках, с пакетом в руках — задом. Ехали, кстати, с мигалкой — как большие люди. Сейчас обыскали — раздели до трусов, постучал пяткой, достал стельки, вывернул носки. Я взял с собой только дневник, конспект и свою книгу. Сколько времени, не знаю — скорее всего, ещё только часов 9 — так что ещё придётся посидеть. Придётся читать свою книгу. Всё происходит, как не со мной, — какая-то отстранённость от происходящего…

Вот сижу в клетке — пришли мама и Наташа, в зале Макс [Винярский] и другие — просто не вижу всех. Вокруг стоят менты, не дают общаться с родными, только с адвокатом. Удалось поговорить с адвокатом — говорит, что придёт Янушкевич, чтоб рассказать про мою книгу. Рядом сидит Хомиченко — явно человек с отклонениями, или он так старательно изображает деятельное раскаянье, или его и вправду трясёт. Ждём судью.

Прошла первая часть суда. Я буду то ли вторым, то ли третьим. Подозреваю, что самых упёртых оставили на потом. Один признал вину полностью — Пратасеня,

Хомиченко — частично, а я, Виноградов и Киркевич не признали совсем. На допросе судья стала ловить Пратасеню на противоречиях, он довольно плохо выкручивался — думаю, что судья его вывела туда, куда ей нужно. Как он, забирая щит, не увидел, кому этот щит принадлежит.

Опять в зале суда. Нас 5 и 5 конвоиров. Разговаривать не дают. Вот запускают близких, родственников. Перед началом — сначала пресса, но было совсем мало — наверно, всё внимание привлечено к процессу Санникова. Вошёл мой потерпевший — на первом заседании он сидел прямо перед моей мамой. Посматривает на меня, наверно, оценивает степень моей социальной и общественной опасности. Хомиченко совсем больной — думаю, что если меня будут допрашивать сразу после него, то я буду выглядеть на фоне его культурным человеком. Что он ещё на допросе наговорит? Хотел, чтоб мама с Наташей ушли — но вряд ли. Наверняка, они захотят послушать меня. В зале видел Макса и двух девчонок, которых судили 30 января, — уже не помню их имён. Наверно, пришли отдать мне долг ☺. Мой терпила выглядит явно не в своей тарелке, лицо суровое, сразу видно — мент. Но как ему признавать, что я ему сделал больно?.. Пришла мама…

Выступил. Выступил неважно — как всегда, слишком эмоционально, но раз даже сорвал аплодисменты и вызвал взрыв смеха. За что зал был предупреждён. Многое сказал, сказал всё, что думал, так что как минимум совесть моя чиста. Сейчас зачитывают показания Виноградова — он отказался давать показания, и их читают с листа. Как раз про избиение Некляева. В зале Саша [Абрамчик], Миша [Ермалюк], Оксана [Версоцкая] — спасибо, что пришли. Мама выслушала меня и ушла. Судья кажется серьёзной женщиной — не знаю, наверно, и сроки даёт серьёзные…

Ну, вот, снова отстойник, а точнее, стакан — у всего в этой жизни есть свои названия — так вот «стакан» менее всего подходит для этого квадратного помещения. Мой потерпевший выступил достаточно сдержанно, я бы даже сказал, честно. Меня не топил. Главное, не утверждал, что я его бил, и, возможно, это была моя попытка закрыть камеру. На вопрос, имеет ли он какие-то претензии, сказал, что не имеет… Потом его допрашивали адвокаты. Моя адвокат осталась довольна, по её настроению кажется, что у меня есть шанс.

28 апреля

Вчера приехал замученный, сразу упал — очень хотелось спать, но до проверки засыпать было бесполезно, да и не смог, а после стал пить да есть, немного отошёл. Потом заснул и проснулся в 5. Выпил чаю да пошли с Артёмом в отстойник. Поговорили про жизнь, узнал наконец-то подробности его дела — полная абсурдность обвинений: то, что он создавал условия для занятия проституцией уже тем, что у него была турфирма. Но на таком основании можно любую фирму закрыть.

Сейчас уже в зале суда — фотографируют. Зал полон. Пришла Катя [Ерусалимская], мама опять с сестрой. Больше пока никого нет. Первый ряд заняли терпилы — в основном шкафы не ниже 1,80, — конвоиры над ними подшучивают: терпилы. Если б любого из них поставить рядом со мной, да ещё вооружённого щитом да дубиной — я бы выглядел реальным Давидом рядом с Голиафом — хороший был бы ход, жаль, что его нельзя воплотить — можно б было в газету или на выставку — как пример нашей смелости ☺.

Ехал в автозаке с Мирзаяновым — он в одном процессе с Санниковым, говорит, что Санников не признал обвинение, что духом он не сломлен. И даже рассказал

мне слух, что наших незаметно отпускают из лагерей. На самом деле, это были бы гениальные решения — осудить всех, растрезвонить об этом по БТ, а потом незаметно всех без шума амнистировать и отпустить.

Идёт допрос потерпевших. Пробовал задать вопрос, сколько времени прошло от того момента, когда они услышали, что бьют стёкла, до приказа выезжать. Спрашиваю: «Вот вы сидите в автозаке», — на что потерпевший возмутился: «Я не сидел в автозаке…» Вопрос сняли. Автозак — это в чём нас возят в суд. Короче, лопухнулся немного. Судья сняла вопрос как наводящий и ещё чем-то мотивировала. Судья — женщина за 50. Волосы окрашены в чёрный цвет, что-то есть на её лице трагическое. Может, брови, поднятые от центра вверх, складки около губ: кажется, она сама переживает от происходящего. Да и голос, скорее, трагический. Можно было по ней определить, что ей уже известен приговор, возможно, знает, что ей за участие в процессе грозит невыезд в Европу — и нафиг ей все эти проблемы не нужны.

Продолжается допрос потерпевших — никто ничего по делу не говорит. Вообще неясно, зачем нужны эти допросы. Надо бы сразу спросить: есть ли у них к нам претензии… и отпустить людей с богом.

29 апреля

Опять в клетке. Вчера самым главным событием стало выступление Язэпа Янушкевича — может, ради одного такого выступления стоило бы оказаться в тюрьме. Такие слова! Поэзия. Сам поднялся в своих глазах от своей значительности. Больше за весь день ничего, что б касалось меня, не произошло. Приехал «домой». В принципе, без перемен.

Непонятно, может, сегодня будет уже запрос, а может, даже последние слова и — приговор. Наше засе-

дание идёт впереди заседания Санникова, что вполне естественно, всё-таки там часть первая. Остались изучения вещественных доказательств и прения. Не думаю, что прения затянутся на несколько дней. Хотелось бы иметь запись выступления Язэпа — на память. По сути, вся надежда на книгу, что она меня вытянет… А если нет — ну что ж, тогда… Принять удар судьбы — как бы ни звучало банально. По году за удар ☺.

1 мая

Воскресенье. Скоро будет подъём. Прошлое заседание прошло практически не о нас — зачитывались показания потерпевших, потом шло ознакомление с делом: сначала судья читала показания, уже тогда хотелось спать. Потом обвинитель читал дело, в том числе мои характеристики… Заседание отложено до 4 мая. Так что теперь ещё 3 дня предстоит ждать. Впереди прения, не знаю, как будут себя вести адвокаты, пока вроде бы стараются. Скорее всего, в среду уже будут запрос и последнее слово. Пытаюсь что-то написать, но, скорее всего, буду говорить по вдохновению, ограничусь лишь тезисами и приблизительным планом.

4 мая

Сижу в суде — уже после обеда. Смотрели видео и фото. Мои сюжеты с дверью уже просмотрели. Шилко пока не смотрели[67] — смотрим Виноградова. Допросили в первой части несколько ничего не знающих свидетелей. Была мама и Наташа. Сейчас в зале Саша, Катя и Миша.

Выходные прошли очень утомительно — устал от ничегонеделанья. Тупо убивали время при помощи домино и шахмат.

Утром собирались четверо: я, Артём, Парвиз и Андрей. Андрей «Медик» ехал уже за приговором и, скорее всего, не вернётся. По нам большой вопрос — остались прения и последние слова. Я так и не записал, что буду говорить — знаю только приблизительно. До конца уже не так долго. В суде время идёт незаметно, и срок мой уже идёт.

4 дня были очень тяжёлые — ни писем, ни газет. Все 21 человек в камере — чувствовалось, как нарастало напряжение: все придираются ко всем[68]. Вчера хоть хоккей был, но я уже заснул — с большим трудом доживаю до 20:00 — падаю и засыпаю. Просыпаюсь около 5 — жизнь в камере не затихает.

Чувствую, что очень устал от происходящего — наверно, так часто делают специально — растягивают судебный процесс на месяцы: человек уже сидит — а срока ещё нет, и он в подвешенном состоянии, а цифра — это уже определённость. Знаешь дистанцию и просто бежишь, рассчитывая силы...

Вскрываются новые конверты с дисками…

Зал большой, прямо напротив меня — окна. Я сижу в его начале — слева от меня на возвышении три стула — один выдвинут немного вперёд, и на нём сидит судья — рубашка белая, чёрная мантия. Справа от неё — флаг, а над ней — герб.

За окном, как я знаю, район ул. Семашко, но не узнаю его — видно далеко — практически видна Колыма ☺.

Я сижу в клетке на ближайшей к стене лавке. Справа от меня Хомиченко. Передо мной Пратасеня, Киркевич и Виноградов.

Перед клеткой спиной к нам — 5 адвокатов, сейчас к ним пересел обвинитель, хотя его место напротив. Там сейчас огромный ЖКИ-экран. За компом сидит секре-

тарша в сиреневом платье с бейджиком на груди. Высокая брюнетка. Набирает довольно быстро, но двумя пальцами[69]. Справа — зал в 7–8 рядов.

Судья, оказывается, способна улыбаться — возник спор по поводу того, держит Пратасеня человека, который бьёт по стеклу, или нет… Кажется, видео закончилось.

Прозвучал запрос: Пратасене, Киркевичу — 3, мне — 3 года и 6 месяцев, Хомиченко и Виноградову — 4. Расклад немного непонятный — даже чисто математически Пратасеня нанёс гораздо больше ударов, чем я. Короче, логику здесь искать, наверно, и не надо. Всё ясно. Чуда не произошло. Слава богу, что нет отягчающих — да и облегчающих нет. Все мои книги никому не нужны. Ну что ж, придётся «потоптать зону». Год, два?.. Сейчас просто нет мыслей — одно радует, что 3 года и 6 месяцев минус 3 месяца равно 3 и 3 — так что осталось гораздо меньше, а если учесть, что сегодня 4 мая, то уже и ещё меньше. Три года и шесть месяцев — за три удара по доске!!!

Вот уже на Володарке в отстойнике — сижу один — похоже, что поднимут только после проверки. Настроение жуткое — не хочу ждать эти 3 и 6 — это очень долго, невероятно долго… Кем я выйду — больным и старым человеком, без надежды на семью — и куда выйду? Моё место уже займут Дозорцы, Илья… Я всем мешаю — и есть только мама, бабушка, сестра… Про Олю не пишу — она с другим и сейчас, может быть, целуется с ним… Пусть она будет счастлива. Жизнь разрушилась, развалилась. Я не хочу ждать здесь ни 3 с половиной, ни даже год. Я не настолько люблю жизнь, не настолько счастлив, чтоб ждать той жизни — на воле. У меня не было ничего, и надо принять решение и идти до конца… Всё равно, это рано или поздно может произойти. Почему же не сейчас, когда на виду у всего мира?..

5 мая

Вчера дошёл до камеры — было уже больше 21 часа. Артём и прочие заставили меня поесть — стал есть, так хоть появился аппетит — а вместе с ним понемногу вернулось желание жить. Андрей собрал огромную ссобойку с продуктами: сигареты, сахар, подсолнечное масло — целая сумка[70]. Лёг спать, с трудом, но уснул. Проснулся в 12 часов и ещё пару часов не мог уснуть, потом отрубился…

Сейчас в суде — снимают на камеру. Произнёс последнюю речь — наверно, слишком эмоционально. Но, в общем-то, считаю, что по сути.

Сижу в стакане. Перерыв до 17 часов. Так что ближайшие 5 часов я проведу в заточении. Я без куртки. В свитере с цветными полосками. Здесь прилечь никак не получится. В суде я говорил слишком эмоционально.

Сложно представить, что моя судьба решается где-то ТАМ — где? В совещательной комнате, в кабинете президента?.. Скорее всего, нет никакой надежды. 05.05.2011 — начало срока. Вот сейчас самое время вспомнить про Бога — даже такому атеисту, как мне, ничего другого не остаётся…

Ужас: 5 часов ждать приговор. Уже само по себе это тяжело — ждать 5 часов, да ещё в стакане — в ледяном...

Ну, вот и всё:

3 ГОДА!!!

3 года жизни! За 3 удара — это целая вечность. С Олей мы встречались 7 лет — так это практически половина той жизни. Ясно, что не буду сидеть все три — скорее, два. Может, ещё меньше, но пока словно гора с плеч упала — стало как-то легче. Пройден какой-то

этап пути — кроме того, 3 месяца я уже отсидел. Так что осталось всего 2 года и 9 месяцев, или 33 месяца ☺.

В зале был Янушкевич, Оксана, Миша, Саша, Макс.

7 мая

Прошёл один день после приговора — пятница. Писем мне не было — наверно, все ждали, что я выйду, и никто не писал. Да и сейчас, конечно, писем будет гораздо меньше — начнётся забывание. Пока моя фамилия во всех газетах: в «Нашай Ніве», «Рынке» и «Белгазете». В «Ніве» даже фото есть. Конечно, на фоне процесса над Санниковым про нас не пишут подробно. Начался процесс над Некляевым, так что сейчас будет о ком писать. Ещё нет судов над Статкевичем и Уссом. Усс вообще непонятно как попал во всю эту историю — я уверен, что он не набрал даже 50 000 подписей. По БТ, точнее по ОНТ, про наш процесс даже не упоминали — всё прошло тихо и мирно. Может, в каких-то аналитических программах, но, кажется, БТ нас не снимало, так что обойдутся без съёмок из зала суда — хотя, по идее, если им будет нужно — возьмут с камеры наблюдения.

Вчера немного проредили нашу камеру — и я весь день провёл на свой шконке: лежал, читал газеты, а день прошёл. На улицу не ходил — холодно. Скоро 9 Мая — один из самых многолюдных праздников — самое буйство и природы, и людей. Кажется, этот год я увижу исключительно через решётку. Пока будет возможность, буду сидеть здесь. Может, придёт мама на свидание. Вчера узнал из новостей, что умерла мама Дашкевича. Сколько смертей принесла нам эта власть — жена Козулина, мать Дашкевича… Как хочется верить, что моя мама выдержит это испытание. Иначе мне некуда будет вернуться. Я останусь один во всём мире — без дома.

Есть надежда, что в нынешней обстановке, когда в экономике полная катастрофа, когда всё общество настроено против нынешней власти, — самое время немного ослабить давление — отпустить нас на волю. Если Европа и США продолжат давление, то мы уже к лету будем на воле. Главное, чтоб закончились все суды.

Не знаю, есть какое-то чувство, что я даже года не буду сидеть. Судя по раскладу, Некляева и Рымашевского даже сажать не будут.

Сейчас хоть немного отошёл, ночью неплохо спал, сейчас уже нет смысла думать — только убивать время. Наверно, напишу сегодня Оле письмо или завтра. Чувствую, по-прежнему она значит слишком много в моей жизни — но это уже прошлое. Красивое, доброе, наполненное прошлое.

ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

05 мая 2011 года г. Минск

Суд Октябрьского района
В составе председательствующего судьи Булаш А.Б.
с участием государственного обвинителя прокурора Боровского А.Г.
защитников адвокатов Горбаток С.Н., Мацкевич Н.В., Волковой М.С., Пугачевой Е.Ф., Александрович Н.А.
рассмотрел в открытом судебном заседании в зале суда уголовное дело по обвинению

Пратасени Андрея Михайловича, 12 декабря 1983 года рождения, уроженца г. Минска, проживающего ул. [redacted] г. Минск, зарегистрированного ул. [redacted], гражданина Республики Беларусь, имеющего высшее образование, не работающего, холостого, ранее не судимого, задержанного в порядке ст. 108 УПК 09 февраля 2011 года, содержащегося под стражей с 11 февраля 2011 года,

Дрозда Дмитрия Михайловича, 26 марта 1973 года рождения, уроженца г. Минска, проживающего и зарегистрированного [redacted] г. Минск, гражданина Республики Беларусь, имеющего высшее образование, не работающего, холостого, ранее не судимого, задержанного в порядке ст. 108 УПК 01 февраля 2011 года, содержащегося под стражей с 03 февраля 2011 года,

Киркевича Александра Романовича, 09 ноября 1989 года рождения, уроженца г. Гродно, проживающего и зарегистрированного ул. [redacted] Гродно, гражданина Республики Беларусь, имеющего среднее образование, не работающего, женатого, ранее не судимого, задержанного в порядке ст. 108 УПК 28 января 2011 года, содержащегося под стражей с 31 января 2011 года,

Хомиченко Владимира Николаевича, 18 октября 1986 года рождения, уроженца г. Слуцка, проживающего и зарегистрированного [redacted] г. Слуцк, гражданина Республики Беларусь, имеющего среднее образование, не работающего, холостого, ранее судимого по приговору суда Оршанского района и г. Орши от 03 декабря 2010 года по ч. 1 ст. 14 – ч. 2 ст. 205 УК к наказанию в виде ареста на [illegible] месяца, освобожденного 06 декабря 2010 года по отбытии [illegible] наказания, задержанного в порядке ст. 108 УПК 24 декабря 2010 года, содержащегося под стражей с 27 декабря 2010 года,

Виноградова Павла Юрьевича, 24 апреля 1988 года рождения, уроженца Минска, проживающего ул. К. Либкнехта, 100-54 г. Минс зарегистрированного пр. газеты «Звезда», 17-127 г. Минск, граждани Республики Беларусь, имеющего среднее специальное образование, работающего, холостого, ранее судимого по приговору суда Центрально района г. Минска от 27 мая 2008 года по ч. 1 ст. 342 УК к наказанию в ви ограничения свободы на срок два года без направления в исправительно учреждение открытого типа, освобожденного 07 июля 2009 года от отбыт наказания в связи с применением ст. 3 Закона Республики Беларусь «О амнистии…» от 05 мая 2009 года, задержанного в порядке ст. 108 УПК 0 января 2011 года, содержащегося под стражей с 06 января 2011 года,

всех пятерых в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 У Республики Беларусь

у с т а н о в и л:

Обвиняемые Дрозд Д.М., Хомиченко В.Н., Виноградов П.Ю., Киркевич А.Р., Пратасеня А.М. в период с 19 по 20 декабря 2010 года, находясь на территории г. Минска, приняли активное участие в массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, уничтожением имущества, что выразилось в непосредственном совершении указанных действий.

Так они, 19 декабря 2010 года, используя надуманные поводы о недемократичности проведённых 19.12.2010 года выборов Президента Республики Беларусь и фальсификации их результатов Центральной избирательной комиссией Республики Беларусь, присоединились к бесчинствующей толпе (неорганизованной массе людей), состоящей из нескольких тысяч лиц, объединившихся в единую разрушительную силу, и приняли активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок и сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти. При этом иные участники массовых беспорядков, поставив под угрозу общественную безопасность, с целью последующего совершения вышеуказанных действий доставили при себе к Дому Правительства Республики Беларусь по ул. Советская, 11 в г. Минске специально приспособленные для нанесения телесных повреждений и уничтожения имущества – заостренные деревянные палки, лопаты, топор, ледоруб, металлические прутья и другие предметы, используемые для насилия над личностью. В результате действий бесчинствующей толпы уничтожено имущество государственного учреждения «Главное хозяйственное управление» Управления делами Президента Республики Беларусь: 5 декоративных растительных насаждений – можжевельника «казацкого», остекление входных дверей и окон, 14 дверных коробок и полотен, 10 оконных коробок, 8 метров водосточных труб с креплениями и отливами, всего на общую сумму 14.048.160 рублей, совершено насилие над

личностью: работникам милиции Буловацкому Д.Н. и Скороходу Д.В. причинены легкие телесные повреждения, повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья, Буловацкому Д.Н. - в виде ушибленной раны губы, Скороходу Д.В. - в виде ран в затылочной и правой теменных областях; Кудравцу А.В., Кашталанову А.И. и Лущику С.В. причинены легкие телесные повреждения, не повлекшие кратковременного расстройства здоровья, Кудравцу А.В. - в виде множественных ушибов и ссадин головы, подбородка, левой кисти, ушиба мягких тканей правого бедра, Кашталанову А.И. - в виде гематомы левого бедра, Лущику С.В. - в виде ушиба межмышечной гематомы левой ягодицы; Бажку И.Б., Волкову Р.В., Зинкевичу И.В., Давидовичу Ю.М., Комару И.И., Сакачу А.О., Половинкину А.В., Левицкому Д.И., Масальскому С.А., Пилипейко В.Н., Караваеву Е.В., Жизневскому С.А., Тарасевичу З.А., Парай С.А., Моисееву И.М., Смирнову В.А., Ефанову А.Д., Шпакову В.М., Мисовскому В.И., Ксензову А.И., Гуще Д.М., Москалеву С.Г., Заеко В.О., Сороке Ю.Н. причинена физическая боль и нанесены побои.

Являясь активным участником массовых беспорядков обвиняемый Дрозд Д.М. 19.12.2010 года в период времени с 22-00 час. до 23-00 час, находясь у д. 11 по ул. Советской в г. Минске, действуя в числе бесчинствующей толпы, осуществил силовые действия, направленные на проникновение в Дом Правительства – административное здание государственного учреждения «Главное хозяйственное управление» Управления делами Президента Республики Беларусь, а именно с применением физической силы нанес не менее трех ударов мегафоном по заградительным сооружениям и защитным щитам работников милиции, осуществлявших охрану общественного порядка, а также нанес не менее двух ударов руками по рукам Шилко Н.А., нанеся ему побои и причинив физическую боль.

Являясь активным участником массовых беспорядков, обвиняемый Хомиченко В.Н., находясь в состоянии алкогольного опьянения, 19.12.2010 года в период времени с 22-00 час. до 23-00 час у д. 11 по ул. Советской в г. Минске, действуя в числе бесчинствующей толпы, осуществил силовые действия, направленные на проникновение в Дом Правительства – административное здание государственного учреждения «Главное хозяйственное управление» Управления делами Президента Республики Беларусь, а именно с применением физической силы взламывал двери здания, оторвав часть полотна и уничтожив его, нанес не менее трех ударов руками, не менее пяти ударов ногами, не менее трех ударов плечом, не менее двух ударов ледорубом по стеклам входных дверей, уничтожив их, а также по заградительным сооружениям, удерживаемым работниками милиции, осуществлявшими охрану общественного порядка.

Являясь активным участником массовых беспорядков, обвиняемый Виноградов П.Ю. 19.12.2010 года в период времени с 22-00 час. до 23-00 час, находясь у д. 11 по ул. Советской в г. Минске, действуя в числе бесчинствующей толпы, осуществил силовые действия, направленные на

То, что бесчинствующей толпой использовались различные предметы для погромов, причинения телесных повреждений, физической боли и нанесения побоев, а также для уничтожения имущества подтверждается как показаниями потерпевших, так и протоколами осмотра места происшествия от 20 декабря 2010 года, в ходе которых обнаружены и изъяты: многочисленное количество металлических прутьев, фрагменты деревянных палок, один из концов которых заострен, деревянные палки, ледоруб, фрагменты телескопических удочек, бутылки.

Протоколы осмотра места происшествия составлены непосредственно после совершения преступления, при этом, осмотрены различные участки площади Независимости в г. Минске.

Факт обнаружения и изъятия многочисленного количества металлических прутьев, фрагментов деревянных палок, один из концов которых заострен, деревянных палок, ледоруба, фрагментов телескопических удочек, бутылок согласуется с показаниями потерпевших, которые как в ходе досудебного производства, так и в судебном заседании показывали о применении к ним насилия с использованием, в том числе, и различных предметов.

Показания потерпевших подтверждаются заключениями экспертов о том, что у Буловацкого Д.Н., Кашталанова А.И. телесные повреждения образовались от действия твердого тупого предмета, у Кудравца А.В. – от действия твердых тупых предметов, у Лущика С.В. – в результате одного травматического контакта с твердым тупым предметом, и в соответствии с которыми другим потерпевшим выставлены диагнозы: ушибы различных частей тела.

С учетом того, что исследованные доказательства согласуются между собой, дополняют друг друга, суд приходит к выводу об их достоверности.

Из видеозаписей, представленных суду, усматривается, что обвиняемые Пратасеня А.М., Дрозд Д.М., Киркевич А.Р., Хомиченко В.Н., Виноградов П.Ю., находясь 19 декабря 2010 года вечером на площади Независимости в г. Минске, в ходе проведения несанкционированного массового мероприятия принимали участие в массовых беспорядках, которые выразились в непосредственном совершении насилия над личностью, погромов и уничтожении имущества, непосредственно сами совершили указанные действия.

Так, из видеозаписи, исследованной в ходе судебного следствия, усматривается, что обвиняемый Дрозд Д.М., находясь в первых рядах перед входом в Дом Правительства, держа в руках мегафон, нанес не менее трех ударов по заградительным сооружениям и защитным щитам работников милиции, выставленным в проемы разбитых окон и дверей, а также нанес не менее двух ударов по рукам Шилко Н.А.

Потерпевший Шилко Н.А. как в ходе досудебного производства, так и в судебном заседании давал последовательные, правдивые, достоверные и согласующиеся с другими доказательствами показания о том, что Дрозд

Д.М., стоя перед его камерой, во время осуществления съемки замахивался его сторону, и он чувствовал контакт с его руками.

Из видеозаписи, исследованной в судебном заседании в этой част усматривается, что в момент нанесения ударов по рукам потерпевше Шилко Н.А. перед его камерой в непосредственной близости находил именно обвиняемый Дрозд Д.М.

Данные доказательства дают основания для вывода о том, что имен обвиняемый Дрозд Д.М. нанес не менее двух ударов по рукам Шилко Н.А который, являясь сотрудником милиции, осуществлял документирован происходящих событий

Совокупность представленных доказательств опровергает показан обвиняемого Дрозда Д.М., данные им в ходе судебного следствия, о том, ч он наносил удары по щитам, но не с целью проникнуть в Дом Правительств а от отчаяния, не наносил удары по рукам Шилко Н.А., а только пытал закрыть камеру; в ходе досудебного производства о том, что не соверш какие-либо действия, говоря о том, что слышал звук разбитого стекл находясь в стороне от входа в Дом Правительства, и оспаривая, что видеозаписи изображен человек, похожий на него, т.к. они являют противоречивыми, непоследовательными и недостоверными.

Из видеозаписей, исследованных в ходе судебного следстви усматривается, что 19.12.2010 года Хомиченко В.Н. находился в вечерн время на площади Независимости в г. Минске, где проходи несанкционированное массовое мероприятие, при этом Хомиченко В.Н находясь в первых рядах у входа в здание Дома Правительства, нанос удары руками, ногами, плечом, ледорубом по стеклам дверей входа Дом Правительства, по заградительным сооружениям и защитным щит работников милиции, выставленным в дверях входа Дома Правительства.

В соответствии с протоколом административного задержани протоколом об административном правонарушении, постановлением су Заводского района г. Минска от 20 декабря 2010 года, Хомиченко В.Н. б задержан 19 декабря 2010 года в 22 час. 30 мин. по ул. Советской, 11 в Минск за нарушение ч. 1 ст. 23.34 Кодекса Республики Беларусь административных правонарушениях и привлечен к административн ответственности по ч. 1 ст. 23.34 Кодекса Республики Беларусь административных правонарушениях за нарушение порядка проведен массовых мероприятий 19 декабря 2010 года у дома 11 по ул. Советской в Минске, выразившееся в принятии активного участия несанкционированном митинге.

Из представленных суду доказательств в их совокупности суд пришел выводу о том, что Хомиченко В.Н., являясь участником массов беспорядков, непосредственно с применением физической силы взламыв двери здания, оторвав часть полотна и уничтожив его, нанес не менее тр ударов руками, не менее пяти ударов ногами, не менее трех ударов плечо не менее двух ударов ледорубом по стеклам входных дверей, уничтожив и

Мингорисполкома, следует уничтожить; компакт-диск, компакт-диск № 7314 517 + R E A 16421, хранящиеся при деле, следует хранить при деле; рюкзак, принадлежащий Киркевичу А.Р. и находящийся на хранении в камере хранения вещественных доказательств КГБ Республики Беларусь, следует возвратить Киркевичу А.Р.; DVD-R диск, CD-R диск, хранящиеся при деле, следует хранить при деле; куртку желтого цвета, шапку желтого цвета, защитную куртку для занятия активными видами спорта, находящиеся на хранении при деле, следует возвратить Пратасене А.М.; 10 флеш карт, коробку с визитными карточками, брошюры, книги, буклеты, листы бумаги с рукописными текстами, шнурки, 2 грамоты, 2 журнала, 9 лазерных дисков, 14 значков, нашивку, матерчатую сумку, 2 майки, ленту, флаг, 2 косынки, фрагменты материи, матерчатые полотна, листы бумаги, календари, наклейки, 2 листа бумаги, компакт-диск, находящиеся на хранении в камере хранения СУ ПР ГУВД Мингорисполкома, следует возвратить Виноградову П.Ю.

Имущество, принадлежащее Виноградову П.Ю. и находящее под арестом: 175 Евро, 23 доллара США, 200 руб. банка РФ, находящиеся на хранении в ФЭУ УФиТ ГУВД Мингорисполкома, следует возвратить Виноградову П.Ю.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 349-352, ч. 1 ст. 353, ст.ст. 354, 356, 358-361, 364 УПК Республики Беларусь, суд

приговорил:

Пратасеню Андрея Михайловича, Дрозда Дмитрия Михайловича, Киркевича Александра Романовича, Хомиченко Владимира Николаевича, Виноградова Павла Юрьевича признать виновными в участии в массовых беспорядках, выразившемся в непосредственном совершении действий, сопровождающихся насилием над личностью, погромами, уничтожением имущества и на основании ч. 2 ст. 293 УК Республики Беларусь назначить наказание в виде лишения свободы:

Хомиченко Дмитрию Николаевичу, Пратасене Андрею Михайловичу Дрозду Дмитрию Михайловичу на срок три года с отбыванием в исправительной колонии в условиях усиленного режима,

Киркевичу Александру Романовичу, Виноградову Павлу Юрьевичу на срок четыре года с отбыванием в исправительной колонии в условиях усиленного режима.

В соответствии со ст. 106 УК Республики Беларусь применить к Хомиченко Дмитрию Николаевичу, как лицу, совершившему преступление в состоянии уменьшенной вменяемости, принудительные меры безопасности и лечения.

В соответствии со ст. 107 УК Республики Беларусь Хомиченко Дмитрию Николаевичу, как лицу, страдающему хроническим алкоголизмом, применить принудительное лечение.

Меру пресечения до вступления приговора в законную силу в виде заключения под стражу в отношении Пратасени А.М., Дрозда Д.М., Киркевича А.Р., Хомиченко В.Н., Виноградова П.Ю. оставить прежней – заключение под стражу.

Срок отбытия наказания Пратасене А.М., Дрозду Д.М., Киркевичу А.Р., Хомиченко В.Н., Виноградову П.Ю. исчислять с 05 мая 2011 года.

Зачесть в срок наказания Пратасене А.М. время нахождения в СИЗО КГБ Республики Беларусь с 09 по 10 февраля 2011 года, содержание под стражей с 11 февраля по 04 мая 2011 года, Дрозду Д.М. время нахождения в ИВС ГУВД Мингорисполкома с 01 по 02 февраля 2011 года, содержание под стражей с 03 февраля по 04 мая 2011 года, Киркевичу А.Р. время нахождения в СИЗО КГБ Республики Беларусь с 28 по 30 января 2011 года, содержание под стражей с 31 января по 04 мая 2011 года, Хомиченко В.Н. время нахождения в ИВС ГУВД Мингорисполкома с 24 по 26 декабря 2010 года, содержание под стражей с 27 декабря 2010 года по 04 мая 2011 года, Виноградову П.Ю. время нахождение в ИВС ГУВД Мингорисполкома 05 января 2011 года, содержание под стражей с 06 января по 04 мая 2011 года.

Вещественные доказательства по делу: шапку, диск, кассету «Панасоник», картонную коробку от мегафона «Орало», фотоаппарат, 11 шт. листов размером 15х21, 351 шт. листов размером 20х28, 4 шт. листов размером 42х60, 1 лист размером А4, мобильный телефон «ZTE» с сим картой «Велком» и картой памяти, мобильный телефон «Самсунг» с сим картой компании «МТС», находящиеся в камере хранения СУ ПР ГУВД Мингорисполкома, возвратить Дрозду З.Д.; DVD-R диск «Mirex», хранящийся при деле, хранить при деле; USB флеш-накопитель типа «SD», USB флеш-накопитель в форме полимерной платины, USB флеш-накопитель в форме полимерной пластины, USB флеш-накопитель «CE FC made in Taiwan» - 4 Gb, USB флеш-накопитель «Kingston», USB флеш-накопитель «karnak 4 Gb», винчестер 80 Gb, винчестер 500 Gb, винчестер 200 Gb, находящиеся на хранении в камере хранения СУ ПР ГУВД Мингорисполкома, возвратить Виноградову П.Ю.; 3 DVD-R диска к заключению эксперта от 19.01.2011 года, хранящиеся при деле, хранить при деле; CD-R диск к заключению эксперта от 15 марта 2011 года, хранящийся при деле, хранить при деле, мобильные телефоны «Nokia C100» с сим-картами компании «МТС-Джинс», «Велком», мобильный телефон с сим-картой компании «Велком», мобильный телефон «Huawei ETC688» с сим-картой компании «Диалог», мобильный телефон «Nokia 1616-2» с сим-картой компании «Лайф», мобильный телефон «Samsung SGH-E900», мобильный телефон «BenQ-Siemens EF81», 3 буклета с сим-картами компании «Велком», находящиеся на хранении в камере хранения СУ ПР ГУВД Мингорисполкома, возвратить Виноградову П.Ю.; ноутбук марки «Toshiba», находящийся в камере хранения СУ ПР ГУВД Мингорисполкома, возвратить Виноградову П.Ю.; черную шапку, находящуюся на хранении в камере хранения СУ ПР ГУВД Мингорисполкома, уничтожить; компакт-диск, компакт-диск № 7314 517 + R E A 16421, хранящиеся при деле, хранить при

37

деле; рюкзак, принадлежащий Киркевичу А.Р. и находящийся на хранении в камере хранения вещественных доказательств КГБ Республики Беларусь, возвратить Киркевичу А.Р.; DVD-R диск, CD-R диск, хранящиеся при деле, хранить при деле; куртку желтого цвета, шапку желтого цвета, защитную куртку для занятия активными видами спорта, находящиеся на хранении при деле, возвратить Пратасене А.М.; 10 флеш карт, коробку с визитными карточками, брошюры, книги, буклеты, листы бумаги с рукописными текстами, шнурки, 2 грамоты, 2 журнала, 9 лазерных дисков, 14 значков, нашивку, матерчатую сумку, 2 майки, ленту, флаг, 2 косынки, фрагменты материи, матерчатые полотна, листы бумаги, календари, наклейки, 2 листа бумаги, компакт-диск, находящиеся на хранении в камере хранения СУ ПР ГУВД Мингорисполкома, возвратить Виноградову П.Ю.

Имущество, принадлежащее Виноградову П.Ю. и находящее под арестом: 175 Евро, 23 доллара США, 200 руб. банка РФ, находящиеся на хранении в ФЭУ УФиТ ГУВД Мингорисполкома, возвратить Виноградову П.Ю.

Приговор может быть обжалован и опротестован в Минский городской суд через суд Октябрьского района г. Минска в течение десяти суток со дня его провозглашения, а обвиняемыми - в тот же срок со дня вручения им копии приговора.

Судья: А.Б. Булаш

Копия верна: Судья

Секретарь

Справка

Приговор в законную силу не вступил.

Судья:

Секретарь:

8 мая

Убиваю дни. Начал сегодня читать о Раскольникове — так хоть чуть-чуть уменьшил бессмысленность жизни. По УК я могу рассчитывать на замену наказания более лёгким через половину срока, т. е. через 1,5

года — т. е. 18 месяцев — так как я уже отсидел 3 месяца, то осталось 15 месяцев, даже 14,5… Совсем ерунда. Не знаю ещё, как насчёт амнистии — но она может ещё год скостить. Так что 1/6 я уже отсидел ☺.

9 мая

Около 8 утра. Скоро надо подниматься и убивать ещё один день… Праздник закончится, и начнутся будни. Пусть здесь очень тяжело, но ехать на зону страшно. Там всё по-другому. Здесь мы живём по нормальным человеческим законам, а там совсем иное — незнакомое, сотни своих правил — правил, что хуже всего, неписанных, и нарушить что-то можно запросто…

Сейчас в камере 22 человека. После отъезда Славы стало совсем скучно — он хоть пару раз в день организовывал домино — всё-таки, глядишь, полчаса или час убивали. Сейчас много новеньких — да таких, что даже имён не знаю. Такие лица, что становится очевидным: Беларусь вырождается. Один — Андрей — узнал меня: оказалось, что в техникуме — 20 лет назад — мы ходили вместе в качалку. Сейчас он совсем спился.

Вчера Спартак пару раз ударил Валика — тот совсем ребёнок, какой-то пришибленный, говорит, что нет матери — сирота. Наверно, всё-таки не буду писать на ускоренное — ясно, что здесь тяжело, но ситуация прямо как в Беларуси — плохо, но не бывает так плохо, чтоб не могло стать ещё хуже. Рассказы тех, кто приехал с зоны, не очень меня вдохновляют. Так что постараюсь остаться здесь, сколько будет можно.

10 мая

День прошёл довольно быстро, не было никакого тягостного ощущения стоящего на месте времени… Сходил на прогулку — вообще очень удачно. Большой дворик № 3, всего 4 человека, и почти никто не курил. Солнце уже почти ушло из дворика и попадало только на лицо… Пришло одно письмо — от мамы Кима с открыткой. В «Комсомолке» есть упоминание обо мне.

Сегодня принесли приговор — на 18 листах с двух сторон — всего 36 страниц. Прочитал, ожидая увидеть следы правосудия, но их как не было на следствии, так нет и в приговоре. Там я по-прежнему наношу удары и по защитным сооружениям, и по щитам работников милиции — вполне понятно их желание не говорить о доске, которая видна на видео. Про Шилко говорится, что он работник милиции, — но не говорится, что он был не в форме, а в штатском — стало быть, я не мог знать, кто он такой. И тем более не говорится о том, что он не может определить: хотел ли я его ударить или закрыться от камеры, и вследствие моих или чьих-то ещё действий у него появилась боль. Не говорится и о том, что он не имеет ко мне никаких претензий. Мои сведения названы не вызывающими доверия, так как я менял показания. Короче, та же натяжка, что и везде. Так что и непонятно, за что судья убрала у меня полгода: там нет ни слова о моей книге. Как-то трусливо всё умалчивается даже в показаниях свидетелей: не «дал исключительно положительную характеристику» — а «учитывая мою личность» — не работает…

12 мая

Четверг — надо успеть написать письма — сегодня пришло из дома и от Кати [Ерусалимской] — даже фотку прислала. Про меня есть заметка в «НН» — точнее, один абзац с фрагментами последнего слова. Написано, что я стал открытием, или что-то вроде того — что мои пламенные речи даже судья не могла унять. День прошёл быстро — вообще, сложно поверить, что после приговора уже прошла целая неделя — ещё минус 7 дней.

А вчера не написал — был на прогулке, вдруг зовут меня — оказалось, что свидание[71]! Мама одна приехала ко мне — поговорили минут 15 или 20. Дома всё нормально — кажется, что она полна сил, — на удивление — кажется, что даже гордится мной — столько про меня хорошего разные люди говорят. Осталось всего 42 книги, и Коровченко вроде бы хочет 20 штук забрать. Так что практически весь тираж распродан…

Вот успел ещё 2 письма написать — домой и Кате с Ирой. Все новости из дома уже знаю от мамы. Думаю, что сейчас будут письма приходить — после суда. На удивление, стал известным человеком — в определённых кругах даже героем называют ☺. На самом деле, конечно, удивительно: и сказал, что хотел, и удивил всех, и полгода срока умудрился сбросить ☺. Редкое везение. Правда, скоро будут новые приговоры — судьи очень спешат — такое ощущение, что вот-вот что-то должно случиться — и нас отпустят сразу всех. Сегодня Заяц сказал, что вчера по телеку говорили про амнистию 3 июля — скорее всего, слухи, но что-то такое должно быть обязательно. Нас должны отпустить — как только суды закончатся.

13 мая

Пятница, 13-е. Пришло 4 письма. Мама переслала ещё одно от Оли — пишет, что готовится к поездке в Стокгольм, а во время приговора, скорее всего, была в Киеве — пишет, что борется с желанием всё бросить и приехать. Но всё это только слова — наверно, она думает, что так может меня поддержать. Хоть, конечно, видно, как она за меня переживает — даже Света, а их мама даже плакала… Но возврата нет.

Пришло письмо от Кати и от её соседки по квартире… Скоро обед — жду новую газету — что там на судах? Про меня уже вряд ли будут писать — пошли в ход кандидаты в президенты, а пешки вроде меня отойдут на задний план. Не покидает меня уверенность, что они очень спешат — неужели 3 июля?

Мой сосед по нарам уехал — скорее всего, уже не вернётся, — может, поживу пару дней как человек — было б очень хорошо — читай-пиши.

Сосед вернулся — ему ещё месяц ареста, так что в ближайшее время мне легче вряд ли станет — разве что Андрей его куда-нибудь переселит — только пока некуда. Сегодня, судя по всему, буду всю ночь сидеть — всё бы ничего, но в ночную смену одна молодёжь.

19 мая

Вот уж почти неделю не писал. Так как живём на шконке вдвоём, то приходится все тетрадки держать в сумке. Впрочем, вчера один день пролежал в одиночестве — Лёша «Баландёр»[72] уехал. Ему дали 3 месяца ареста — совсем немного осталось — но куда-то его увезли. Вчера, уже после отбоя, заехал новенький — в камере 22 человека. Обстановка сложная — очень чувствуется

перенаселение, люди очень от этого устают, тем более что многие из них сами по себе агрессивные — сложно общаться. На воле я б вряд ли с такими столкнулся. Уже на грубость не обращаешь внимания…

Приходила адвокат. Написала жалобу, и я написал — на 11 листов А4 — толку в этом немного. В своём последнем слове Санников вспомнил меня — среди своих близких, друзей и членов инициативной группы. В «Белорусы и рынок» тоже есть фрагменты моей речи — о том, что меня лишили сна, воздуха, что обнаружили туберкулёзного больного… Короче, мои жалобы стали всем известны. Веселее всего, что написали, что мне сломали нос — именно так! Аж неудобно перед сокамерниками. Пришли письма из дома. Время пролетело незаметно. Жду новостей — ощущение, что в любой момент может выйти помилование… Сложно настроить себя на 3 года — от силы 3 месяца.

24 мая

К сожалению, не получается писать каждый день. Нет своего места. А в воскресенье так совсем меня «обрадовали»: в обед зашли и сказали: «Дрозд, готовься на этап в Жодино, завтра ночью». Дали мне опись… Очень расстроился — вот, кажется, тюрьма — а уезжать отсюда не хочется. Привык. Знаю, чего ожидать здесь. Пусть сейчас всё меньше и меньше тех, с кем можно поговорить. Уехал Слава, а вместо него какие-то наркоманы. Очень много таких, с кем даже ни разу не говорил. Вряд ли даже запомню их имена. И всё равно — привычка. Все меня успокаивали: и Витя, и Гвардия: езжай на зону — там легче. И мама пишет, что общалась с женой Отрощенкова — ему там нравится, шьёт рукавицы на «Витьбе»… Собрал вещи, ещё с суда у меня остался пакет от Андрея с сигаретами и кой-какой едой — в поне-

дельник до обеда пришли: с ватой и описью — на выход. В коридоре уже увидел наших — собрали всех — видел и Киркевича, и Виноградова, и др. Пошли и в подвал — через коридор — прямо — сразу вспомнил, где получал вату — там есть такая лесенка и объявление — там я был в первые минуты на Володарке. Правда, шли оттуда мы через вверх, а не через подвал… Постояли мы там — все успели поговорить, пообщаться. В основном все держатся молодцом — правда, очень смешно — знаем фамилии друг друга только по газетам, сегодня как раз в «Белорусы и рынок» есть все 43 человека — так вот 15 было на складе — а знаю я в лицо только пятерых. Кстати, не было Пратасени и Хомиченко. И Гнедчика. Наверно, они не писали касатки и уже уехали на зону… Так вот, постояли мы и пошли обратно. Узнал, что в 20-й камере сидит Санников…

Весь понедельник провёл на чемодане. Даже сходил на прогулку — как раз попали под ливень — были я, Гвардия, Спартак и Олег Капаченя. Они развеселились под дождём, свистели и пели песни — всё какое-то разнообразие в нашей жизни… Смотрел в окно — на деревья. В Жодино нет окон — там вообще гораздо хуже: режим, питание, конвоиры, общество…

Когда привели нас назад, оказалось, что «заказали» и Гвардию — он приезжал на пересуд — было 6 лет, отсидел уже год и 8 месяцев — и вот у него сбросили аж 3 года и отменили иск!!! Такой подарок судьбы! Так вот вчера увели его — скорее всего, уехал на Жодино вместо нас. Не знаю, что и где поменялось, но пока я по-прежнему на своей шконке. Делю её с очередным строгачом — Сергеем из Лиды — знает Артёма, земляк. Сегодня уже стало ясно, что пока можно расслабиться — а я уже домой написал в воскресенье, что уеду. В понедельник было особенно жаль уезжать — в Жодино нет телевизора и газеты пришли бы не сразу. А я ждал

новостей — 23 мая заседала Еврокомиссия, я ждал, что примут экономические санкции — но увы — сегодня узнал, что опять только слова…

В понедельник произошла девальвация — доллар с 3130 прыгнул до 4910, а евро с 4450 до 6930. Люди стали беднее на 60%. Мама написала, что они успели купить мне диван и 2 кресла за 2 млн. рублей. Не знаю, это по новым или ещё по старым ценам. Но вот так, благодаря девальвации у меня наконец-то новая мебель! ☺ Жаль, что одному Богу известно, доведётся ли мне и когда полежать на этом диване. Вот такие вот новости, если коротко — жаль, что не удастся писать каждый день, выходит чуть ли не раз в 5 дней.

25 мая

Сейчас только что вернулся — вызывали с бумагами — не знал, кто пришёл: адвокат или следователь, — увидел незнакомого молодого человека. Оказалось, что принесли протокол судебного заседания, пришлось вернуться за ручкой и тетрадкой, стал переписывать, ознакомился. Парень посмотрел, что ему долго придётся ждать, — предложил сделать ксерокопию — вдруг и вправду принесёт — там есть и рецензия и моё последнее слово — пусть будет для истории.

Пришло письмо из дома — мама купила диван, два кресла, ещё и секцию — вот так прибарахлились — глядишь, от моего сидения в тюрьме будет больше пользы. И книга продана, и мебель в доме. Утром сегодня проснулся нарезать колбасы. Пока выполняю обязанности резчика по мясу. Хоть и не переселился на отдельную шконку. Написал письмо на ВГД. Всё думаю написать в «НВ» или «НН» — сейчас шанс заявить о себе как о поэте. Нужно заставить себя писать — на том уровне, как они публикуют, я смогу. Жаль, что не смогу на белорусском. Вчера написал ответы Пчёлке, Язэпу и Мише.

Парень принёс мне ксерокопии нужных страниц — так что теперь будут у меня мои показания и последнее слово. Надеюсь, что в интернете оно было не со стенограммы, а с аудиозаписи — а то иногда выходит так коряво, что я так и говорить не могу.

Написал письмо домой, на ВГД, Терешковой, Оксане и Мише. Сегодня Андрей меня на мясо поставил опять. Отдельную шконку не выделил — да и будущее моё совсем неопределённое. Вся жизнь теперь — ожидание.

26 мая

Утро началось с резки — пока Андрей оставил меня, — а на шконке так и остались вдвоём. Сегодня с половины шестого до отбоя хотел спать — но даже прилечь негде. Пришла передача. В основном сладкое.

Сегодня осудили Статкевича и Усса: шесть и пять с половиной, остальным, кажется, от трёх до четырёх, а один ушёл на «химию». Вот теперь, кажется, всё. То, что началось 19 декабря, перешло на следующий уровень — все «виновные» осуждены. Осталась куча вопросов: чем Усс опаснее Рымашевского? — второй вёл куда более активную политику, не говоря уже о Некляеве. Непредсказуемость и нелогичность.

Днём варил колбасу, потом нарезка, потом помогал Андрею готовить ко дню рождения торт — пилил шоколад, давил зэчкой орехи. Анибраев болтал ложкой крем. Теперь на окне стоят два торта. За весь день не было возможности даже почитать — засыпал на ходу, хоть утром и сыграл с Андреем в шахматы — проиграл 2:3. Потом аж два раза проиграл в домино. Так прошёл день.

Сейчас лёг спать — очень хочу, но не могу уснуть. Вроде не нервы — нет повода нервничать — разве что ожидаемый переезд.

28 мая

Опять выходные. Ещё чуть-чуть — и пройдёт целый месяц после приговора. Как жалко времени — и как надо, чтоб оно шло быстро: уже появился первый реальный намёк на свободу — в Казахстане Лукашенко сказал, что уже всех отпустили и остались только двое политзаключённых (я шучу: так это я и Санников). В «НН» портреты всех нас — мой не из клетки, а из интернета. Там, где я вместе с Шушкевичем, скорее всего. Что значит его намёк: и этих отпустим, наверное. Всё сказано в его стиле — и сомневается: отпустит или нет. Ситуация в стране катастрофическая — так хочется верить, что началась агония колхозного строя, что близок конец. Надежду подаёт и то, что из кризиса мы будем выходить сами — похоже, Россия отказалась давать деньги просто так. Опять по ТВ антироссийская риторика: враги хотят всё забрать.

Вчера к нам забросили ещё двоих, так что количество на прежнем уровне — 23 человека. Тяжело переживать выходные с таким перебором. Много людей очень злых, чуть что — мат-перемат. Скорей бы уже их всех освободили. Что-то мало писем совсем пришло на этой неделе. Похоже, что все забыли.

Вот и отбой: прямо в камеру светит солнце, и сейчас лучи сквозь решётку опять падают прямо на тетрадь. Лучи в камере всегда из-за дыма и пыли видны — они тянутся с улицы к стенам, лицам… День прошёл достаточно обычно. Разве что Андрей переставил телевизор на другую сторону стола, чтоб смотреть финал лиги чемпионов. Артём за столом рисует нашу камеру.

30 мая

Заканчивается весна — вот уж никогда не думал, что встречу весну в тюрьме — весь ужас ситуации в том, что если не случится ничего сногсшибательного, то это не одна весна, а две, а то и все три. Конечно, это много. Написал стишок «От трёх до шести!», отослал Кате — может, опубликует; может, отошлю в «НН» или «НВ» — хоть и не считаю сей стих шедевром.

Сегодня день прошёл быстро — абсолютно без напряжения. Сходили в баню, потом принесли письмо от Кати. Сыграли с Андреем в шахматы — вечером партии были очень интересными, и я выиграл 2:1 — последнюю партию я проигрывал, но провёл пешку… Сегодня уехал Спартак — сколько ему дали, не знаю, может, пошёл домой. Сложный человек — агрессивный, через слово мат — сразу стало тише. Ещё бы Парвиз уехал — но ему до 13 июня ждать суда. На улицу уже неделю не хожу. И читать пока нечего, кроме газеты. Абсолютно бесполезное время.

31 мая

Конец весне! Первая в жизни весна, которую я совсем не увидел. Странно, но за всю весну можно практически точно подсчитать, сколько деревьев я видел — из камеры их видно около пяти штук. Из зала суда была видна почти на горизонте полоска деревьев. Можно подсчитать птиц: несколько голубей, живущих в башне напротив, несколько ласточек и летящая по небу во время нашей прогулки сорока.

Сегодня пришло письмо из дома — там вроде бы всё нормально, нашли даже квартирантов. От Калечица — пишет, что про меня на «Хартии» была статья — о том,

что я наследник владельцев Дроздов. Статья, как я понял, из какой-то газеты — из дома тоже пишут про неё. Но в наших газетах ничего нету. Правда, ещё «НН» и «БиР» не было — может, завтра. Вообще, в газетах мало интересного — в основном всё про девальвацию. И от Иры [Пчёлкиной] пришло письмо. А ещё от товарищей с подпиской на газеты. В камере 21 человек. Ездят на суды 2 человека. Традиционно ездит Артём. Играли в шахматы с Андреем — но не выспался. Утром резал мясо — на ужин уже было только сало, а завтра можно не беспокоиться — ничего уже нет. Еда вообще закончилась. Сегодня ни одного кабана не зашло. Возможно, что сейчас их станет ещё меньше.

На прогулку тоже не ходил — стараюсь хоть 10 минут посмотреть в окно. Глаза, боюсь, совсем испортятся от отсутствия необходимости смотреть вдаль — с другой стороны, и компа нет 4 месяца.

2 июня

Вот и лето… Вчера в «БиР» написали подробно про встречу Обамы с президентом Польши Комаровским — оба призывают оказать на Луку максимальное давление, чтоб нас освободили, — требуют освободить и кандидатов, и активистов — хорошо, что не только кандидатов. Чувствую, что в любой момент нас могут освободить.

Уже несколько дней что-то с сердцем — словно дёргается внутри, похоже на аритмию, но не то — особенно когда ложусь на бок, и всё равно на какой — только на спине. Хочу записаться на кардиограмму. В камере довольно жарко — сейчас 21 человек: 15 спят по шконкам — шестеро ищут, чем заняться. Тихо и скучно. За окном 32 градуса — здесь ещё более-менее: два вентилятора хоть как-то гоняют воздух.

Уже четверг — неделя пролетает незаметно — и два выходных дня кажутся больше этих пяти дней. На суд только Артём поехал. Странное чувство от этих судов — пусть бы занимались кем-то одним, и уже до приговора, а то таскают по одному человеку — в месяц по заседанию. Закончились конверты — а без них совсем туго — причём закончились почти у всех сразу. Позавчера отправил 4 письма. Мама пишет, что Оля мне что-то ответила, что Лена [Коровченко] отвезла 20 книг в Киев и всё там продала. Жаль, что мы с ней были в ссоре, особенно жаль, что из-за Луки, — мне особенно теперь сложно пойти на какие-то уступки — и после выборов, и после срока, и после девальвации — люди снова обмануты. Опять нищета, безработица, пустые полки магазинов — может быть и так, и очень скоро. Всё идёт к тому.

Сегодня в «НН» статья про меня — про то, что я сломал нос, — хоть про это я и на суде говорил. Это ладно ещё. Больше всего мне не понравилось, что кажется, что я был единственной опорой семьи и что мама нуждается в помощи — да ещё мой домашний адрес опубликовали — жуть! Хотел даже написать письмо, чтоб больше без моего согласия никаких «акций» не было — но даже конверта нету — завтра, может, будет отоварка, но уже будет поздно — выходные.

3 июня

Пятница — и этим всё сказано ☺. Впереди 2 выходных — в камере традиционно 23 человека. Режу мясо — мяса уже полно — так что есть работа, а шконки свободной как не было, так и нет. Писем не было. Зато «НВ» удивила — меня аж в пот бросило — открываю, а там мой портрет. Прочитал статью — очень неплохая, на этой неделе вообще стал звездой, и это ещё не все газеты видел. Статья на основе маминого интервью,

так что там нет ничего про сломанный нос; больше про интересы, архивы, про род Дроздов — про то, что земля эта принадлежала моим предкам. Короче, чувствую себя знаменитостью — хоть и не знаю, нужна ли мне эта популярность. По телеку в новостях выступление Лукашенко на каком-то совещании судей — все ободрились: мол, будут отпускать… Про нас открыто ничего не сказал — но, как знать, может, что-то осталось за кадром. Ждём газеты…

4 июня

Суббота — в хате 23 человека, сейчас около 11 часов — 15 человек спят. А остальные 8 пытаются найти место, где присесть, — тесно даже для 8 человек. Артём для рисования занял полстола. Парвиз и Андрей Милановский играют в нарды. Максим читает книгу около брони, сидя на скрученной вате — это ещё хоть какое-то сидячее место. Рядом Анибраев — пришлось, чтоб сесть за стол, согнать его с лавок — лежал. Конечно, всем, у кого нет своей шконки, в два раза тяжелее — но мест нет. Перенаселение действует на нервы больше всего.

Сегодня ночью в 3:40 разбудили — кричали на громкую связь. Выключили, чтоб было лучше слышно, вентилятор — и я услышал соловья. Наверно, только я его слышал — а всем остальным всё равно. Вспомнил Дрозды, волю. Хотелось услышать в этом пении — в самом центре города — некий добрый знак. Но всё меньше верится в скорое освобождение. Хоть Обама и сказал, что надавит изо всех сил на Луку, но ожидание уничтожает надежду, — и когда думаешь, что впереди ещё 2 года и 8 месяцев, — можно сойти с ума. На вчерашнем заседании для судей он ни слова не сказал о нас — о том, что будут выпускать, — не дал даже намёка…

Утром увидел, что моей резкой для мяса пользуется ВИЧ-больной. Это всё очень напрягает: порезаться

ей — раз плюнуть, и у меня есть несколько порезов — так недолго и заразиться. Но все попытки навести хоть какой-то порядок бесполезны. Пришлось обмочить в кипятке — хоть это очень мало успокаивает: надо кипятить.

Упал на шконку — день прожит. По телеку концерт «Виагры» — все лучшие песни — как это удивительно смотреть в тюрьме! 23 человека, большинству из которых в ближайшие год, два, пять… не видать ни девушек, ни бриллиантов… Красивая жизнь, музыка, любовь, счастье… Как всё это далеко от нас. Недоступно… А в тюрьме 1200 человек — столько жизней, несчастий. Конечно, многие из них причинили другим людям не просто страдания — есть здесь и убийцы, но много просто практически детей 20–25, а то и 18 лет, укравших какую-то мелочь или подравшихся… Сломанные жизни…

Надо засыпать, а то не высыпаюсь — весь день в недосыпании — а завтра опять резать колбасу. Сегодня с Димой Качановским и Андреем Милановским сделали салат. Часто бывает обидно: делали час, строгали, старались, а садится Артём: «А почему не с подсолнечным маслом?..» И не дождёшься благодарности, как будто так и надо.

5 июня

Уже порезал мясо. Вчера поздно шёл КВН — посмеялся — редко бывает возможность отвлечься от тюрьмы, начался «Прожекторперисхилтон», так, наверно, телек выключили лишь в 12. Не спал, наверно, до часа, а утром в половине седьмого разбудили — резать. Чувствую, что недосыпание легло на меня дополнительным наказанием, выходит, что я мало того что должен жертвовать своим временем, так ещё и за счёт сна. И спасибо за это никто не скажет. В то время как

большинство даже хлеба не нарежут[73] — сидят, ждут, когда им еду подадут.

6 июня

Получил сегодня письма из дома и от Кати Белосовой. Мама пишет, что про меня часто пишут в интернете — чаще, чем про других. Это радует. Надо подогревать этот интерес — ведь должно же что-то компенсировать моё сидение, — самое время написать десяток стихов: опубликуют в интернете и в газетах, после такого шанса не будет.

Сегодня день прошёл незаметно. Андрей был на суде, так я жил на его шконке — оставил меня вместо себя. День пролетел. Завтра — газеты. Короче, все силы — на стихи.

7 июня

Утром нарезал колбасы — оставалось только полпалки — проснулся в 5 часов, потом ещё удалось заснуть. Уже дело близится к обеду — скоро принесут письма. Потом газеты. Сегодня в новостях в бегущей строке увидел, что бензин опять подорожал — и главное, что в самих новостях про это ни одного слова. Как надоело это издевательство над людьми!

До обеда Парвиз ходил на свиданку — опять видел Санникова — поговорили — по его словам, Санников передал мне привет, спросил про нос — легенда эта меня переживёт. Парвиз сказал, что я скоро собираюсь домой — на что Санников сказал, что тоже верит, что скоро будет указ. В газетах ничего нового. Пока ничего, что намекало бы на свободу. Дают кредит МВФ — если б они захотели, смогли бы потребовать, чтоб нас выпу-

стили, — но вроде они не могут выдвигать такие требования, да и про экономические санкции ЕС и США ничего конкретного нет. Зато опять зашёл разговор про переезд в Жодино. Вызывал начальник, спросил, буду ли я писать просьбу о пересылке в лагерь до рассмотрения дела, — сказал, что буду ждать. Андрей сказал, что Статкевича переводят в Жодино, — значит, и меня, скорее всего, — так что, может, завтра утром опять придут и выдадут описи. Эх! Перемены будут — но пока не в лучшую сторону.

8 июня

Солнце прямой наводкой светит мне на шконку — можно загорать. Правда, пробиваются ко мне лишь отдельные лучи — сквозь щели. В камере 22 человека. Сегодня килешнули Диму Качановского. Сначала он мне не очень понравился — но потом увидел, что он никогда не бежит от помощи: делал салаты, помогал мне в этом, что-то ещё готовил для ночников. На фоне остальных лодырей это большой плюс.

Когда все пошли на прогулку, лёг на шконку Олега — только отрубился, уже стал видеть сон — будят: зашёл кабан, иди мясо укладывай[74]. Блин. Неужели без меня никто ничего не может сделать?

Утром во время завтрака Грак получил от Олега, потом от Вити. В общем-то, при всём моём отрицательном отношении к философии Грака, получил он ни за что. Олег в грубой форме сделал замечание, почему не нарезан хлеб. Вообще уже обленились — как будто эти обязанности — мясо, овощи и проч. — мы должны исполнять. А Олег и др. сидят и ждут, когда мы стол накроем…

Письмо только от мамы. Там никаких новостей. Работают, пишут, что тяжело — цены высокие, но благо-

даря работе справляются. Мне какие-то люди перевели 250 000 рублей — хоть какая-то помощь. Секцию ещё не собрали. Из газет — только «Комсомолка», вслед за бензином подорожали сигареты — хоть Лука требовал «остановить цены».

9 июня

Близок вечерний обход — день убит. Никаких новостей — даже на суд никто не ездил. Просто убил очередной день — убил достаточно легко и быстро. Пустой день, одна радость — практически не смотрел на часы. День прошёл быстро. Писем не было, да и газет интересных тоже. Впереди новости по ТВ — и спать.

10 июня

Сегодня вызвали в коптёрку — дверь открыла «Кабуча»[75], сказала: «Дрозд!» Я как раз разбирался с кабаном — руки были в колбасе. Спросили, буду я ждать решения суда в Жодино или на зоне. Сказали, что, как правило, сразу после Жодино — через день просятся на зону. Решил не растягивать удовольствие лишним звеном — в любом случае, кажется, зоны не избежать. Чудес не будет. Так хотелось верить, что под давлением мировой общественности нас скоро отпустят, но никакого давления нет — только разговоры, мы никому не нужны. А это, значит, что срок в 3 года может оказаться не страшным сном, а страшной реальностью. И так последние дни нахожусь в депрессии. В какой-то момент мне показалось, что настало время «Ч» — когда без освобождения нас у Луки нет выхода. Но сегодня представляется ещё более ясно, что никто нас не отпустит. Конечно, после этой мысли не хочется жить. Ждать

3 года — кем я выйду? Старым больным человеком, никому, кроме мамы, не нужным. Вряд ли смогу создать семью, скорее всего, и детей уже не будет. Да и что будет с моей психикой после всех этих испытаний? Лучше не стану. С другой стороны — умереть сейчас — вряд ли мне представится более подходящее время — умереть, чтоб моя кровь пала на него.

11 июня

15:20. В камере 24 человека — ещё не забрали одного молодого на Жодино, а уже двух привели новых — похоже, что уже и мой отъезд заложен в это число. Но, куда и когда, пока неизвестно. Скорей бы уж лечь спать, там воскресенье — а там уж, наверно, и перемены будут…

Вот и 20:00. День прожит. Реально вспомнить о чём-то за день — не о чем. Сделал салат. Впереди два дня без кабанов — так что подъедим запасы. На следующей неделе в понедельник хоть кто-то станет ездить на суды — возможно, что хоть немного станет меньше людей, — хотя главное для меня — готовность в любой момент собрать вещи и поехать неизвестно куда. Написал сегодня 2 письма — Светлане Владимировне Козловской — она очень помогла мне в продаже книг. Теперь это моя связь с ВГД. Казалось бы, ерунда — а вот мне бы на зону нетбук мой с макетом книги — худо-бедно, не спеша, сделал бы второе издание книги — было б не так жалко времени — но никто без меня этот макет на моём компе не найдёт.

12 июня

Вот и воскресенье закончилось. Готовимся к построению. Сегодня сходил на улицу — не повезло с двори-

ком — скорее, дымом подышал, чем проветрился. После обеда удалось даже уснуть — как раз шёл дождь, и так хотелось уснуть под его шум. Всегда дождь напоминает мне «Берёзку». Думаю о Дроздах, о лете. Не видать мне его. Хотя в целом сегодня немного пришёл в себя. Впереди сложная неделя — переезд, новые люди, новые порядки. Так всего этого не хочу, боюсь… Но увы — выбор невелик…

13 июня

Сегодня ходили в баню. Мылись под холодной водой. После латыш Мартиш упал на лестнице — он носил на прожарку свою обоссанную вату. Пару дней назад — в субботу — он всё не мог заснуть, и ему дали снотворное — в 20:10 проснулся — и незаметно пошёл менять штаны. А про вату сначала сказал, что она мокрая, — потом Зайцу признался, что обоссался. Наверно, так на него подействовало снотворное. Утром на обходе он попросил на обжарку отдать вату — потому что «там завелись животные». На вопрос «откуда?» — приехали с этапа. Все заржали. Так вот, сегодня он потянул с собой вату на обжарку — её обработали горячим паром, от чего вряд ли она стала чище…

Так вот он, неся эту вату, завалился на лестнице — Анибраев сказал: ты б ещё вазелином пятки смазал (оказалось, что в бане Мартиш смазал пятки кремом). На что Мартиш ответил: «Я тебя сейчас х..м смажу» и стал угрожать в том же духе. Даже меня это зацепило — так угрожать в тюрьме нельзя[76]. Когда вошли в хату, Анибраев, пока Мартиш держал вату, пихнул его в спину — еле оттянули Мартиша от него. Короче, с этим латышом одни проблемы. Когда его успокаивали, говорили, чтоб он лёг спать, он говорил, что мы на него давим и т. п. Мол, он хочет в карцер, чтоб побыть одному.

Сегодня на суд съездили аж 4 человека — вернулись 3: малому Сане дали 6 месяцев лагеря. А Парвизу запросили… 9 лет. Он был уверен, что его освободят — и здесь такой запрос. Всю ночь читал свои молитвы — одну 77 раз, другую тоже по счёту. Завтра на суд. Верит, что судья разберётся. После обеда, когда все пошли на прогулку, поспал у Артёма — такая была тишина! Видел во сне Петроченкову — был у неё в гостях. Разговаривали... Писем не было. Пришла спецчасть: у меня рассматривается жалоба 24 июня в 10:00.

15 июня

Вот и сдвинулось всё с места — пишу в отстойнике. Сегодня играли в домино — пришли и сказали: «Дрозд, с вещами» и дали опись. Не дали доиграть. Стал суетиться, собирать вещи… Потом вызвали с бумагами — все стали шутить, что освобождают. А оказалось, что пришла адвокат. Из её сообщения самое главное — мама сказала, что Женька [мамин младший брат] погиб в ДТП — пока ничего подробного. Как он мог в ЛТП погибнуть в ДТП? Они ж там по улице не гуляют… Новость, которую сложно пока полностью оценить во всей её полноте — с одной стороны, какой-то ужас. Умер последний мамин брат, умер как-то совершенно неожиданно — хоть часто за эти 9 лет мы ему желали смерти… Но об этом надо ещё думать и узнать подробности. Если это так, то вдруг у меня словно свет в конце тоннеля — будет, где жить…

И от Васи, и от адвоката узнал, что везут меня в Бобры — Бобруйск… Адвокат сказала, что неплохая зона — достаточно культурная, что это чуть ли не лучший вариант… Дала мне какую-то жалобу — сразу же бросил её в почтовый ящик. И сразу же, как вернулся от адвоката, — даже не дали опомниться — выходи! Кое-как

побросал вещи — всё в суете. Хорошо, что опись написал, когда на Жодино собирался. Повели — сдал вату. До этого простился со всеми. Было приятно обнять Артёма, Андрея — остальным пожал руки[77]… Прощай, к. 18.

Сдал вату, сейчас в отстойнике. Со мной человек шесть. Кто-то едет транзитом. Не успел или бросил впопыхах ручку и сейчас пишу стержнем. Плохо остаться без ручки. Но, в принципе, и стержнем можно писать. Вот и начались в жизни перемены. Получил, хорошо, что успел, письма от мамы, Саши и Кати — все поддерживают. Ну что же, и этот путь мне предстоит пройти…

Со слов соседей ясно, что повезут нас только утром, в 10 часов, так что пока жду.

Отбой — втроём в отстойнике; к обеду и после набралось аж 15 человек на площади в два раза меньшей нашей камеры — стало реально тесно, поужинали. Потом судимых ранее отделили от остальных — вот нас и осталось трое — как раз все трое едут в Бобры. Впереди ночь на нарах без ваты и одеяла.

Спать было сложно — отрубался, спал какими-то фрагментами. Опять видел Олю. Не написал за всей этой суетой, что 14-го пришло от неё письмо, довольно короткое — главная суть: не стоило затевать эту переписку, что я не сказал ничего нового, что у неё не всё идеально, но она хочет родить пупсика… Было очень сложное чувство — столько времени прошло, но я абсолютно не могу забывать все эти любови… Так вот первое её письмо я смыл в унитаз — до этого все письма, и не только её, хранил и храню. Но чем-то веяло от него — чего мне сейчас никак нельзя позволять — нежелание жить после всего этого. Надо и вправду — забывать. Как бы это ни было сложно — особенно сейчас — когда клин выбить клином невозможно…

Ночью сначала надел свитер, потом куртку, всё равно долго не удавалось лежать в одной позе — и жёстко, и хо-

лодно. Ночью попили чая с сокамерником, рассказал мне кое-что про зону — жить можно. И он о ней говорил, как о доме. Потом стали в камеру набивать людей, едущих на суды. Забросили и Олега Капаченю. Как раз не успел с ним проститься — он спал. Сказал, что Парвизу дали 8 лет и 9 месяцев — и это после запроса в 9 лет. Короче, отгрёб по максимуму. Не знаю, как он всё это переживёт. А он скорее ребёнок, хоть и невероятно злой. Так он верил в своё освобождение, молитвы читал[78]…

Потом нас дёрнули на обыск. Конвоир номер 2 сказал раздеться, повернуться направо, присесть 3 раза, повернуться спиной.. Показать уши и рот. Вещи досматривал довольно тщательно, но не переворачивал. Потом нас, 12 человек, забросили в небольшой отстойник — было теснее, чем у нас в камере. Подождали час — и повели нас в автозак. Ехали в заднем боксе впятером. Рядом сидел Женя из Солигорска. Наручников не было. Ещё на Володарке вывели и женщин — сейчас они едут рядом — вроде в Гомель или Речицу. Из автозака, где ещё час просидели на вокзале, бросили в столыпин[79] — довольно нормальный вагон, нары в 3 этажа. Всё бы ничего — да повели на шмон — как я понял, показательный — после меня уже никого не тягали. Чёрт вывалил все вещи, всё перевернул и не дал времени собрать. Залез в каждую дыру, всё выбросил из пакетов и разозлил меня. Кажется, он знал, кто я, поэтому как-то с интересом посмотрел на мою книгу.

Сейчас вернулись в купе — залез на 3-й этаж, хоть самый кайф на втором — пацаны смотрят прямо на улицу через открытое окно — сквозь решётку. А я вижу только пару метров у дороги. Хочется уже увидеть лето…

Удалось даже прилечь — посмотреть вдаль — было столько эмоций! Впервые горизонт — впервые за 5 месяцев. А лес — лес летний — так почти год не видел! Стоял — смотрел, лежал — смотрел… Не насмотреться.

Сейчас уже в Бобруйске — близится отбой — попробую завтра подробнее описать первый день. Пока очень много вопросов — даже в мелочах — но, наверно, со временем всё прояснится…

18 июня

Вот только сейчас получилось выбраться сюда. Закончился стержень — и это теперь проблема — пока открыли склад…

Но обо всём по порядку.

Из поезда выгрузили нас в автозак — какой-то другой конструкции — два отделения, но больших. Нас, человек 10 с сумками, набили и очень не торопились отправлять, а как поехали, не намного легче стало — первый раз, когда было реально очень жарко. Ехали, может, и недолго, если б ехать с кондиционером, а так путь показался в 10 раз больше. Выгрузили. Женя сказал: «Ура, я дома!»

Сидели обычно, как и полагается зэкам, на корточках — всё-таки не на коленях, как кто-то писал про Жодино. Потянулись через зону. Конечно, на нас все смотрели, но здесь прибытие каждого этапа — это событие. Встретил нас ДПНК[80] ИК-2. Моя статья вызвала оживление — даже потом все ходили посмотреть на «массовые беспорядки» и 293-ю…

По очереди постригли. Нужно было пройти через этот ритуал, чтоб взяться за метлу и убрать за собой — это, мол, я не блатной, а мужик — типа, крещение. Потом прошмонали — но это был самый лёгкий шмон — не приседал и даже догола не раздевался. Может, и всех так принимают. Отдал кучу вещей на склад: майки, куртку, письма, газеты… Сразу стало легче, и из двух сумок я сделал одну. Дальше ждал в очереди, пока заполняли документы. Я был один из последних. Меня спроси-

ли профессию — сказал «историк». Тот, кто заполнял, спросил: «Может, его в клуб?» Рядом был завхоз, который оказался с Жудро. Спросил меня про Площадь. Потом я пошёл заполнять заявления на склад, чтоб выдали форму, даже трусы себе заказал — ну, пусть будут — на память. Забрал матрас, одежду. Выдавали мне их почти по блату: мой сосед по Володарке — помощник коптёрщика. Да и сам старший коптёрщик проявил ко мне уважение и интерес.

Правда, штаны всё равно выдали без карманов и такого размера, что реально ещё один я залез бы. Но это здесь нормально — в комплект входила завязочка. Шнурки были короткие, и сразу же они стали расплетаться. Обувь только 41-го размера. Написал хлоркой на тряпочке «Дрозд» и пришил справа на груди.

Потом провели по блоку, показали, где и что: какой умывальник для людей, а какой для косяков, то же с вешалкой, туалетом и т. п.[81] Потом пошли в баню, шли через всю зону и уж здесь точно были главным развлечением. Увидел какое-то большое число заборов. Вся территория разбита на отряды. Стадион был почти пустой — от силы 5 человек там бегали или ходили. Баня большая — количество душей гораздо меньше, чем свободного пространства. Сдали вещи на прожарку — чисто для формальности нужно было хоть что-то сдать. Пошли домой. Сдали сумки на склад. Заняли места в секции, мне специально выделили 1-й этаж. Даже не верилось, что буду спать в темноте! Как такое может быть? Плюс ко всему удалось даже лечь лицом к стене, надо мной никого нет. Тишина… Курить можно только на улице. Отрубился и спал, абсолютно не просыпаясь, до самого утра. Немного обидно, что проснулся на полчаса раньше, сам украл у себя время такого чудного сна. Так бы ещё часов 5…

Потом какая-то суета — построение[82]. На построение только в ботинках, а так можно в тапках. Потом завтрак. Сразу не всё понятно, где что брать. Пришлось сесть за отдельный стол. Была горохо-перловая. Немного поковырял — есть можно. После завтрака писали ещё бумаги. Одна из них — обязательство приблизительно следующего содержания: «Я… осуждаю своё преступное прошлое…» — что-то там ещё — «…готов сделать всё, чтоб заслужить доверие администрации и совета отряда…»[83] Это пришлось подсократить. Какое у меня преступное прошлое и как я могу обещать завоевать чужое доверие? На удивление, к обязательству никто не придрался. Ну, я ж пообещал соблюдать порядок и вступить в какую-нибудь секцию.

До этого на улице ко мне подошёл Сергей Казаков — «подельник» — познакомились. Он идёт на неделю раньше меня. Потом смотрели кино, гуляли по улице. Весь день практически на улице в локалке[84]. Локалка довольно большая, правда, сплошной асфальт, окружённый бетоном. День тянулся долго. Сказывалось, что в дне на 4 часа больше, чем на Володарке. Там день начинается в 8 и заканчивается в 20. Здесь нужно крепить от 6:00 до 21:30. Отбой в 22. Весь день хотелось спать. Сходил на беседу к завхозу. Расспрашивал меня, что и как.

Сегодня меня назначили в наряд по кухне, пришлось расставлять миски и мыть пол. Но, в принципе, ничего сложного — хоть как-то сократило день. Дежурил вместе с Юрой, с которым вместе ехали, — из Копыля. Уже с 16 лет на наркоучёте. Вроде неплохой парень, но пьянствовал на воле, потом ограбил магазин в родной деревне. В колхозе работа 300–400 тысяч… Это ж 80 долларов! И это в процветающей Беларуси. В общем, день уже почти прошёл. Написал письма — на улице, в беседке — красота! Жить можно.

19 июня

Вечер. Сижу в той же беседке. Сегодня ровно полгода после Площади. Пять из шести месяцев я провёл в тюрьме и вот теперь на зоне. Даже представить сложно, что я переехал в другую область Беларуси, — нигде ещё в Беларуси я не жил так долго, кроме «Берёзки», но это ж совсем рядом с домом. День прошёл однообразно, да ещё и не закончился — ещё тянуть и тянуть. Написал письма. Попил с Казаковым чая в честь праздника. Был в наряде на заготовке. Наверно, самый лёгкий наряд: принести бачок от ворот на кухню[85]. Взялся за польский — был сам удивлён, как глухо, я забыл то, что отскакивало от зубов, — не память, а решето…

21 июня

Сижу после обеда в столовке. Рядом 40 зэков — на улице неважная погода. День проходит немного быстрее с того момента, как я взял книги. Но часа два сна не помешали бы. Сегодня неважно спал. Вчера до утреннего построения замерзали — очень неважная погода. Да, по сути, с самого приезда нет жары — всё время дождь, иногда выглядывает солнце. Все становятся так, чтоб согреться. Вчера был наряд по умывальнику, так можно было хоть 15 минут в тепле постоять — тупо потереть зеркало. Сегодня опять наряд — заготовка.

Утром приходили два начальника. Поговорили. Вызвали только меня и Казакова. Сказали, чтоб не вёл никаких политических разговоров, хотя непонятно, какое они имеют право указывать, о чём говорить, о чём — нет. Меня ж свободы лишили, а не права общаться и других прав. Спрашивали про работу и т. п. Вообще остался неприятный осадок после беседы. Да и вряд ли

в таком месте можно надеяться на приятные разговоры с людьми в погонах. Мы для них дополнительная проблема, а их здесь и так немало. Не хотелось бы идти на какие-то принципы, но и работать на них я не намерен. Если будут ставить на работу, придётся идти в отказ, а это, конечно, чревато гонениями. Тем более что нет связи с внешним миром: писем нет совсем. Даже не знаю, что там вообще в Беларуси происходит.

И, по крайней мере, ещё целую неделю будет так. Но главное, что меня никто не трогает — можно читать — и значит, ничего мне не страшно — день проходит небесполезно. После смерти Женьки у меня появилось будущее — если придётся его ждать 3 года — то это гораздо меньше, чем ждать «когда освободится квартира». Она уже свободна, да и осталось уже 2 и 7 — хоть и много, но вполне реально. А то, что такое — сидел 5 месяцев — разве ж это жертва? А время я потом наверстаю. Особенно, если сейчас смогу организовать процесс самообразования — языки, история и т. п.

22 июня

Сегодня наконец-то получил 2 письма — но не совсем те, что ждал. От мамы Мирзаянова и от сестры Макса Лены [Терешковой]. Сегодня утром ходили к врачу, пожаловался на сердце — дали сдать анализы. После обеда — кардиограмма — всё отлично. Сегодня в наряде по двору. Общался с ребятами из РБ [республиканская больница — бывшая Минская тюрьма на улице Кальварийской] — у них всех такие сроки! Один уже 10 отсидел — а всего срок 20… Так и не спросил — за что. Наверно, здесь это неприличный вопрос. Зато ввёл меня в курс дела — сказал, какие могут быть проблемы[86]. На самом деле очень помог. Нужно держать язык за зубами, никому не верить, ни перед кем не открываться — а то

всё могут перекрутить и использовать против тебя — и менты, и зэки. Аж страшно: не наговорил ли я уже чего?

24 июня

Сегодня рассматривалась моя жалоба — один из важнейших дней всей этой истории, но кажется, что перемен быть не может. Не для того меня засадили, чтоб сейчас дать «химию» или условно. По сути, не верю в чудо, хоть, конечно, очень хочется в понедельник поехать домой. Здесь вполне можно жить, но всё-таки слишком длинные и бессмысленные дни, то ли дело в Дроздах — как моментально там летят целые недели — какая это странная субстанция — время…

Вчера у нас забрали ребят из РБ — с ними я больше всего общался. Вчера было ЧП: неясно, куда хотел убежать наш косяк[87] Кот — через подвал. Всю вторую половину дня его там искали, а мы стояли во дворе. Приходилось подниматься через каждые 10 минут — начальство бегало туда-сюда.

Что ещё? Сегодня пришли письма — от Пчёлки и от незнакомого человека — он написал уже сюда — значит, где-то уже есть информация, что я в Бобруйске. Значит, скоро будет больше писем. А пока особых новостей нет, и время просто ползёт — ужас. Наверно, надо было б пока на Володарке остаться — там и время шло быстрее, и газеты были. Из дома нет новостей…

25 июня

Суббота. День прошёл, и слава Богу. Сегодня вообще ничего не делал — даже в наряде не был. Утром сходили в баню — видели парней из РБ — они в 22-м отряде и в 7-м, там, где всякие «активисты» [88]. Но они ж, навер-

но, и не могли после РБ (больницы) попасть в обычный отряд. В бане видел Диму Хабарова. Наверно, не самый худший вариант для зоны. Сам ещё не решил — пошёл бы в эти «элитные» отряды — их все зэки считают козлами[89] — уважения, конечно, нет. А если ещё оппозиционеры пойдут туда — то будут про всех нас плохо думать. Хотя какое кому дело? Здесь каждый сам за себя, и эти «понятия» мне чаще непонятны.

С тех пор, как я здесь, не было нормальной погоды: утром холодно — что нормально, так и в обед замерзаем. Тучи, ветер, дождь. Лето не удалось. В такую погоду только в архиве сидеть. Читаю учебник про средние века. Общаюсь в основном с Сергеем. Сейчас в столовке — смотрим клипы. Ну, тепло и весело… Жить можно. Вообще, так, как сейчас, вполне можно сидеть — а знатоки говорят, что в отряде ещё лучше.

27 июня

С утра очень холодно — практически весь день боролись за тепло. Женя выгонял нас на улицу, а мы постепенно вновь собирались на веранде. Пробовали упираться, специально ели медленно, те, кто был в наряде, убирали очень тщательно. Я дежурил по секции — никуда не спеша, протирал пыль. Сейчас поддел спортивные штаны — больше ничего нет. Всё равно холодно. Весь день не было ни дел, ни новостей — почти как в воскресенье.

Впрочем, вчера меня повёл Иванович в КБО — там спецчасть прислала бумагу, что моя жалоба ушла — это я её ещё с Володарки послал — не прошло и 2 недели. Утром пришло одно письмо — от незнакомого человека — из дома тишина — с самого отъезда нет писем. Что там? Как? Что с Женькой? Как мама? Надеюсь, что завтра что-то будет. Так и не удалось найти никаких га-

зет — хоть видно, что иногда их мимо носят — видел даже «Народную волю». Всё ждём каких-то новостей. Что там на большой земле? Сегодня смотрели новости по НТВ — но про нас там не сказали ничего.

Сейчас сижу в столовке. После обеда здесь за столами спало около 20 человек: все так намёрзлись, потом наелись, что моментом заснули. Обычно нет места, чтоб вставить кипятильник[90], — сегодня я пил кофе один — ещё только человек 5 подавали признаки жизни. Смотрим клипы — там полуголые красотки и знаменитости — попса; смотрим на женщин — 20 несчастных мужиков, кому вряд ли когда-то в этой жизни доведётся общаться с такими — красотки, модели. А вокруг в основном 415-я да 205-я, да ещё со 107-й. Странное чувство — смотреть на всех этих звёзд — практически, они такие же далёкие, как те, что в космосе. А мы в зоне, в Бобруйске, в чёрных робах, полуголодные и замёрзшие зэки. Что нам до всей той жизни? Только один есть в этом смысл — убить час-другой, приблизить отбой. Уснуть. Чтоб настало 28-е.

28 июня

Сегодня наконец-то пришли письма из дома — сразу два. Да, судьба Женьки удивила — вроде его по болезни отпустили из ЛТП — что само по себе интересно. Потом через несколько дней его труп нашли на дороге Гродно–Минск. Было жарко, труп уже стал разлагаться, а в Воложине не было в морге холодильника, и его похоронили. Очень много вопросов. Нашли труп, так должны были возбудить уголовное дело. Должны были сообщить родным — ведь был паспорт. Удивительная история. А в остальном всё нормально. В гробу его никто не видел, и для нас он останется живым — просто уехал в ЛТП. Не знаю, почему мне так его жаль. Может,

эта непонятная смерть, неизвестно где и от чего. Жизнь была неудачная и смерть такая же. Может, он шёл домой пешком, так как не было денег. Но почему он не позвонил перед освобождением? Конечно, если б я был на воле, то потребовал бы разобраться с этой историей. Наташа пишет, что они этим не будут заниматься.

А так день прошёл обычно. Приехал новый этап. Наших нет. Играю в шахматы, читаю. Про утверждение приговора пока тихо. Илья пишет, что в Минске по средам проходит акция протеста, что было 10 000 человек. Вроде опять ОМОН разгонял. Газет так и не раздобыл. По ТВ сказали, что это была репетиция 3 июля. Надеюсь, что 3 июля ему скажут всё, что о нём думают.

29 июня

Сегодня пришло 3 письма — от Саши [Абрамчика], сестры Макса [Терешковой] и от Мирзаяновой [мама политзаключённого Фёдора Мирзаянова]. Коротко — пишут про новости: в Минске и других городах — практически во всех — проходят акции солидарности. Люди выходят на Площадь и молчат. Будто бы даже было 2 тысячи человек.

После обеда неожиданно повели к врачу — оказалось, что надо сдать анализ ДНК — отказался, сказал, чтоб показали мне документ, по которому я это обязан делать. Для них, кажется, это было полным удивлением — что в зоне кто-то от чего-то отказывается. Какой-то мелкий офицеришка даже пообещал мне, что попросит, чтоб меня специально направили в его отряд — мол, накажет меня. Так что потихоньку начинаю наживать себе врагов.

Сегодня дежурил по коридору. Сейчас в столовке — как всегда: клипы и чай. Шли от врача — попали под ливень.

30 июня

Сегодня главная новость, что всех забрали в отряд, а нас с Сергеем пока оставят здесь — ещё на неделю. А я даже и рад этой неделе безделья. Сейчас здесь вообще 16 человек — пустота!

Утром беседовал с начальниками — аж три майора на меня одного! Беседа была очень неприятная, больше похожа на вежливое запугивание. Я бы даже сказал, вынужденно вежливое. Сказали, что буду обязан работать, а если откажусь — будут давать ШИЗО, потом суд. И добавка срока. Короче, произвели на меня впечатление. Ещё получил добавку за вчерашний отказ от анализа. Странно, по их же словам, это дело добровольное, т. е. я мог отказаться. Это им очень не понравилось — в общем-то, это и было темой беседы. Мол, выделился. Не знаю, захотят ли они мне устроить «весёлую жизнь» — думаю, что здесь не любят непокорных.

Написал сейчас 5 писем. Возможно, что завтра будут газеты. Сегодня после обхода карантинцев остался в секции один. Сказали переехать в № 2. Переехал. Через полчаса все стали переезжать в секцию № 3 — туда, откуда я вернулся. Удалось занять свою кровать.

3 июля

День освобождения. Увы — он уже давно перестал быть таковым — да и для нас, кажется, не стал. 3 июля ожидалось с такой надеждой, что как раз к этому празднику будет то ли амнистия, то ли помилование. Но, кажется, ни того, ни другого. Вчера Россия отключила подачу электроэнергии в Беларусь — за неуплату — но дата накануне праздника, наверно, тоже неслучайна. Конечно, как скажут: это всего лишь чистая экономика и

никакой политики. Но случайно такое, да ещё в субботу, вряд ли бы сделали. Значит, и в отношениях между странами пока никакой дружбы, и в экономике нет лишнего рубля, чтоб за свет заплатить. Возможно, завтра придут газеты — уж во вторник точно. Выйдем для начала из информационной блокады. И настроимся на долгий путь к следующей знаковой дате: 20 лет СНГ… В быту ничего нового. 18 человек, все в одном кубрике.

9 июля

Не писал почти неделю — самый долгий перерыв в дневнике. На самом-то деле и неудивительно — ничего не происходит. Стали получать первые газеты — но кто-то их читает до нас: до сих пор половину не видели. То, что есть, настраивает на оптимизм: народ просыпается — какое-то движение по всем городам. Опять задержания. 3 июля прошло без аплодисментов — это теперь признак протеста. Ирония: мол, спасибо за наше счастливое детство…

В отряд в четверг вообще никого из карантина не поднимали — очень мало людей. До сих пор ни я, ни Сергей не утверждены. Где эти бумаги, неизвестно. Сергей получил посылку — так даже кофе пил со сгущёнкой — маленькая радость. Сегодня ходили в баню. Отдал Диме Хабарову газеты — а он меня угостил конфетами и сусли[91] — теперь и кофе, и чай будут сладкими — пусть и сладость эта непривычная на вкус. Читаю польский, играю в шахматы.

Из дома писали, главная новость, что умер Володя Метелица [мамин дядя]. Так некому было похоронить. Жил человек — ни секунды покоя, всё в бегах да трудах, а на поминках 6 человек: Алла, Наташа, Андрей, моя мама, Наташа и Светина мама!.. Вот такая жизнь…

Некому было переодеть, некому гроб нести… Вот такие жизни: Женька, Володя…

В ручке заканчивается стержень — хочется дописать до конца и поменять на новый… В карантине человек 40 — в основном даже не с кем пообщаться. Человек 10 уже за 50 лет — или близки к этому. Остальные — ну, ни с кем не хочется поговорить — в основном общаюсь с теми, с кем играю в шахматы.

На той неделе пришло 2 письма от незнакомых людей. Наверно, где-то разместили наши адреса. В газетах, в тех, что до нас дошли, требуют нас освободить — и Хиллари Клинтон, и др., да воз и ныне там. Долларов нет, кредитов нет, дурдом крепчает. Люди в штатском хватают на улицах всех подозрительных…

Вот и поменял стержень… Поставил какой-то старый — так даже писать неприятно после фирменного, что раньше стоял. Короче, сижу, пытаюсь использовать это время с пользой — в польском никакого сдвига — наверно, так и не осилю. Близкого выхода не видно. Сегодня из бани видел крыши деревенских домов — они сразу около забора тюремного — так захотелось туда — в ту же Василевщину [деревня моей бабушки] или на велике в Сёмково.

12 июля

Вот уже вторник. Но по главным вопросам так и нет определённости — бумаги из суда нет — и значит, не могу настроиться на четверг: чего мне ждать — буду ещё здесь или собирать вату и вещи и настраиваться на новую жизнь, на перемены. Сегодня уже почти к ужину дело — так и не пришли газеты. И кому жаловаться, непонятно.

Писем из дома нет. Написала Козловская — в «Медисонте» просят за 100 экземпляров 1030 долларов, или

8 000 000 рублей. Какие-то суммы теперь почти космические. 80 000 р. — только себестоимость книги! Конечно, в долларах, практически, как и раньше — всего 10 $ за книгу, — если б была определённость с курсом, то вышло бы всего 5 млн., и книга 50 000 — т. е., практически, как и было. Надо б, конечно, издать, но нет человека, кто бы мог это всё взвалить на себя. Маме это не под силу. Хотя именно сейчас есть шанс реализовать всё довольно быстро — и пусть и не заработать, так хотя бы вернуть деньги. Прибыль теперь вторична.

Сегодня получил подарок — пломбир в шоколаде! Было смешно — как мы его с Сергеем поедали, спрятавшись ото всех в секции. Операция прошла успешно — во всяком случае, уже болит горло. В польском заметен прогресс — всё проще и всё понятней. За год выучил бы всю книгу. Но лучше, конечно, не выучу польский — но буду дома — хотя с этим сейчас ещё неопределённее — нет никаких «сигналов», что свобода близка — скорее, наоборот. С. В. написала, что Калечиц арестован на 10 суток. И больше нет никаких известий. Писали и про Катю [Ерусалимскую]. Такое ощущение, что все мои друзья уже сидят [все были задержаны на «молчаливых» акциях]. И конца этому не видно.

Сегодня чуть не подрались за шахматами, не сойдясь на правиле «вечный шах». Мой противник хотел, чтоб я отказался от ничьей и походил по-другому. Неприятная история, но в результате всё хорошо.

14 июля

Пишу эти строки, сидя за столиком в локалке пятого отряда[92]… Да, сегодня случилось наконец-то то, что висело надо мной всю неделю. Утром, как и в прошлый раз, построились. Был уверен, что останусь. Бумаги-то так и не было… Сергей прошёл передо мной — его оставили.

Был уверен, что меня ждёт та же судьба… Но увы. Услышал: «Отряд № 5». Направлял сам начальник колонии. Не знаю, принял ли он это решение заранее или реально решал прямо в кабинете. Я был в шоке. Так хотелось остаться в карантине! Привык, очень вжился, стал реально учить польский, даже появились какие-то успехи в обучении… Но пришлось скатать вату, сбросить всё из тумбочки в кешар — и выйти в локалку. Видел, что и Сергей тоже расстроен, всё-таки ему тоже было веселее.

А как раз вчера мы получили газеты, где говорится о выступлении Лукашенко в Шклове — что нас выпустят хоть завтра, посадят в вагон и отправят в Польшу, а если понадобится, то и на самолёте. Выступление это было очень обнадёживающим. Правда, в нём было очень много лжи — нас здесь 20–30, а он, мол, не знал, сколько… Что задержали только 600, а не 740, и главное, что он боится отпускать нас в колонию — чтоб «достойные» люди нас там не поставили на место. Увы… Сплошная ложь, но она дала нам надежду, которую мы уже почти утратили… Ну что ж…

Скатал я вату и потянул в отряд. Встретил меня завхоз[93] — молодой парень. Потом поговорил с отрядником[94] — сказал, что очень любит порядок, что в понедельник я пойду сколачивать ящики… Кажется, он действительно очень правильный… Но в этом есть и плюс — по крайней мере, в кубрике не курят. А это как-никак немало. Кровать на втором этаже. Подо мной — серьёзный мужчина — наверно, директор.

Рядом отряды № 11 и 17[95]. В 11-й пошёл доктор Шутов — выслушал его историю, что его обвинили в убийстве отца. Что его подставили — он сам видел, как из его квартиры вышел мент, а отец, умирая, успел сказать его фамилию: Чекалов. Что его сосед и участковый в сговоре… Ему дали 13 лет[96]…

Вот и дошёл я до крайней точки моего путешествия — почти полгода я катился в эту точку на земном

шаре — отряд № 5, — и сколько пробуду здесь, одному Богу известно. Вынесу ли я всё, привыкну ли? Будет ли мне здесь так хорошо, как на Володарке или в карантине? Не знаю.

Сегодня ходил в штаб и подписал бумагу из суда… В какой-то момент в окне напротив увидел… маму… Ясно, что это всего лишь видение, моё плохое зрение… Но понял, как соскучился по ней. Какое испытание выпало ей. Так хочется скорее её увидеть — конечно, не здесь, в зоне, — а на воле… Не знаю, было бы мне проще от мысли, что это будет ещё только через 2,5 года… Или проще, как сейчас, ждать чуда, верить, что она совсем близко — неделя, месяц, два...

Чувствую упадок сил, душевный комфорт, который был ещё вчера, утерян. Опять вживаться в новые условия. Так надо скорее приобрести покой. Да, половина общей тетради исписана — хорошее место, чтоб закончить дневник. Так хочется верить, что остальная половина дневника мне не понадобится.

15 июля

Уже после обеда. Сегодня пришло письмо из дома — начали ремонт: поклеили, покрасили — короче, молодцы. Пишут, что слушали Луку — что меня скоро выпустят. Утром ходил в штаб — пришло заказное письмо. Пока стоял в очереди — получил обычные письма, штук шесть. Два из Великобритании — там, похоже, вовсю развернулась акция в нашу поддержку. Письмо от сестры Макса [Терешковой] — пишет, что Макс [Винярский] опять получил 15 суток — никак он не хочет от меня отставать. Мама пишет, что и Мишу [Ермалюка] задержали — молодец, тоже не сдаётся. В штабе получил письмо от женщины из Бреста. Поговорил с начальником оперативного отдела. Поулыбались. Он

сказал, что из-за меня им нужно нанимать нового цензора — удвоенная нагрузка. Сказал ему, что буду исправляться — пойду на работу. Про слова Луки он слышал. Потом ещё ходил к бригадиру. Спросил про Площадь и прочее — копия разговора с завхозом. Сказал, что в понедельник меня ставят на погрузку — всё-таки начальник решил меня перевоспитать. Весь день сегодня пролежал на койке — читал польский, письма, «НВ» — ничего такого, что дало б новую надежду. У Статкевича и Усса только 19-го рассматривается касатка — так что раньше этого ничего и быть не может. На слова Луки никто из Европы не ответил. Никто не захотел забрать нас к себе. Хоть Америка обещает дожать его до победы. Вот такой вот день на зоне.

Первый день от подъёма до отбоя.

17 июля

Близок отбой — ещё раз построиться — и спать. Жизнь немного налаживается. Вчера пробовал пройти к бане — но конвоир, когда прочитал мою фамилию, аж

передёрнулся — пришлось возвращаться в отряд. Так и не удалось выйти на связь с Сергеем.

Весь день читал книгу — нашёл в библиотеке около 10 интересных книг — читаю про Толстого и Кузминскую — как раз там Москва, Тула… Всё родные места. Написал сегодня 4 ответа людям. Вчера вечером дежурил в столовке[97] — думал сбегать в карантин, но не рискнул — а реально мог. Короче, соседи меня задымливают — нечем дышать. Потянусь в комнату.

20 июля

Вот уж 2 дня как работаю в бригаде сортировщиков. Это ж надо — хватает иногда образного мышления, чтоб простое слово «грузчик» заменить такой поэзией[98].

К сожалению, главное, что я потерял, — это возможность читать. Не хватает времени даже на дневник — вот уж какие большие провалы. А за ними теряется какая-то мелочь. Например, драка во время дежурства в столовке[99]. Остаются основные моменты. В понедельник пошёл сначала в баню. Увиделся там с Димой, передал ему газеты, он мне бельё поменял. Потом стрижка. Была путаница в очереди. Потом пошёл на промку[100].

Удивительно, словно вышел за пределы зоны — на свободу. То, что воздух там другой — это 100% — там невероятно пахнет стружкой — очень приятно.

Переоделись в пропахшей потом каморке. Нас 10 человек. Бригадир — Сергей. Пошли на объект — нужно было перетащить брёвна. Тащить пришлось по пересечённой местности, метров 100. Фигурное несение бревна! Брёвна разного веса — что-то доносил без проблем, что-то с подгибающимися ногами. Сбил плечо — теперь уже ношу на левом. От меня никто не требовал каких-то подвигов — все видели, что я далеко не Геракл.

В бригаде, кстати, нет никаких гигантов — все весьма скромной комплекции — есть и такие, как я, — так что подумал, что втянусь со временем. Физический труд всё-таки доставляет некое удовольствие. Плюс давно пора привести себя в порядок — ведь раньше был крепыш, а Москва меня совсем съела — дохляк.

Вчера пришла посылка — много всего вкусного. Не знаю, как всё это съесть. Пока нет никаких 100% известий о нашем освобождении — но чувствуется, что давление на Луку растёт. Пришли письма из дома. Мама сделала ремонт.

Ходил сегодня к отряднику насчёт вещей — «мы, может, пойдём навстречу…» Вчера получил выговор за плохую бирку[101].

Пришло много писем из Европы.

24 июля

Прошло 4 дня — и всё это время не было минуты, чтоб написать в дневнике — ходил на работу. Работа, бывает, радует — так здорово на свежем воздухе тянуть бревно — аж душа поёт ☺. Хотя есть в этом и доля правды — радуюсь своей силе молодецкой.

Удалось сходить в режимный отдел и забрать костюм[102]. Майку пришлось разрезать — точнее, сделать пару надрезов, кетчуп поставил прямо в пакете в мусорку — пусть пользуются — это гораздо меньшее зло, чем выливать в унитаз, всё-таки не копейки стоит. Две ручки удалось вернуть[103]. Потом ещё ходил в исправительный отдел — майор спросил, всем ли я доволен, — сказал, что всем, всё хорошо. Сегодня ещё и к отряднику ходил — короче, покоя мне не дают. Сегодня поставили в наряд — ещё пойду мыть столовую, днём были ПХД[104] — выносили матрасы на улицу. Короче, пишу схематично…

Странное письмо получил от Оли — можно его перевести как предложение: пишет о готовности приехать и о костюме с туфлями — короче, понимай, как хочешь. Возможно, что я выдаю желаемое за действительное. Читал её письмо — такое волнение — конечно, она мне совсем не безразлична.

25 июля

Вот хоть пару минут, чтоб написать письмо, если, конечно, не выдернут меня к начальнику. Сегодня очень устал. Как всегда, физическая усталость вызвала душевную — чувствую полный упадок сил, он ко мне как-то периодически возвращается. Сегодня с утра пошёл уже в другую бригаду[105], с бригадиром уже немного знаком — сложно придумать худший вариант начальника. Попросил сводить на КП — забрал свои вещи, пока нашёл для них новое пристанище. Постоял, поговорил с Сергеем, он ставит клейма на поддоны. Очень интересно, что Европа всё грозит санкциями, а Германия покупает поддоны, которые делают рабы. Конечно, цена таких вещей должна быть минимальной.

Потом меня приставили к станку: относить обрезки, вроде бы несложная работа, но таскать далеко, эти обрезки разваливаются — лучше нести бревно. Потом стали грузить на станок брёвна, потом опять обрезки — и так весь день. На обед не взял ложку. Вообще, что-то лагерная еда мне вообще не идёт — и не выходит[106] ☺. Ещё осталось немного из посылки. Хорошо, что 3 дня мой бригадир будет в долгосрочном отпуске — так что отдохну от него. С ним впервые я столкнулся в прошлый понедельник на стрижке. Потом — за столом[107]. Не знаю, как избавиться от общения с ним и ему подобными. На работе очень устал. Пришёл, лёг и, наверно, даже уснул на пару часов.

Сегодня пришло письмо от мамы, которое она ещё 20 июля отправила — пишет, что я редко пишу, хоть на этой неделе я отослал писем 5 — чуть ли не каждый день писал. Письмо от неё шло 5 дней — мои из отряда она ещё вообще не получила — и неизвестно, получит ли — пишет до сих пор в карантин. Всё думаю о вчерашнем Олином письме: оно такое двусмысленное, что его можно понять и так: за 2 года ничего не изменилось и не изменится за 3 — мы можем осуществить нашу мечту, и ещё пишет про эти костюм и ботинки…

27 июля

Отбой. День прошёл как вчера. Разве что в обед срочно вызвали меня в санчасть — как выяснилось, чтоб сдать ДНК. Были симпатичная девица в юбке и начальник оперативного отдела. Он шутил[108], а у меня не было сил отказаться от чего-то — я был слишком замучен… Хрен с ним — пусть берут. Выйду на волю — буду требовать, чтоб удалили из базы. Пришло 2 письма от мамы, от сестры Макса, от Мирзаяновой. Дома всё нормально. Наташа собирается в Астрахань. Пью чай со сгущёнкой — тоже маленькое удовольствие. Хотел написать для «Свободы» «Письмо маме».

30 июля

С четверга вышел бригадир — Максим, — поставил меня за станок, приставил учителя Витю — тот, как мог, объяснил мне. Мне, конечно, многое было невдомёк — все доски на одно лицо. Общими усилиями что-то даже сколотили, но по всем законам жанра первый поддон ушёл в отходы. Устал, конечно, меньше.

Было письмо от Оли — пишет, что не берёт её суженый замуж, не знает, что и делать — 2 года прошло, а о свадьбе даже не говорили.

В пятницу продолжил сбивать поддоны. В «НВ» наконец-то пару строк — точнее, даже маленькая статья — про Сергея Казакова, что над ним взяла шефство депутат бундестага Анжела Граф. Интересно, кто шефствует надо мной? В субботу — на работу. Утром хотел словить Казакова, чтоб передать ему газеты — но увы, — не пересеклись. Работы почти не было — взял книгу и читал после обеда. Сбил 3 поддона, но без ног.

После обеда только дождался очереди, как пришёл дневальный Кирилл — вызывают в штаб. Сходил — заместитель начальника оперативного отдела спросил меня: прессуют ли меня здесь и всем ли я доволен. Ответил, что весело и всё хорошо. На работу уже не возвращался. Прилёг, уснул… Будят: давай в штаб. Блин, опять… Оделся…

Говорил уже в другом кабинете — были наш местный майор и человек в штатском — судя по всему, из УДИН области. Сразу начали о политике. Разговор был долгий, но больше напоминал разговор двух слепых, описывающих, как выглядит слон — один держал за хвост, а второй за ухо… Такого тупого патриотизма я не встречал ещё никогда. Люди реально говорят, как БТ. Причём майор сказал, что ему стыдно, что у нас в стране есть такие, как я, что у него всё хорошо и его знакомые голосовали за Лукашенко. Причём и я для них был как зомби-сектант — мы абсолютно не слышали друг друга. Я даже не понял, зачем весь этот разговор, а оказалось всё просто: он предложил мне написать на помилование.

Разговор перешёл в более конкретное русло… В конце концов я сдался, спросил, какой, по его мнению, у меня шанс, он говорит, 80–85%. Ну что ж. У меня уже нет сил геройствовать. Как раз в пятницу утром отпра-

вил Мирзаяновой письмо, где было про помилование, и «Письмо маме» (приведено в конце книги). Я вспомнил, что даже Оля упрекала меня в категоричности и прямолинейности на суде. Подумал, что сделал уже и так очень много. И написал. Правда, опустил строку про признание вины, написав: «…раскаиваюсь в содеянном лично мной…» Думаю, что в этом есть большая доля правды. Хоть до сих пор не покидает чувство, что я смалодушничал. Как раз вчера в «НВ» была информация, что Санников отказался писать на помилование, до этого отказался Усс и др. Некляев написал, что «никто не спешит писать о помиловании…»[109]

Но я решил, что хватит с меня этого геройства. Хочу домой, чтоб мама была счастлива — так я писал в своём письме, — думаю, что никто меня не осудит, но какие будут юридические последствия этого письма, я не знаю. Говорят, что потеряю право на второе помилование и что уже не могу просить политического убежища за границей. Конечно, в первую очередь для меня — мама. Всё остальное вторично. Человек сказал, что решение будет где-то через месяц, но не через 3–4 — т. е. достаточно быстро. Ну, что ж, можно спокойно вернуться к сбиванию поддонов. 85% — ну-ну. Посмотрим. Ведь не я к ним пришёл — а они ко мне, и не я первый заговорил о помиловании — они сделали шаг навстречу — и я полшага. Теперь буду ждать.

Хочу, чтоб Людмила Мирзаянова опубликовала моё «Письмо маме» — там я сказал, что она единственный близкий для меня человек. И это так.

4 августа

Месяц так и стартанул с места — очень быстро идёт неделя — уже четверг. Сергея сегодня перевели в отряд — сказал мне человек из карантина.

Вчера меня вызвали в психоцентр — даже странно было туда идти: что я уже такого натворил? Ещё более был удивлён, увидев в коридоре Казакова и Грибкова — всех нас вызвали, чтоб написать ещё раз заявление о помиловании — уже для здешней комиссии[110]. Написали. Нужна копия приговора. Прибежал, не очень вежливо меня встретил завхоз: когда я его попросил открыть мне коптёрку — даже не ожидал от него такого — крик… Приговора не нашёл — он, скорее всего, на складе вещей. Сходил в штаб — сказал майору, что такой же приговор, как у Пратасени. Сегодня комиссия по УДО — и мы все пойдём на неё. Так что осталось ещё часа 2 до «свободы» — хоть, конечно, это всего лишь один из шагов, кажется, чисто формальный — если там всё решили — здесь не будут против. Жду.

Вот — вернулся. Отвёл меня дневальный — майор меня очень обрадовал, что мой приговор они сами нашли на складе вещей — им даже я не понадобился! Какая оперативность ☺! Пришёл Грибков, а потом Сергей. Сергей в 13-м отряде — даже не было времени поговорить — выскочил начальник колонии — построил нас — мол, плохо стояли. Потом нас троих пригласили в кабинет. Было человек 5 местных и женщина-наблюдатель, неизвестно откуда. Я пошёл первым. Разговор был вежливый — сказали, что, мол, написал, всё признал, спросили, кем работал до того — сказал про книгу. Потом спросили, работаю ли здесь, — сказал: «Да, сколачиваю поддоны». Начальник колонии мне сказал: сколачивают банду, а у нас производство… На что я не возражал. Жалоб и предложений у меня не было. Начальник сказал, что у него одна просьба: до освобождения вести себя хорошо. Пообщался с Сергеем, может, сможем на промке чаще общаться.

7 августа

Воскресенье. Думал постирать штаны, да так и не собрался. В пятницу устроили ПХД — мыл пол в секции, не было возможности отдохнуть. Сбил 2 поддона. В субботу опять ПХД — начальник отряда назначил меня мыть пол (продол), взялся за дело. Минут через 15 подошёл и говорит: вижу, что не отказываешься — пусть дальше моют дневальные. Два дня подряд мыли и выносили вату на улицу.

Плюс ко всем несчастиям в нашей секции начался ремонт — я сначала переехал в 4-ю, потом бывший бригадир попросил — и я переехал к нему в 3-ю. Место в конце зала — лицом к стене. В принципе, довольно удобно. Но всё-таки новые люди, и их гораздо больше — да ещё в основном молодёжь. Но вроде сегодня нормально отдохнул и ночью, и днём. Читаю про Купалу. Сейчас пробовал сходить на звонки, но не получилось. Отрядник запретил звонить по чужой карточке[111].

Вчера на заводе не сделал ни одного поддона. В пятницу сидели с Гуменом[112] сначала на поддонах — смотрели на Бобруйск, потом грелись в котельной. Вчера залез на стену и смотрел на Бобруйск: слева видно поле, где солома собрана в тюки, потом что-то вроде деревни или коттеджного посёлка, потом стройка, церковь и город — район бульвара Молодёжи. Видно, как подъезжает троллейбус, выходят люди. Справа — огромный жилой район. Дети по полю ездят на велосипедах — жизнь! Как больно смотреть на неё со стороны — я выключен из неё, и, если б не вера, что мне осталось совсем немного, — я не знаю, как бы вынес эту муку.

8 августа

Работаю в 1-ю смену. Сегодня пронёс при помощи доктора на промку учебник польского — теперь жизнь там приобретает смысл. Только сегодня поставили меня к станку — так что пришлось опять побегать с обрезками, но надеюсь, что это только на день. Зато дома меня ждали 2 письма — от Саши и Оксаны. Сейчас буду писать им ответы. На завтра вызвали в штаб на 9:15. Неужели уже?

9 августа

Шёл утром в штаб — было странное чувство человека, который уже перестал верить в чудеса — будет что угодно, только не свобода. Ночью стал думать: вдруг что-то с мамой?.. Да, в принципе, одна из моих версий оказалась верной: передо мной в кабинет сходил Грибков и сообщил: расписался, что документ 5 августа отправлен[113]… Вот и всё. Пришло письмо от Наташи — уехали в Астрахань через Москву — так что мама сейчас одна дома.

На работу сегодня не пошёл — был не очень хороший разговор с бригадиром. Читал весь день книги. Должна была быть отоварка — но её не было. Ещё неприятный разговор с завхозом — нужны сигареты на ремонт — отдал все свои запасы ещё с Володарки — подарок от Андрея.

В газетах, в «НВ», Владимир Орлов вспоминает про меня — в открытом письме к начальникам колоний. Вообще, никаких намёков на скорое освобождение. МВФ кредит не даёт — 6 сенаторов призвали министра финансов наложить на это вето, пока ситуация не прояснится — в том числе и с нами… Ну что ж — сижу дальше.

10 августа

День не самый лучший: с утра попал на станок — хоть и мало от меня там толку — Слава делал практически всё сам. Одно хорошо: утром была отоварка — купил телефонные карточки — сразу три, пачку чая, кофе, 3 шоколадки, сусли — всё на 100 000 р. Отдал за ремонт пачку чая 100 г — спросили, почему не 300. Но, в общем-то, нормально — даже услышал спасибо, чего, честно, не ожидал. Чтоб как-то выровнять ситуацию, дал сверху пачку «четвёрки»[114]. Вчера был очень неприятный разговор, чуть до мордобоя не дошло. Сегодня бригадир опять мутил — короче, весь день был в очень плохом настроении — плюс к этому 2 раза было с глазами[115].

После промки сходил в штаб — отдали мне письма, с предупреждением, в полдевятого ещё раз сходил: на беседу к начальнику отделения — к подполковнику — мой уровень растёт. Мне сделали замечание, что в письмах много политики, просили писать о рыбалке. Это им так Мишино письмо не понравилось — он там «лукашисты» да «ШОС» написал… Короче, это мешает воспитательному процессу. Может, решится вопрос с бандеролью. А вот про помилование мало радостного: может быть, в течение полугода. Не знаю — вечером как-то пришёл в себя — пусть бы всегда было нормальное настроение и никаких рамсов.

12 августа

Я СВОБОДЕН!!! Но обо всём по порядку. Вчера с утра назначили в наряд — на столовую. Оказалось, что часть людей идёт на овощи, а часть, как обычно, на мойку. Утром не разобрался, куда мне идти, за что был

раскритикован бригадиром в грубой форме. Естественно, после этого настроение упало — устал терпеть это хамство. Плюс ко всему поставили меня опять за станок — весь день отбегал по уши в опилках, после уборки своего станка пришлось убрать ещё и тот, за которым работал бригадир. В душе мылся под холодной. Пришёл — совсем мало времени осталось — сразу погнали за бандеролью — там реально была только одна книга. Потом ужин, построение и иду в столовую.

Было это мытьё или больше катание — сложно сказать. Как я понял, в прошлый раз наши убрали плохо, за что нам дали 3 наряда вне очереди — поэтому на уборку пошли все: бригадиры, завхоз, старшие секций, старший дневальный. Короче, 10 человек убирали, а 10 наблюдали и командовали. Работал на совесть — как в последний раз. Убирали не как обычно — один ряд, а ряда четыре с двух сторон. И на работе набегался, а здесь совсем убился.

После подходит ко мне Кирилл и говорит: «Дембельский аккорд?» — «А что такое?» — «Так по телеку сказали, что вас освобождают…» — «А как так?» (был уверен, что это шутка) Говорит, Гумен по телеку слышал… Освобождают 9 человек участников Площади… Все подходили, поздравляли… Я особо не верил, сразу подошёл к Гумену — он говорит, что слышал это сам лично.

Все были уверены, что я в числе помилованных — а я думал: ведь ещё даже неделя не прошла с того момента, как мои бумаги ушли — только 5-го их отослали, наверно, это не про меня — да и с моим везением… Не верил… Не мог уснуть ночью, потом проснулся в 3 ночи — опять лежал. Утром пошёл, как обычно, на работу — поставили за новый станок — думал, ну вот мой последний день на зоне — в какой-то момент пришла такая уверенность, но уже 9, 10… Никто не приходит…

В половине 11-го подходят Петрулевич и Дима-стоматолог: иди в режимный отдел. На всякий случай забрал кроссовки: а вдруг? Успел проститься с Гуменом, но до конца не верил, что иду домой. Уже в режимном отделе, когда на меня заполняли карточку о профучёте, стало ясно: иду домой — рядом лежали уже заполненные карточки Казакова и Грибкова. Работник написал мою улицу: Лепке [вместе Глебки]… Зашёл в отряд и выпили с А. В. чая с шоколадкой… Сижу в локалке — жду, что дальше. Одни говорят, что выпустят сегодня, другие, что могут и завтра. Надеюсь, всё решится в ближайшие часы. Я свободен, но ещё в зоне, ещё в робе и зэчках… Жду… Но это уже не три года — три часа? Даже если три дня… Сложно описать моё чувство — скорее, не верю, что буду уже сегодня дома…

13 августа

Рано я написал: я свободен — всё-таки сколько раз уже учила жизнь меня: не радуйся раньше времени, но, как я ни боюсь, ни перестраховываюсь, но всё равно всегда попадаюсь на ту же удочку — верю… Вчера, как в фильме про Дениса Кораблёва, прождал до заката и, даже отвернувшись к стене, прислушивался к шагам по секции: вдруг идут за мной… Но увы. И уснул поздно, и проснулся около четырёх, и лежал до утра…

И вот начал писать это ещё в локалке… — а продолжаю на КП-1 — побегал по зоне в штатском — в санчасть, в баню, в библиотеку[116] — вернулся в отряд за ватой — ходил по зоне в штанах и майке и забрал вещи со склада. Сергей Казаков и Артём Грибков тоже здесь…

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Форма Б

Серия ЖЗ

Под надзор

СПРАВКА № 0013590

Исправительная колония № 2
13. 08 2011 г.

Выдана гражданину(ке) Дрозду
Дмитрию Михайловичу
дата рождения 26. 3. 1973 г.
уроженцу(ке) г. Минск
гражданство Р. Беларусь
семейное положение холост
отношение к военной службе обязанный
осужденному(ой) 5.5.2011 г. судом Октябрьского р-на г. Минска по ст. 293 ч. 2 УК РБ к 3 годам л/свободы
имеющему(ей) в прошлом судимости ранее не судим

в том, что он(а) отбывал(а) наказание в местах лишения свободы
с 07. 02. 2011 г. по 13. 08 2011 г.
откуда освобожден(а) по Указу Президента РБ помилован от 11.08.11 от дальнейшего отбывания наказания

Начальник учреждения

Начальник отдела

Дрозд Д.М.

Следует к месту жительства г. Минск, ул. [redacted]
паспорт [redacted]
Выдан билет на проезд до станции
железной дороги или деньги на билет в сумме 7700 (семь тысяч семьсот) рублей
Выдано денег на питание в пути
Прочие выдачи л/с 275480,
Главный бухгалтер
Подпись освобожденного(ой)

каб. 24 Драненко
каб. 14 Рысть О.С.
УИМ Г.Б. Касенко
ОУР (415 каб.)

Послесловие

13 августа на завтраке, когда мне не выдали стакан молока, я окончательно поверил, что уже сегодня буду на свободе, — меня уже сняли с довольствия. Предстояло пробежаться по всей зоне, подписывая обходной лист, что я сделал с особым удовольствием, переодевшись в гражданскую одежду — ведь все передвижения по зоне должны осуществляться только в робе. Я оставил библиотеке все имеющиеся у меня книги. Конечно, всё, что можно, я раздал своим товарищам: два лагерных костюма, ботинки, оставшиеся продукты и даже зубную пасту и туалетную бумагу — в лагере всё представляет ценность.

Взял себе на память только лагерные трусы — думал, что будет замечательный экспонат для будущего музея репрессий. Естественно, это произведение искусства лагерного гламура я так ни разу не надел. Правда, уже дома мама забросила их в стиральную машину — и они из изящных чёрных стали блёкло-серыми. Через несколько лет, когда ИК-2 вспомнит, что я не заплатил им за эти трусы, я принёс их в суд, предложив забрать их обратно. Взял бейджик, что висел у меня на груди, забрал все письма и открытки, пришедшие ко мне за эти месяцы.

Не знаю, что чувствовали заключённые, глядя на меня, — ведь многие из них уже провели, а многим ещё предстояло провести на зоне годы, а я только промелькнул мимо их жизни, пробыв в лагере всего два месяца, из которых один — в карантине. Тем, с кем у меня были какие-то конфликты, было сложно скрывать своё неудовольствие произошедшим, другие же не выражали никаких эмоций. Хочется верить, что были и те, кто был рад за меня.

Через какое-то время начальник колонии зачитал мне, Казакову и Грибкову указ о помиловании. Пратасеня отказался подписать прошение, потом, правда, передумал, но было уже поздно — он вышел на свободу только через две недели.

Знаю, что Сергей Казаков переживал, правильно ли он поступил, подписав эту бумагу. Уже в этот же день под сообщениями в СМИ о нашем освобождении появились комментарии, а после и целые статьи — о том, что мы сломались и т. п. Не обошлось и без слухов, что мы не просто сломались, но то ли подписали бумаги о сотрудничестве, то ли изначально были агентами КГБ… Но правда была именно такая, какой я её изложил в своём дневнике.

Безусловно, я очень устал, был измотан и физически, и психологически — думаю, что мой дневник очень красочно показывает, через какие депрессии я проходил с угрожающей периодичностью, как постепенно нарастали вокруг непонятные конфликты. Я отлично понимал, что не могу подвергать себя новым испытаниям, в которых я не сомневался в случае отказа. Изматывала бессмысленно проходящая жизнь, невозможность использовать это время хоть с какой-то пользой — для исследований, для творчества, для самообразования... Вся жизнь превратилось в тупое выживание и ожидание отбоя.

Очевидно и то, что многие из нас были изначально совсем не готовы к подобным испытаниям, попав в совершенно чуждую среду, где всем управляла грубая сила, жестокость, хамство… — а мы были слабаками, интеллигентами, «ботаниками». Кто-то сломался в первые же часы после ареста и выступил с заготовленным текстом по БТ, кто-то прошёл и суды, и тюрьму, многие подвергались запугиванию, издевательствам, пыткам и если и написали прошение о помиловании, то не навредили этим никому. И лично для меня то, как держались многие, стало настоящим открытием. Мы сделали всё, что смогли, пускай другие сделают больше!

Пока ж вернёмся ещё на несколько часов в Бобруйск. Сначала мы ждали, пока нам зачитают указ, потом ждали, пока приедет машина. Мы сидели в отстойнике на КП-1 — и Артём предложил прочитать свой стих. Я, как человек, который всю свою сознательную жизнь занимался не только написанием стихов, но и литературной критикой, изначально отнёсся к этому предложению со скепсисом. Но Артём при всей его простоватой внешности реально удивил меня. Его стих, написанный на белорусском языке, был очень хорошим, сильным. Тогда у меня ещё раз появилась возможность по-новому посмотреть на «погромщиков и отморозков»: нас всего трое в камере — и среди нас два поэта и один музыкант…

Потом приехала машина, и три майора вывели нас из зоны на проходную, где мы заполнили какие-то бумаги и получили справки об освобождении и деньги. Они же отвезли нас на вокзал Бобруйска, где купили нам билеты и сопроводили в вагон.

Поезд следовал из Симферополя, и, наверно, трое бывших зэков, попавших в окружение этих счастливых загорелых людей, выглядели не очень гармонично. Но, очевидно, мы были во много раз счастливее их и, как безумные, смотрели в окна. На имеющиеся у нас деньги

удалось купить пачку чипсов и по бутылке пива — продукты, которых мы не видели более полугода. Впрочем, захмелеть было немудрено и без алкоголя. СВОБОДА!!!

Встреча на минском вокзале.

В Минске совершенно неожиданно нас встречали, как космонавтов. Ехавшие с нами люди, с опаской поглядывавшие на нас во время поездки, посмотрели на нас с ещё большим страхом: кто эти зэки, которых встречают с таким торжеством? А на вокзале ждали человек тридцать: Максим Винярский, Саша Абрамчик, Катя Ерусалимская, Миша Ермалюк, Оксана Версоцкая, Анатолий Лебедько, Оля Бондаренко, Алексей Тёплый, Андрей Молчан, Света Виноградова и многие другие. Был там и вышедший на свободу в этот же день Василий Парфенков. Было много журналистов. Запомнилось, что Артём Грибков тогда словно растворился — похоже, что ему всё это внимание было тягостно. До сих пор не могу без содрогания смотреть на одно из моих фото, сделанное в эти минуты: я выгляжу на нём истощённым 50-летним человеком с вздувшимися на висках венами...

Но мы были счастливы. Мы пили шампанское прямо на вокзале, и никто не мог нам помешать.

Лучшим показателем того, были ли мы сломлены духом, стала дальнейшая жизнь. Практически никто из нас не перестал заниматься «политикой», мы были на всех мероприятиях (День Воли, Чернобыльский шлях, Народный сход…), заклеивали город листовками, устраивали фейерверки под стенами тюрем и зон, где сидели наши товарищи, писали статьи и книги. За эти годы у меня вышли три книги, среди которых моя главная книга — книга жизни — книга поэзии «Заречье. Веды воды» с моими лучшими стихами и фотографиями, а также сотня статей, сделаны десятки архивных открытий по истории Володарки и жизни белорусского классика Викентия Дунина-Марцинкевича, сидевшего в замке почти за 180 лет до меня. Почти десяток книг сейчас находятся в разработке. Я посетил несколько стран, учился в Варшавском университете, работал в архиве AGAD… Жил полной, насыщенной и полезной для Беларуси жизнью.

В Национальном историческом архиве Беларуси я встретил девушку — Викторию Павлючук, которая 10 октября 2014 стала моей женой и родила мне 25 февраля 2015 года сына Павла Дрозда. И каждый, кто прочёл мой дневник, поймёт, что я уже не верил, что когда-то случится это чудо.

14 марта 2012 года вышли на свободу Андрей Санников и Дмитрий Бондаренко. Однако уже 22 апреля Лукашенко пригрозил вернуть их в тюрьму. После этого они, а позже и пресс-секретарь «Европейской Беларуси» Александр Отрощенков вынуждены были уехать из Беларуси. В Европе вышла в свет книга Санникова «Моя история. Белорусская «Американка», или Выборы при диктатуре», в которой есть несколько слов и обо мне. К сожалению, до сих пор первые лица «Европейской Беларуси» и «Хартии-97» не могут вернуться на Родину.

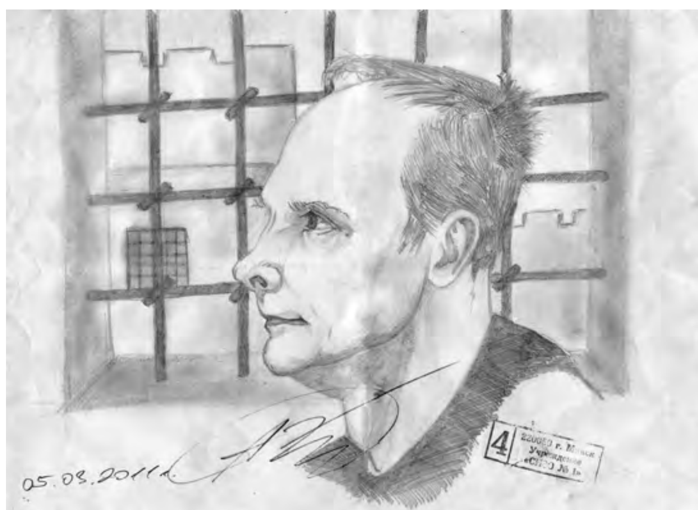
22 августа 2015 года был освобождён Николай Статкевич, а 26 декабря 2016-го был приговорён к полутора годам ограничения свободы без направления в исправительное учреждение и принудительному лечению от «психиатрического заболевания» Владимир Кондрусь. Можно говорить, что «выборы»-2010 для нас закончились. Хотя и сейчас, через 6 лет, Площадь остаётся предметом споров и противоположных оценок: от спланированной провокации спецслужб до одного из главных подвигов белорусского народа в борьбе против диктатуры, за вечное наше право «людьми зваться».

Что же касается выводов, которые я сделал после нашего «бунта ботаников» — это в первую очередь то, что, чтоб завоевать власть в нашей ситуации, нужно больше всего в жизни любить именно власть, стремиться к ней и быть готовым пойти по трупам — трупам врагов и трупам соратников. А любить власть настолько сильно не способен ни один умный и совестливый человек — ни один «ботаник» — он живёт иными ценностями.

Нам остаётся только делать то, что мы умеем: работать, творить, исследовать… Делать всё то, что меняет человека, — насколько это вообще возможно. Менять отношение людей к этому режиму. Воспитывать жажду свободы и неприятие никаких тоталитарных форм правления. Не давать свести в людях любовь к Беларуси как к суверенному европейскому государству до уровня личной преданности человеку, пусть так надолго, но всё-таки временно захватившему и удерживающему власть. Зарождать готовность и смелость отстаивать свои права и осознавать себя не «русскими со знаком качества», а белорусами — европейским народом со своей неповторимой тысячелетней историей. Пытаться уберечь нашу Родину от войны или аннексии — ещё так недавно, казалось бы, невозможных в современном мире. Но, как до-

казала наша восточная соседка: пока у власти находятся поклонники империалистических, шовинистских, сталинистских, нацистских и прочих человеконенавистнических идей, мы ни от чего не застрахованы. Работать, подниматься на новые высоты, зарабатывая вес в нашем и мировом обществе, науке, искусстве... Стремиться максимально реализовать свой личный потенциал, веря, что именно от этого, в конце концов, зависит реализация не только смысла существования нашей Беларуси, но и всего человечества.

Во многом в этом мне помогает то, что 19 декабря я преодолел страх и вышел на Площадь...

Малюнак Арцёма Чарнушэвіча.

Каментары

[1] Акрэсціна — гэта комплекс ГУУС Мінгарвыканкама з некалькіх будынкаў па адрасе 1-ы завулак Акрэсціна, 36, які выконвае функцыю месцаў пазбаўлення волі — цэнтр ізаляцыі правапарушальнікаў (ЦІП — для «сутачнікаў», адно з найпапулярнейшых месцаў зняволення беларускіх грамадскіх актывістаў) і ізалятар часовага ўтрымання (ІЧУ — для падазраваных ва ўчыненні крымінальных злачынстваў, каму яшчэ не прад'яўлена абвінавачванне).

[2] Аўтазак — аўтамабіль для транспарціроўкі зняволеных. У сучаснай Беларусі эксплуатуюцца некалькі відаў падобнага транспарту. Ці не самы папулярны, які стаў адным з сімвалаў сучаснай Беларусі, — гэта зусім не аўтазак, а машына спецыяльнага прызначэння МАЗ-Купава 573150. Яна якраз-такі, наадварот, прызначана для перавозкі міліцыі, але і ў 2006, і ў 2010 гадах, а таксама фактычна на любой акцыі пры разгоне пратэстуючых гэтыя машыны выкарыстоўваліся і выкарыстоўваюцца для транспарціроўкі затрыманых. 19 снежня 2010 года людзей заганялі менавіта ў гэтыя металічныя «скрынкі». Для дастаўкі арыштаваных у суд і назад часцей выкарыстоўваюць класічныя аўтазакі, дзе ўнутранае памяшканне фургона падзелена на розныя адсекі.

[3] Усяго ў гэты дзень было затрымана толькі па дадзеных, агучаных самім Лукашэнкам, 639 чалавек.

[4] Сустрэча з дзяўчатамі з філфака БДУ стала асноваю для артыкула «Дзве Беларусі».

[5] Турма № 8 — адна з самых строгіх у Беларусі, бо толькі ў ёй утрымліваюцца асуджаныя да пажыццёвага зняволення. «Советская Белоруссия» ад 31.05.2008: *У Жодзіне адбываюць пакаранне асуджаныя на пажыццёвае зняволенне: 134 «ПЗ» — забойцы і гвалтаўнікі, чыя свабода з гэтага часу і назаўсёды абмежавана перыметрам участка «асобага рэжыму», куды нават супрацоўнікам турмы ўваход дазволены толькі па спецпропусках. Ад навакольнага свету «зона» адгароджана двайной лініяй аховы, абсталяванай мудрагелістай загародай — «егозой». Уцёкі з гэтай замкнёнай прасторы — марная задума. Архітэктура турэмнага будынка даволі спецыфічная: большасць руху па рэжымнай частцы — па падземных бетонных тунэлях, апяразаных правадамі трывожнай сігналізацыі. Уладкаваны гэтыя пераходы па прынцыпе падводнай лодкі: адсекі падзяляюць жалезныя дзверы-шлюзы. За апошнімі — тэрыторыя «пажыццёвікаў».*

[6] Апісаныя вышэй калідоры з дротам-сігналізацыяй, працягнутай уздоўж сцяны.

[7] Рыгор Кастусёў — кандыдат у прэзідэнты. Пасля 19 снежня 2010 года былі затрыманыя (некаторыя збітыя) усе сем альтэрнатыўных Лукашэнку кандыдатаў, акрамя Цярэшчанкі і Раманчука — апошні выступіў па БТ з асуджэннем пратэстаў і абвінавачваннем у арганізацыі «пагромаў» Саннікава і Статкевіча.

[8] Падрабязна пра сваё жыццё ў Жодзіне Андрэй Кастусёў распавёў у артыкуле «Зміцер Дрозд: Я намі ганаруся!».

[9] У гэтыя дні актывістамі грамадскай кампаніі «Анёл-ахоўнік» была даволі хутка арганізавана дастаўка перадач, і да зняволеных раптам пачалі прыходзіць перадачы

ад невядомых сёстраў і іншых сваякоў. Дадзеныя браліся з апублікаваных крыніц. У гэтых спісах было шмат памылак. Напрыклад, Дрозд Дзмітрый Міхайлавіч у іх адсутнічаў — быў Дрозд Дзмітрый Аляксандравіч, таму я атрымліваў перадачы толькі ад сяброў. У тыя дні па правілах «сутачнікаў» дазвалялася атрымаць адну перадачу ў дзень з пэўным складам рэчаў і прадуктаў. З нейкага моманту мы сталі атрымліваць па некалькі перадач на дзень з практычна стандартным наборам: туалетная папера, вада, зубная паста, цыгарэты, кніга Аляксандра Тамковіча «Будзіцелі», з якой я ўпершыню даведаўся прозвішчы многіх беларускіх апазіцыянераў (натуральна, тады я і падумаць не мог, што некалі сам стану адным з герояў кніг гэтага аўтара).

10 У перадачы з дому была кніга майго любімага ўкраінскага паэта Аляксандра Кабанава.

11 29 снежня, адбыўшы 10 сутак, я выйшаў на волю. Наступныя старонкі дзённіка апавядаюць пра затрыманне і суд у рамках крымінальнай справы па артыкуле 293 — удзел у масавых беспарадках.

12 На вуліцы Сапёраў, 7, знаходзіцца ўпраўленне Следчага камітэта па г. Мінску.

13 З самага пачатку я заняў пазіцыю ўсё адмаўляць, што, у рэшце рэшт, істотна абмежавала мае зносіны са следчымі. Мне было прад'яўлена тры відэаролікі: два — дзе я наношу ўдары па дошцы і адзін, зняты міліцэйскім аператарам Шылко, — дзе я «наношу два ўдары яму па руках». На гэтым відэа бачна, як ён праходзіць уздоўж шэрагу пратэстуючых, многія з якіх спрабуюць яму перашкодзіць. Пасля сустрэчы са мной ён пайшоў у тым жа тэмпе далей, відавочна не атрымаўшы ніякіх сур'ёзных траўмаў і нават болевых адчуванняў. Праз некалькі крокаў практычна такі ж прыём аператару аказаў Анатоль Лябедзька — на што следчы адрэагаваў: «Вось і Лябедзька таксама».

Ён таксама быў затрыманы па гэтай справе, аднак пасля ў яго дзеяннях, у адрозненне ад маіх, не было выяўлена складу злачынства. Абодва ролікі з трыма маімі ўдарамі па «ахоўных збудаваннях», па-першае, яўна паказвалі, што ўсе ўдары наносіліся па нейкай дошцы, якая ані не пацярпела ад іх. І, па-другое, што абодва гэтыя ролікі былі зняты з двух розных пунктаў і паказвалі адзін і той жа момант: за некалькі секунд да пачатку міліцэйскай атакі. Так што на іх няма ніякіх трох удараў, прыпісваемых мне, а толькі два. На гэтых кадрах было добра відаць, як спецназавец наносіць мне дубінкай удар па галаве, і я адбягаю ад дзвярэй — г. зн. гэта былі самыя апошнія секунды «штурму» Дома ўрада. Што якраз і пацвярджала мае словы на судзе, што да дзвярэй я падышоў апошні, калі ўжо выбягаў спецназ і ўсё было зразумела, а да гэтага я рабіў усё, каб стрымаць гэтыя дзеянні, скандуючы разам з усімі: «Правакацыя!»

14 Віталь Рымашэўскі — кандыдат у прэзідэнты на выбарах 2010 года.

15 Абязьяннік — памяшканне ў аддзяленні міліцыі для часовага ўтрымання затрыманых, як правіла, не абсталяванае нічым, акрамя лаўкі. Нават каб выйсці ў прыбіральню, трэба стукаць у дзверы і прасіць дзяжурнага міліцыянта. Зімой шматлікія «асобы без пэўнага месца жыхарства» аддаюць перавагу варыянту правесці ноч у абязьянніку, чым на вуліцы. Будынак Цэнтральнага РАУС пабудаваны адносна нядаўна, так што там далёка не самыя горшыя ўмовы.

16 Мінскі турэмны замак — адзін з найстарэйшых будынкаў Мінска, які не толькі захаваўся да нашых дзён, але і ўсю сваю гісторыю выконваў адну функцыю. Будаўніцтва замка пачалося ў 1821 годзе — г. зн. не за гарамі 200-годдзе гэтай турмы. Падрад на будаўніцтва атрымаў памешчык Рудольф Пішчала, ад прозвішча яко-

га ўтварылася адна з неафіцыйных назваў — Пішчалаўскі замак. Зараз больш папулярная назва па вуліцы, на якой стаіць СІЗА-1 (следчы ізалятар — г. зн. месца, дзе ў пераважнай большасці знаходзяцца людзі, яшчэ не асуджаныя, а толькі падследныя, абвінавачаныя, падсудныя, а таксама якія ўжо чакаюць пасля прысуду адпраўлення на зону або прывезеныя адтуль для перагляду справы або новых судоў), — вуліцы Валадарскага — Валадарка. Менавіта ў сценах гэтага будынка я даў сабе зарок заняцца вывучэннем гісторыі замка і планую ў бліжэйшыя гады выпусціць некалькі кніг з серыі «Гісторыя Мінскага турэмнага замка». У інтэрнэце на розных сайтах ужо выкладзены асобныя раздзелы з будучых кніг. Цяпер сам старадаўні замак, які знаходзіцца ў аварыйным стане і па ўсім перыметры змацаваны металічнымі сцяжкамі (што вельмі нялішне пасля таго, як адна з чатырох яго вежаў развалілася), практычна не выкарыстоўваецца: зняволеныя знаходзяцца ў новых прыбудовах. У падвальным паверсе размешчаны розныя дапаможныя памяшканні: склады бялізны, рэчаў і іншае. Там жа, па словах арыштантаў, знаходзіцца і расстрэльны пакой.

17 Напэўна, адзін з самых зневажальных і ў той жа час абавязковых турэмных рытуалаў — прысяданне. Калі цалкам распрануты арыштант, часта на вачах даволі вялікай колькасці людзей, праходзіць праверку: ці не схаваў ён штосьці ў самім сабе, — пры гэтым правяраюць рот і вушы, а таксама прымушаюць зняволенага некалькі разоў прысесці.

18 На Акрэсціна і ў Жодзіне пасля адбою ўключаюць начное асвятленне — цьмяную лямпачку. У камерах жа Валадаркі вельмі яркая лямпа (у нашай камеры гэта была новая энергазберагальная лямпа ў форме спіралі магутнасцю не менш за 100 ват) гарыць дзень і ноч. За ўвесь час майго знаходжання яна гасла толькі некаль-

кі разоў: калі перагарала або калі ў турме адключалася электрычнасць (часцей выбівала пробкі — бо зняволеныя вынаходзяць і канструююць з таго, што пад рукой, разнастайныя электрапрыборы для нагрэву вады і нават смажання). Калі на нарах на першых паверхах яе святло не так раздражняе, то тыя, хто спіць на трэцім паверсе — на так званай пальме, — жывуць практычна ў некалькіх метрах ад яе. Але і на першым і другім паверхах многія спяць або зрабіўшы штучныя шторкі з газет ці прасцін (хоць гэта забаронена, і ахоўнікі ўвесь час лаюць за падобнае), павесіўшы іх на вяроўках, што нельга зрабіць на пальме, або нацягваючы шапку на вочы.

19 Звычайная працэдура ўзяцця адбіткаў пальцаў.

20 Паколькі я сцвярджаў, што чалавек на відэа — гэта не я, то мне абяцалі правесці судова-партрэтную экспертызу, якая дазваляе ўстанавіць тоеснасць намаляванага на фота ці відэа чалавека і падазраванага. Зрэшты, гэтую экспертызу так і не прызначылі, мабыць, палічыўшы, што і так усё даказана, — хоць на відэа каля дзвярэй я быў зняты адзін раз наогул са спіны, а другі раз збоку. Тоеснасць устанаўлівалі на вока, арыентуючыся на павязаны на шыі сцяг Еўрапейскага саюза і падабенства адзення.

21 Наогул, для чалавека, які яшчэ не сядзеў, турэмны свет уяўляецца па нейкім наборы адрывістых звестак з апавяданняў, фільмаў, кніг і нават блатных песень. Штосьці аказваецца праўдай, нешта ўжо састарэла, з чымсьці адказныя за выпраўленне асобы вядуць барацьбу, а на нешта, падобна, махнулі рукой. Так што нешта робіцца па здароваму сэнсу і закону, нешта па паняццях, і адразу даволі складана зарыентавацца, каб што-небудзь не парушыць (нейкія падыходы могуць адрозніваცца нават у суседніх камерах, гледзячы па тым, хто ў хаце «смотрящий»). У нашай камеры

правілы былі нескладаныя, зводзіліся да простага закону: «Жыві сам і дай жыць іншым» — г. зн. ствараць як мага менш праблем для навакольных. Тут не было нічога амаль першабытнага, з чым давялося сутыкнуцца пасля на зоне. Усе правілы былі прадыктаваныя неабходнасцю суіснавання на абмежаванай прасторы вялікай колькасці людзей: агульны стол, дзяжурства, правілы курэння, знаходжанне ўнізе толькі ў сваю змену і іншае.

22 Паколькі падазраваныя і абвінавачаныя, якія праходзяць па адной справе, не могуць знаходзіцца ў адной камеры, каб не дамовіцца аб выгадных для сябе паказаннях, адміністрацыя СІЗА-1 магла сутыкнуцца з некаторымі складанасцямі: трэба было размеркаваць каля 50 палітычных зняволеных па розных камерах. На шчасце для іх, большая частка арыштантаў, якія праходзяць па нашай справе, знаходзілася ў СІЗА КДБ. Такім чынам, усіх нас атрымалася размеркаваць па камерах так, каб мы практычна нідзе не перасякаліся. Але падобныя перасячэнні ўсё роўна часам былі. Напрыклад, калі адна група ідзе на шпацыр або ў лазню, а другая вяртаецца. Так, я ведаў, што ў суседняй камеры знаходзіцца Алег Федаркевіч. Пра астатніх жа я даведаўся трохі пазней. Асаблівай неабходнасці мець зносіны з кім-небудзь з нашых у мяне не было: я рэальна нікога з іх не ведаў, і ніякай неабходнасці нейкім чынам узгадняць нашы сведчанні ў нас не было. Але ў нашай камеры быў выпадак, калі на нейкі час да нас трапілі два змоўшчыкі, якія паспелі пра штосьці патрэбнае перагаварыць. Падобнае скрыжаванне ў выпадку, калі адзін здаў іншага, магло скончыцца якім заўгодна сумным вынікам.

23 Прыбіральня (на блатным жаргоне «дальняк») — адна з самых праблемных зон у камеры. Ад асноўнай прасторы яна была адгароджана бетоннай сцяной вышы-

нёй каля паўтара метра — «бранёй». Акрамя ўнітаза ў санвузле быў і рукамыйнік. Па правілах, у прыбіральні дзверы не дазваляюцца, што стварае нязручнасці для ўсіх, таму адміністрацыя з разуменнем ставілася да таго, што ўнітаз быў завешаны шторай (наогул, адзін з галоўных прынцыпаў турэмнага жыцця — зняволеныя павінны быць увесь час на вачах у ахоўнікаў, па гэтай прычыне забараняюцца ўсе фіранкі і іншае, што не дазваляе кантраляваць арыштанта дзень і ноч). Нейкіх рэпрэсій з патрабаваннем прыбраць гэтую штору я не ўзгадаю. Правіла карыстання было простым: калі хтосьці заходзіў — захінаў за сабой штору, калі нікога няма — «дзверы» былі адкрытыя. Змыў ва ўнітазе ажыццяўляўся з дапамогай крана, які адкрывалі перад кожным выкарыстаннем, што давала магчымасць хоць неяк зменшыць канцэнтрацыю непрыемных пахаў у камеры. Праўда, зусім не памяншала гукавога суправаджэння, што часта выклікала выбух смеху ва ўсёй камеры, хоць, вядома, чалавек да ўсяго прывыкае і нават на падобнае часцей ніхто не звяртаў увагі. Прыбіральня, па сутнасці, адзінае месца, дзе хоць на нейкі час можна было хоць і даволі адносна, але застацца аднаму. Дзяжурны па камеры мыў і рукамыйнік, і ўнітаз, што было цалкам нармальным, у адрозненне ад правіл зоны, дзе падобнае недапушчальна.

24 Агульны стол — гэта форма турэмнай кааперацыі, калі практычна ўсе перадачы паступаюць у агульнае карыстанне. Сабе зняволены пакідае толькі нейкія дробязі, накшталт цукерак. Падобная форма вельмі выгадная разнастайным булдосам, якія ўвогуле не атрымліваюць перадачы, але па існуючых правілах карыстаюцца такімі ж правамі, як і ўсе іншыя. У нашай камеры было некалькі эканамічных, ці, як іх яшчэ называлі, комерсаў, так што ўзровень харчавання быў вельмі

высокім, часам на стале была і чырвоная рыба, і чырвоная ікра, а «халадзільнік» ламаўся ад каўбас, сала і іншага. Выбар формы харчавання — справа добраахвотная, але ў нашай камеры за ўвесь час, пакуль я там быў, ніхто не харчаваўся індывідуальна.

25 На Валадарцы трохразовае харчаванне. Меню паўтараецца па пэўных днях тыдня з невялікімі варыяцыямі. Самай частай стравай былі кашы: аўсяная, сечка, гарохава-ячневая жудаснага карычнева-зялёнага колеру. Самай незапатрабаванай стравай быў бігус — вараная капуста. Ён быў настолькі непапулярным, што баландёры загадзя пыталіся, прывозіць яго ці не. Часта ўся камера адмаўлялася, бралі яго толькі што заехаўшыя булдосы, пакуль не ад'ядаліся на нашых харчах. Бліжэй да лета з'явілася і вараная бульба, як правіла, пераваранная — амаль пюрэ, толькі вельмі вадкае. Часам да ежы давалі «вітамінізуючыя дабаўкі» ў выглядзе салёнайількі або салакі, салёнага агурка. Часам на камеру давалі талерку варанай рыбы — не суцэльнай, а ў выглядзе паштэту, перамешанага з косткамі. Ці, хутчэй, там было больш костак, як той рыбы. Зрэдку хто-небудзь ляніва, хутчэй ад няма чаго рабіць, калупаўся ў гэтым, спрабуючы выбраць ядомае. Раз на тыдзень давалі варанае яйка. З супоў: бульбяны, боршч, капусту (з незапатрабаванага ці вернутага бігусу). Запівалі кіслотна-ружовым кісялём, пра які казалі, што ў яго дадаюць сродкі, што зніжаюць сэксуальную актыўнасць, — «чароўны бром». Магчыма, што і так. Пах ежы і звон алюмініевага посуду было чуваць задоўга да адкрыцця нашай кармушкі. Арыштанты па чарзе падыходзілі па ежу. Хто паспяваў, сядаў за стол, астатнія спрабавалі есці, седзячы на нарах. Шлёмкі і вёслы (талеркі і лыжкі) выдаваліся пад лік, і з гэтым было вельмі строга — на зваротным шляху баландёры ўсё гэта забіралі. Зэчка

(кубак) выдавалася пры паступленні ў турму і здавалася пры выездзе. Былі яны ўсе аднолькавыя, таму кожны стараўся неяк адзначыць свой посуд. Праўда, часцей для гарбаты, кавы ці заварвання локшыны хуткага прыгатавання выкарыстоўвалі пластыкавыя кантэйнеры ад той жа локшыны. Чай заварваўся пры дапамозе кіпяцільніка. Было і невялікае таварыства аматараў чыфіру, хоць трэба прызнаць, што пілі яго далёка не ўсе. Мне за ўвесь тэрмін давялося разы тры прыгубіць гэтага пойла, калі адмовіцца было немагчыма, каб не абразіць таго, хто частаваў.

26 З-за перапоўненасці камеры даводзіцца выкарыстоўваць нары ў дзве змены. У нашай камеры ўсе першыя паверхі і некалькі нараў другога яруса займаліся нашымі «аўтарытэтамі» — часцей людзьмі, якія найдаўней (некаторыя ўжо больш за год) жывуць тут. Злева ад увахода на далёкай ад дзвярэй і бліжэйшай да акна шконцы спаў старэйшы па камеры — «смотрящий» — Андрэй, на бліжэйшай да дзвярэй — Міхалыч, над Андрэем — Арцём, справа — на другім паверсе на бліжэйшай да акна — Паша. Усе чацвёра сядзелі па эканамічных ці блізкіх да іх артыкулах, следства і суды ў іх доўжыліся гадамі, і на сваіх месцах яны былі і да майго прыходу ў камеру, там жа яны засталіся і пасля майго пераводу на зону. Нары запаўняліся па простым прынцыпе: новапрыбылыя займалі месцы на пальме, дзе практычна заўсёды людзі жылі ў дзве змены — і адразу траплялі ў начную змену, — г. зн. усё іх жыццё праходзіла ноччу. З-за перапоўненасці «начнікі» і «дзённікі» павінны былі строга прытрымлівацца правіла: спускацца на зямлю толькі ў выпадках крайняй неабходнасці — у прыбіральню, для прыёму ежы, на пастраенне і іншае. Спробы проста так пажыць не ў сваю змену жорстка перарываліся Андрэем. Па меры вызвалення ніжніх нараў, што

часам здаралася, арыштанты, якія найбольш доўга жывуць, пераязджалі ніжэй, дзе бывала, шанцавала нейкі час жыць і аднаму. Але паколькі перапоўненасць камеры часам дасягала 8 чалавек, то і другі паверх даволі часта быў практычна заняты. Выключэнне ў размяшчэнні складалі найбольш аўтарытэтныя ці тыя, якія ўжо жылі ў камеры, людзі — іх «смотрящий» па камеры імкнуўся па магчымасці размясціць ніжэй, на індывідуальнай шконцы. Тое, што Андрэй адразу размясціў мяне на другім паверсе і ў дзённую змену, было відавочнай праявай яго сімпатыі да нашага выхаду на Плошчу.

27 Усе сустрэчы з адвакатамі або следчымі праходзілі ў спецыяльных кабінетах, размешчаных на нашым паверсе (магчыма, што і на іншых паверхах таксама). Сам будынак спланаваны такім чынам, што памяшканні ў ім ідуць у тры шэрагі: два бакавыя — з вокнамі, а сярэдні шэраг, абмежаваны двума калідорамі («прадол») з двух бакоў, — кабінеты без вокнаў, дзе найчасцей і адбываліся ўсе візіты. Тых, каму мелася быць сустрэча, выклікаў прадольны(-ая) (ахоўнік, які дзяжурыць у калідоры) «з паперамі» — праз нейкі час дзверы адчыняліся і выкліканага выводзілі з камеры. Пакуль дзверы зачыняюць на ўсе замкі, зняволены павінен стаяць тварам да сцяны. Усе перасоўванні арыштантаў ажыццяўляюцца з рукамі за спінай. Калі госць яшчэ не дайшоў да кабінета, то зняволенага маглі змясціць на нейкі час у стакан.

28 Неверагодным падарункам лёсу было тое, што ў камеры быў тэлевізар. Як я зразумеў, яго перадалі родныя Андрэя. Уключаць яго можна было толькі па пэўных гадзінах (часам цікавыя перадачы ішлі пасля адбою, асабліва гэта тычылася спартыўных трансляцый, — і тады даводзілася парушаць рэжым), але гэтыя прагляды, безумоўна, істотна паскаралі ход турэмнага часу.

Галоўнай праблемай была антэна, якую рабілі з дроту, і часта, каб злавіць патрэбны канал, Уладзік поўзаў па камеры, пакуль выява не станавілася больш-менш прымальнай.

29 За некалькі дзён даператрусу мае сябры забралі з майго дома ўсю тэхніку, дастаўшы і вінчэстар з камп'ютара — у такім выглядзе камп'ютар і забралі на экспертызу! Ніякай сакрэтнай інфармацыі, натуральна, на ім не было, але сам факт, што хтосьці будзе вывучаць змесціва майго камп'ютара, не вельмі прыемны. Хоць задоўга да арышту, ведаючы, што ён можа адбыцца ў любы момант, я максімальна пачысціў яго ад усяго, што следчыя маглі б выкарыстаць супраць мяне. А, як паказаў вопыт, яны імкнуліся прыцягнуць за вушы любую інфармацыю або рэч. Так, у сацыяльных сетках была знойдзена фатаграфія, дзе я ў час перадвыбарчай кампаніі сфатаграфаваўся з Анатолем Лябедзькам — лідарам Аб'яднанай грамадзянскай партыі. Напэўна, такім чынам следчыя спрабавалі даказаць, што ўсе мы дзейнічалі па змове (бо на паказаным мне відэа мы стаялі практычна побач і абодва «наносілі ўдары» міліцэйскаму апаратару), што ўсё ж такі ў іх так і не атрымалася. Бо практычна нікога са сваіх «змоўшчыкаў», якія засвяціліся каля дзвярэй Дома ўрада, я раней не ведаў. Калі прыйшлі зператрусам, доўга не маглі знайсці панятых. Мая мама ледзь не страціла прытомнасць, і сястра амаль увесь час, пакуль сышчыкі пераварочвалі мой пакой (пакой сястры не чапалі), спрабавала прывесці яе ў сябе. Следчыя залезлі ў кожную кнігу, вывернулі шафу, перагледзелі ўсе дробязі — карацей, выканалі сваю працу па-міліцэйску добрасумленна і з веданнем справы. Пры ператрусе былі канфіскаваныя: мае камп'ютар і нэтбук, фотаапарат, «кніга пад рэдакцыяй Змітра Дразда "Землеўладальнікі Мінскай

губерні”, агітацыйныя буклеты з выявай Андрэя Саннікава 356 штук, улётка з запрашэннем на сустрэчу з Саннікавым 11 штук, шапка вязаць колеру хакі, агітацыйныя плакаты за Саннікава 7 штук, сшытак паўагульны 48 аркушаў, нож з чырвонай дзяржальняй і чахол чорнага колеру, агітацыйная ўлётка за Саннікава 1 шт.». Галоўным «поспехам» стала пустая кардонная скрынка ад мегафона «Орало». Акрамя таго: адзін дыск DVD (хоць у хаце іх было каля сотні) — чаму выбар упаў менавіта на яго, для мяне загадка — на ім не было ніякіх прывабных для сышчыкаў надпісаў накшталт «План захопу Дома ўрада» і да т. п. Мае асцярогі пры напісанні першага сшытка дзённіка пацвердзіліся, бо пры ператрусе быў канфіскаваны менавіта дзённік. Мяркуючы па пратаколе агляду прадметаў, яго ўважліва вывучылі, праўда, больш часу пайшло на апісанне яго знешніх характарыстык: «Сшытак агульны аб’ёмам 48 аркушаў у клетку ў вокладцы карычневага колеру МАУП “Барысаўская ўзбуйненая друкарня імя 1 Траўня”. У сшытку змяшчаецца рукапісны тэкст, выкананы фарбавальнікам сіняга колеру на некалькіх старонках. Тэкст змяшчае інфармацыю аб затрыманні і ўтрымліванні на вул. Акрэсціна 20.12.2010 і 25.12.2010 года, аўтар не пазначаны». Акрамя таго, нейкую крамолу шукалі ў маёй кнізе пра землеўладальнікаў — магчыма, заклікі вярнуць зямлю ранейшым уладальнікам. Хоць на DVD былі знойдзены файлы, якія не маюць ніякага дачынення да справы (гэта былі сканаваныя дакументы з гістарычнага архіва), а касету «Panasonic» адкрыць не ўдалося з-за «адсутнасці неабходнай тэхнікі» (і не дзіўна, — бо гэта была кассета, якая чысціць (!)), а таксама фотаапарат без карты памяці (!) — усе былі прызнаныя рэчавымі доказамі! Менавіта так: дыск са сканамі, кассета, якая чысціць, і фоцік без карты па-

мяці!!! Падобна, што следчым трэба было хоць неяк апраўдацьператрус. А вось кніга «Землеўладальнікі» такім не была прызнаная — хоць, паводле Крымінальнага кодэксу, следчыя павінны добрасумленна шукаць доказы як вінаватасці, так і невінаватасці падазраванага. І такая кніга магла б стаць важкім аргументам у складанні пра мяне станоўчага ўражання, што, вядома, не адпавядала ўжо зададзенаму зверху вобразу «адмарозка». Асноўнымі ж рэчдоказамі сталі, вядома, афіцыйна выдадзеныя (!) агітацыйныя матэрыялы, якія мы цалкам легальна тысячамі раздавалі на вуліцах Мінска. І, вядома ж, скрынка ад мегафона! О, гэта, напэўна, была асноўная знаходка сышчыкаў — бо на відэа я наношу ўдары па дошцы менавіта мегафонам. І хай знойдзеная была скрынка ад маленькага пластмасавага «Арала», а на відэа вялікі металічны мегафон — гэтая пустая скрынка стала рэчдокам! І, незразумела чаму, была канфіскавана шапка колеру хакі — хоць на відэа з Плошчы падазраваны быў у цёмна-сіняй шапцы і канфіскаваная шапка якраз павінна б была даказваць маю невінаватасць — бо менавіта ў ёй я і быў затрыманы прама каля Дома ўрада, што зафіксавана на відэа з Акрэсціна.

30 Лазня з’яўляецца адной з нямногіх радасцяў, даступных у турме. Вядома, «лазня» — гэта, хутчэй, традыцыйная назва, а на самай справе гэта, вядома ж, звычайны душ. У падвальным паверсе знаходзяцца некалькі душавых рознага памеру — звычайна колькасць душаў была меншая за колькасць зняволеных, таму даводзілася чакаць сваёй чаргі. Памыўка заўсёды ўносіла ў турэмнае жыццё некаторае ажыўленне і, вядома ж, традыцыйныя жарты пра мыла, што ўпала на падлогу. Натуральна, падчас падобных паходаў арыштанты мелі магчымасць не толькі самі памыцца, але і памыць сваю вопратку. Таму ў лазневы

дзень праз усю камеру працягваліся вяроўкі, на якіх сушыліся рэчы. Знайсці свабоднае месца часта было немагчыма. Падчас паходу ў лазню праводзілася і змена пасцельнай бялізны.

31 Паход на вуліцу — яшчэ адна з нешматлікіх радасцяў. Як правіла, прагулка праводзілася раз у дзень (часам па незразумелых прычынах яе не было) да або пасля абеду. Калі яна будзе, вырашалі ахоўнікі, і перад праветрываннем яны праходзілі па калідоры, стукалі ў дзверы і крычалі: «Прагулка!» Паход на вуліцу — справа добраахвотная, і кожны вырашаў сам, ісці ці не ісці. Галоўнай праблемай было тое, што існуючыя на Валадарцы панадворкі ўсе рознага памеру, ад даволі прасторных да маленькіх, памерам з грузавы ліфт. Трапіць у такі дворык азначала выракчы сябе на дадатковую гадзіну паглынання дыму, бо, натуральна, амаль усе, хто выходзіў на паветра, курылі. Часам даводзілася стаяць плячо да пляча. Але былі і нармальныя прагулкі, калі можна было нават прайсціся — праўда, гэта была чаўночная хада даўжынёй у некалькі крокаў. У такім выпадку ўсе імкнуліся зрабіць пару практыкаванняў — памахаць рукамі, папрысядаць, адціснуцца. Для адціскання бралі з сабой зэчкі — металічныя кубкі. Ногі ставілі на лаву, а рукі на кубкі, каб не адціскацца ад запляванага асфальту. Часам пры папушчальніцтве ахоўнікаў удавалася і падцягнуцца. Для гэтага з камеры бралі з сабой скручаную прасціну або падкоўдранік. Гэтую вяроўку перакідалі праз краты, размешчаныя над галавой, і атрымлівалася нейкае падабенства гімнастычных кольцаў, калі можна было, павісшы, выканаць нейкія практыкаванні. Часта тыя, хто мог дацягнуцца, падцягваліся на саміх кратах. Натуральна, ахоўнікі забаранялі падобныя заняткі, але ўсё вырашаў чалавечы фактар. Самі ж панадворкі ўладкаваныя такім споса-

бам, што вартавы ходзіць над імі і кантралюе ўсё, што адбываецца ўнізе.

32 Вядома, знаходзячыся ў турме, я не мог нават дзённіку даверыць усёй праўды — і часта пісаў так, каб нікога не падставіць, калі мой дзённік будзе прачытаны следчымі. Гісторыя з маім пабітым носам (пра гэты факт я распавёў на судзе) стала адной з «сенсацый» у апазіцыйных СМІ — пытанне, хто разбіў нос Дразду, стала адным з асноўных у артыкулах, прысвечаных судам над «дзекабрыстамі», многія такія артыкулы высоўвалі меркаванне, што я падвергся катаванням. На самай справе ў гэтай сенсацыі быў свой галоўны герой — і клікалі яго Уладзік. Зусім малады хлопец з Брэста (таму кансультаваў мяне па польскай мове — паказваючы, як прамаўляць насавыя гукі), які апынуўся ў турме па абвінавачванні ў здыманні грошай з банкаўскіх рахункаў замежнікаў праз сетку інтэрнэт — таму ў нашай камеры ён быў адказным за сувязь з навакольным светам і ганяў каня праз акно. Да мяне ён заўсёды звяртаўся «Апазіцыя». Менавіта Уладзік і разбіў мне нос сваёй пяткай. Не, не было тут ніякага суперудару нагой у стылі Ван Дама — усё было куды больш празаічна.

У гэты дзень нас, чалавек пяць, выводзілі на шпацыр. Валадарка ўладкаваная такім чынам, што з нашага будынка, спусціўшыся ў склеп, можна па кароткім падземным калідоры трапіць у склеп замка. Менавіта праз гэты падвал мы хадзілі кожны раз на шпацыр. Для гэтага нам даводзілася, спусціўшыся ў склеп, прайсці яго амаль да супрацьлеглай сцяны — туды, дзе знаходзіцца склад матрацаў і іншага, — і перад самымі яго дзвярамі павярнуць направа і выйсці на вуліцу. Паколькі падвал Валадаркі знаходзіцца ніжэй за ўзровень зямлі, то яго часта падтапляе — асабліва падчас раставання снегу. Так было і ў гэты раз. Праз

вялізныя лужыны былі пракладзены драўляныя паддоны, па якіх мы і праходзілі. Як і належыць, мы ішлі адзін за адным, трымаючы рукі за спінай. Я ішоў апошнім, а перада мной — Уладзік. Па неасцярожнасці ён наступіў на край паддона, і яго процілеглы бок імгненна падняўся — я зачапіўся за яго і нават не паспеў зрэагаваць і падставіць рукі... Апошняе, што я ўбачыў, і была пятка красоўкі Уладзіка. Падзенне адбылося прама пры выхадзе з калідорчыка (адразу злева ад гэтага выхаду знаходзіцца, як сцвярджаюць зняволеныя, расстрэльны пакой, і першыя кроплі маёй крыві ўпалі прама каля яе), за спінамі ва ўсіх, і майго палёту ніхто, нават Уладзік, не бачыў. Ахоўнік, пачуўшы шум, задаў пытанне: «Усе жывыя?» — і тут жа ўбачыў кроў, што лінула з майго носа.

Пасля таго як лекар выдаў мне некалькі ватных тампонаў, мяне некалькі разоў выклікалі да начальства, якое вельмі хацела «ведаць праўду» і не верыла нашай версіі. Спачатку тлумачальную напісалі ўсе, хто быў на прагулцы. Але пакольку ў ёй усе напісалі праўду, што не бачылі падзення, менавіта гэтая версія і не задаволіла начальства. Як не бачылі? Гэта вельмі падазрона! Выйшаў класічны для турмы, дзе не прынята «стукаць», варыянт тлумачэння, калі раптам нехта «падае» ў перапоўненай камеры і ніхто гэтага «не бачыць». Усіх прымусілі перапісаць паперу, каб там абавязкова былі словы, што яны бачылі, што я ўпаў сам. Пасля таго, як гэтае лжывае тлумачэнне было зроблена, паперы прымусілі пісаць наогул усіх, хто быў у нашай камеры, — што ў мяне не было ні з кім канфліктаў... Гісторыя сапраўды стала вядомая ўсёй турме, а Уладзік стаў сапраўдным героем, які «пусціў кроў беларускай апазіцыі».

33 Пытанне пра штык следчы задаў як бы між іншым, пры гэтым ён спасылаўся на словы майго непаўналетняга пляменніка, які падчасператрусу сказаў, што я прадаю

і купляю штыкі. На самай справе штык я купіў у свайго сваяка Дразда як сямейную рэліквію — ён дастаўся маёй сям'і яшчэ падчас вайны. А гісторыя з продажам-купляй — класічны выпадак пра «чуў звон»: я сапраўды купляў і прадаваў штыкі, і не толькі іх, але і агнястрэльную зброю, сярод якой былі вінтоўкі, кулямёты і нават артылерыя і многае іншае, бо гэта былі фатаграфіі часоў Першай сусветнай вайны! Але следчы ўхапіўся за нітачку і вырашыў на ўсялякі выпадак пацягнуць і за яе. Натуральна, нічога з гэтага не выйшла, штык быў вернуты і па справе не праходзіў.

34 У нашай камеры было некалькі агульных кніг, якія засталіся ад былых жыхароў, — сярод якіх Крымінальны і Крымінальна-працэсуальны кодэксы. Акрамя таго, нейкія кнігі, з якіх самым каштоўным набыццём быў падручнік польскай мовы, я атрымаў з перадачамі. Але на Валадарцы ёсць і свая бібліятэка (яна існавала тут яшчэ да рэвалюцыі). Некалькі разоў на тыдзень бібліятэкар з каляскай праязджае па калідорах. У асноўным там усякі хлам, накшталт дэтэктываў. Але мне ўдалося знайсці і Караткевіча, праўда на рускай. Ніякіх кніг на беларускай мове ў бібліятэцы не аказалася.

35 Паколькі ў камеры заўсёды даволі шмат людзей, то, натуральна, часта ёсць і цёзкі. Для іх адрознення адразу ўзнікаюць нейкія мянушкі: Малы, Страгач і да т. п. Часам мянушка ўзнікае з нейкіх асаблівасцяў справы — так, у нас быў арыштант з мянушкай «Са словаў»: паводле яго сцвярджэння, усё яго абвінавачванне трымалася на словах сведак. Часам для ўдакладнення, пра каго ідзе гаворка, называлі нумар артыкула. Пра традыцыю, калі арыштант крычаў у акно: «Турма, турма, дай імя...», мы толькі чулі ад нашых страгачоў. Мяне называлі Апазіцыя.

36 З-за таго, што камера моцна перагружаная, велізар-

ная праблема — гэта складаванне рэчаў. Вядома, у турме ёсць склад, але, каб нешта туды пакласці ці потым забраць, трэба ўпрошваць калідорных, таму ўсе арыштанты стараюцца трымаць сваю маёмасць пры сабе. Уся яна згружаецца пад ніжнія нары, у асноўным для захоўвання выкарыстоўваюць сумкі для чаўнакоў — кешары. Часта было вельмі складана дзесьці размясціць яшчэ хоць адну сумку, а залазіць у іх даводзілася даволі часта, бо там ляжала і адзенне, і ежа, і сшыткі, і сродкі гігіены і інш. Акрамя таго, гэтыя сумкі пастаянна перасоўваліся падчас уборкі раніцай і падчас шмону, калі ўсё змесціва маглі выкінуць на падлогу. Усе курткі вывешваліся на некалькі вешалак, размешчаных каля ўвахода, пад імі выстаўляліся больш за 20 пар абутку.

37 Васіль Парфянкоў — член ініцыятыўнай групы Уладзіміра Някляева — адзін з нямногіх маіх паплечнікаў, каго я ведаў да 19 снежня. Ён і іншы палітычны вязень Алег Гнедчык збіралі подпісы побач з намі каля «Кароны». Абодва даўно ў апазіцыі, яшчэ з часу барацьбы за Курапаты, і Максім Вінярскі іх даўно ведаў. Абодва пасля 19 снежня выступалі па БТ, ствараючы не вельмі прывабны вобраз апазіцыянера.

38 «Докус» — фірма, у якой я працаваў у Маскве апаратарам у фоталабараторыі.

39 Стрыжка нагала ў СІЗА не з’яўляецца абавязковай, але большасць арыштантаў стрыгуцца і нават голяцца, каб не разводзіць насякомых. Мера гэтая не лішняя, бо многія спяць па чарзе на адных нарах, пераязджаюць з адных на другія, а ў камеру трапляюць зусім розныя людзі. Адзін раз давялося вылоўліваць пасля аднаго жыхара насякомых. Невыпадкова ў лазні можна аддаць рэчы на пражарку.

Алег Грак з нейкім хваляваннем ставіўся да стрыжкі — шчыра верачы, што калі ён прыйдзе ў суд стры-

жаны, то яго адправяць на зону, а калі не, то пойдзе дадому (магчыма, што гэта і не яго выдумка, а нейкія агульныя забабоны). За час свайго знаходжання ў СІЗА ён зарос да непрыстойнасці і ў нейкі момант зразумеў, што трэба нешта рабіць, і папрасіў трохі падраўняць... Віталік вырашыў пажартаваць і пастрыг яго так, што ўся камера памірала са смеху... У выніку паўтарылася гісторыя з Кісам Вараб'янінавым, на якога Грак быў знешне падобны. Пасля гэтага ён быў вымушаны пастрыгчыся нагала, для чаго яму давялося яшчэ доўга ўгаворваць цырульніка.

40 Са з'яўленнем у камеры № 18 адзінага палітычнага зняволенага жыццё ўсіх рэзка змянілася. Як распавядалі мне старажылы, ніколі за ўвесь час іх знаходжання не было такой колькасці праверак, як пасля майго засялення.

41 Шмон — уласна кажучы, ператрус — можа быць як індывідуальным, напрыклад пры паступленні ў турму або пераездах, так і агульным, калі ўсіх жыхароў камеры выганяюць з яе ці на прадол, ці ў адстойнік, а ахоўнікі правяраюць усё, што ёсць у камеры, уключаючы асабістыя рэчы. Калі зняволеныя чымсьці правініліся перад адміністрацыяй, то ў якасці пакарання шмоны могуць праводзіцца і два разы на дзень, пры гэтым усе рэчы з сумак выкідваюцца на падлогу і перамешваюцца. Часта падчас такіх ператрусаў канфіскоўваюцца неабходныя ў турэмным побыце рэчы, пра існаванне якіх, вядома, ахоўнікі ведаюць. Напрыклад, «мойкі» і «рэзкі» — розныя прылады для рэзання, зробленыя з кавалка бляхі або вынятыя з прыбораў для станкоў. У нашай камеры часам цярпелі і... дзяўчаты. Уладзік выпісваў часопіс «Максим», і ў нас заўсёды было шмат прыгожых малюнкаў, якія віселі ў некаторых арыштантаў над нарамі (у нас з Зайцам вісела кар-

цінка з панадлівымі сцюардэсамі). Паколькі зняволеныя па-свойму прывязваліся да сваіх «сябровак», то ўсяляк імкнуліся, калі была магчымасць, схаваць іх перад шмонамі. Запомнілася, як Міхалыч жартам, зайшоўшы ў камеру, пад агульны смех пагладзіў карцінку, што вісела над яго нарамі, і сказаў: «Спалохалася? Думала, што я цябе кінуў?..» Ці, напрыклад, адзін раз, калі Арцём не дамаляваў чыйсьці партрэт, ахоўнікі дапамаглі яму яго «дамаляваць». Падчас праверкі супрацоўнікі прастукваюць сцены драўлянымі выбівачкамі ў пошуках праломін і схованак. Падчасператрусаў шукаюць таксама алкаголь — так, пры практычна неабмежаванай колькасці цукру і розных прадуктаў, некаторыя зэкі, сярод якіх часта трапляюцца алкашы, прымудраюцца паставіць у камеры бражку. Чаго, праўда, у нас не назіралася.

42 Калі я толькі з’явіўся ў камеры № 18, пасля ўсіх абавязковых гутарак Грак стаў практычна першым маім суразмоўцам — ужо тады я заўважыў, што астатнія жыхары, пераглядваючыся, усміхаліся: знайшоў новага слухача. Алег надакучваў усім сваімі апавяданнямі, як хутка ён выйдзе, а на яго месца заедуць яго цярпілы... Ён пісаў скаргі ва ўсе мажлівыя арганізацыі: пракуратуру, КДБ і да т. п. Але самым цяжкім выпрабаваннем былі гутаркі з ім.

43 Падчас ператрусаў часам проста выводзілі ў калідор і выстройвалі нас тварам да сцяны на час шмону. Калі планавалася нешта больш працяглае, нас спускалі ў склеп у адстойнік — невялікую камеру без нараў і лавак. Ператрус стараліся праводзіць максімальна нечакана — дзверы раптам расчыняліся і ахоўнікі крычалі: «На выхад!» Таму не заўсёды ўдавалася надзець нешта цёплае, часам людзі выходзілі, як былі, — у майках і тапках. А ў адстойніку наогул не было вокнаў, і

мы стаялі практычна на вуліцы, грэючы памяшканне толькі сваім дыханнем.

44 «Хімія» — від пакарання, абмежаванне волі. Бывае двух відаў: без накіравання (жывеш дома, працуеш, але павінен быць дома ў пэўны час, не маеш магчымасці свабоднага перамяшчэння, выезду за мяжу, абавязаны часта адзначацца, работнікі міліцыі маюць права прыходзіць да цябе ў любы час з праверкамі і да т. п.) або з накіраваннем у выпраўленчую ўстанову адкрытага тыпу. У падобных месцах жыццё часта вельмі цяжкае, хоць у параўнанні з зонай у асуджанага значна больш магчымасцяў — у тым ліку магчымасць мець мабільны тэлефон, інтэрнэт, яго могуць наведваць сябры, але часта з-за кантынгенту, п’янак, дрэннага харчавання, немагчымасці нармальна зарабляць і іншага людзі просяцца на зону.

45 Аляксандр Атрошчанкаў — карэспандэнт сайта «Хартыя-97», прэс-сакратар кампаніі «Еўрапейская Беларусь». Запомнілася недарэчнасць абвінавачання і паказанняў сведак, якія запомнілі, што ён «знаходзіўся ў натоўпе, які сілай інэрцыі і цяжарам натоўпу спрабавала зрушыць заслоны, трапіць у будынак» і што ён «добра адрозны сярод асобаў, якія спрабавалі трапіць у будынак, пры гэтым на твары яго выразна бачная ўсмешка».

46 У адрозненне ад зоны, у СІЗА няма ніякага каранціну, і новыя жыхары трапляюць у камеру практычна адразу з вуліцы. Таму ўсе інфекцыйныя захворванні, накшталт грыпу, занесеныя звонку, умомант станавіліся агульнай праблемай. Натуральна, што ў большасці сядзельцаў, некаторыя з якіх знаходзяцца ў турме больш за год, імунітэт быў ладна падарваны. Некалькі разоў на тыдзень усе камеры абыходзіў лекар — ён адкрываў кармушку і пытаўся, якія ёсць скаргі. Арыштанты скардзіліся на прастуду, тэмпе-

ратуру, бяссонне, сэрца... — на што ўсім выдаваліся невядомыя таблеткі без пакавання, хутчэй за ўсё аднолькавыя. Добра, калі ўдавалася атрымаць нейкія лекі ў перадачы. Чалавека з сур'ёзнымі скаргамі маглі забраць «на бальнічку», але патрапіць туды было мала жадаючых.

47 Правілы не дапускаюць сумеснага ўтрымання раней судзімых і «першаходаў». Але паколькі праз нейкі час судзімасць з чалавека здымаецца, то ён хоць і ўвесь у татуіроўках, становіцца цнатліва чысты для закона — і трапляе ў камеру да тых, хто сядзіць першы раз. Было даволі смешна, калі ў камеру заходзіў чарговы правяраючы, пытаўся: «Раней судзімыя ёсць?», і, хоць побач з ім стаяў Алег, увесь распісаны татуіроўкамі, — усе дружна адказвалі: «Не!» Акрамя таго, у СІЗА часта вяртаюцца арыштанты, якія адседзелі ўжо некалькі гадоў на зоне — для перагляду справы. Натуральна, і першыя, і другія прыносяць у жыццё нявопытных першаходаў неабходныя турэмныя веды, тлумачачы ім турэмныя законы.

48 Падчас следства і судоў над «дзекабрыстамі» былі пазбаўленыя ліцэнзіі — г. зн. фактычна пакінутыя без магчымасці працаваць па прафесіі — не менш за сем адвакатаў. Найбольш актыўна абаранялі сваіх кліентаў П. Сапелка, Т. Агеева, А. Агееў, Д. Ліпкіна, А. Бахціна, А. Бурак, Т. Сідарэнка.

49 Хата — звычайная назва камеры.

50 На самай справе кожнае такое выступленне Лукашэнкі, што адбывалася яшчэ да рашэння суда, калі ўсе мы былі названыя бандытамі, у прыстойнай краіне можна было б расцаніць як ціск на суд. У нашай жа краіне, дзе няма незалежных судоў і кожны суддзя асабіста залежыць ад Лукашэнкі, станавілася зразумела, што ніхто не будзе шукаць адказ — ён ужо дадзены.

51 «Бярозка» — піянерскі лагер ад тонкасуконнага кам-

біната, дзе я правёў усё дзяцінства, а пасля 10 гадоў працаваў важатым, экспедытарам, фізруком.

52 Даволі часта запыт абвінаваўцы (г. зн. тэрмін і від пакарання, да якога патрабуе прысудзіць падсуднага пракурор) гучыць у канцы пасяджэння, а пасля яго аб'яўляецца перапынак, каб суддзя «падумаў». Таму часта пасяджэнне, на якім будзе агучаны прысуд, прызначаецца на наступны дзень ці нават праз некалькі дзён. І калі гэтыя дні трапляюць на выходныя або святы, падсудны аказваецца ў напружаным чаканні, калі ўсё жыццё зводзіцца да таго, што агучыць суддзя. Як правіла, суддзя дае крыху менш за запыт, але бываюць выпадкі, што столькі ж ці нават больш.

53 Новае месца — каля акна, практычна заўсёды адкрытага, мела вялікую перавагу ў параўнанні з месцам побач з курылкай, але і вялікі недахоп — на вуліцы ўсё ж такі не май месяц. У камеры па заведзеным правіле курылі каля дзвярэй, дзе недалёка знаходзілася выцяжка, і стараліся, каб адначасова не курыла больш як два чалавекі. Але, натуральна, гэты закон даволі часта парушаўся — асабліва ноччу, калі старэйшы спаў. Так што камеру часта зацягвала дымам, хоць, пастаянна знаходзячыся ў ім, мы ўжо пераставалі звяртаць увагу на дым і іншыя пахі, калі яны не выходзілі за нейкую звыклую норму. Колькасць тых, хто курыць, як правіла, істотна перавышала колькасць тых, хто не курыць. Частка цыгарэт з перадач паступала ў агульнае карыстанне, і ўсе жадаючыя маглі браць іх па жаданні, а некалькі пачкаў трэба было перадаваць у агульнатурэмны абшчак.

54 Кніга «Землеўладальнікі Мінскай губерні 1861–1900» выйшла амаль адначасова з пачаткам прэзідэнцкіх выбараў — увосень 2010 года.

55 Асуджанка — камера для тых, хто чакае этапу на зону. Як правіла, яшчэ больш перапоўненыя, чым камеры

тых, хто яшчэ не атрымаў прысуд. Як я ведаю, на Валадарцы яны былі на першым (падвальным) паверсе, міма іх мы праходзілі, калі ішлі ў лазню. Казалі, што ў іх утрымліваецца па 45 чалавек.

56 Арыштантам, што змешчаны ў СІЗА, ні нажы, ні нажніцы не дазволеныя. Таму нават элементарнае абразанне пазногцяў ператвараецца ледзь не ў хірургічную аперацыю. Па сутнасці, было ўсяго тры варыянты: 1) для багатых — нейкім чынам атрымаць з волі забарону; 2) карыстацца мойкай — вынятым са станка лязом; 3) карыстацца агульнымі турэмнымі нажніцамі, якія прыносіў калідорны. Паколькі ў камерах утрымліваюцца хворыя і на СНІД і гепатыт, то перад карыстаннем агульнымі нажніцамі іх напальвалі на адкрытым агні.

57 Атаварка — турэмная крама. Раз у тыдзень трэба было запоўніць заказ са спісу — даволі беднага, але, у прынцыпе, там было ўсё неабходнае для жыцця. На кожнага арыштанта заводзіцца рахунак, папаўняемы яго роднымі, з якога пасля атаваркі здымаюцца грошы.

58 Афіцыйны пад’ём у камеры а 6-й раніцы, але, як правіла, усе працягваюць спаць (выключэнне — калі дзяжурыць шкодны калідорны (калідорная), які патрабуе, каб на нарах былі толькі «лішнія» людзі). Толькі к 8-й гадзіне, калі праходзіць ранішняя паверка, усе спускаюцца «на зямлю». Падчас паверкі ў камеру заходзіць правяраючы — пералічвае ўсіх, часам робіць нейкія заўвагі, пытаецца, ці ёсць просьбы і заўвагі. Пасля паверкі праходзіць змена складаў — і начнікі залазяць на нары. Праўда, сон іх неаднаразова перарываецца: на прыёмы ежы, шмоны, паходы на шпацыр або ў лазню. Людзям даводзіцца спаць урыўкамі, а ў 20 гадзін пасля вячэрняй паверкі праходзіць чарговая змена складаў.

59 Абвінавачаныя ў гандлі наркотыкамі складаюць у тур-

ме і на зоне своеасаблівы клуб па інтарэсах. Большасць асуджаных ставяцца да іх з недаверам, бо часцей за ўсё гандляры і самі з’яўляюцца наркаманамі і, натуральна, пакутуюць ад ломкі і марыць дзесьці дастаць хоць нешта, што можа задаволіць іх патрэбу. Лічыцца, што яны за дозу здольныя зрабіць усё што заўгодна. Часам у камеры ўзнікалі дыскусіі, калі «328-ыя» даказвалі астатнім, што наркотыкі — гэта нейкі крок у нязведанае, узнясенне над астатнімі — непрасунутымі. Паколькі разумення яны не знаходзілі, то часцей стасаваліся міжсобку, успамінаючы волю і абмяркоўваючы розныя спосабы і рэцэпты.

60 Сувязь — адна з самых неабходных рэчаў у турме. Вядомы розныя спосабы — нават праз унітаз, але, паколькі ў нашай камеры было адчынена акно, то ўсе зносіны праходзілі ў асноўным менавіта праз яго. Самы просты спосаб — «гучная сувязь», калі патрэбнага чалавека проста выклікалі да акна і перакрыкваліся з ім. Натуральна, такім чынам ніякія сакрэты перадаваць было нельга. У асноўным патрэбная інфармацыя перадавалася праз «дарогу» — даволі складаную прыладу камунікацыі. Вяроўкі працягваліся ў суседнія камеры — па гарызанталі ці па вертыкалі, і такім чынам можна было перадаць інфармацыю практычна ў любую хату. Малява згортвалася ў трубачку і часам нават заварвалася ў фальгу або цэлафан — такім чынам, каб было відаць, ці раскрываў хто яе. Пасродкам дарогі перадаваліся і розныя дробныя прадметы — напрыклад цыгарэты і да т. п. Я асабліва не ўнікаў у тонкасці, але, як я зразумеў, у турме можна было дастаць усё, што заўгодна, нават алкаголь. Дарогай у нас загадваў камп’ютарнік Уладзік — чалавек досыць рассеяны, часта падчас шмонаў не паспяваў схаваць свайго каня — як яшчэ называліся вяроўкі, працягваемыя з камеры ў камеру. У апісаны ў дзён-

ніку дзень, ужо не памятаю, каму спатрэбілася без пасрэднікаў звязацца з камерай, размешчанай праз вялікую адлегласць. Для гэтага спатрэбіўся вопыт Алега Страгача, які вырабіў з газет доўгую трубку і валан, да якога была прывязаная нітка. Па плану валан з ніткай трэба было стрэльнуць на будынак замка, каб ён там нейкім чынам зачапіўся. Так стваралася перпендыкулярная лінія, на якую з іншых камер такім жа чынам выстрэльваліся свае валаны. Ніткі чапляліся і прыцягваліся да сцяны.

61 Насамрэч тое, што турму называюць «на Апанскага», — даніна традыцыі часоў СССР. Цяпер гэта ўжо вуліца Кальварыйская. «РБ», ці, афіцыйна, ВК-1, — рэспубліканская бальніца, куды звозілі ўсіх хворых з беларускіх зон. Цяпер ужо цалкам знесена.

62 Карпусны — старшы ахоўнік па вызначаным корпусе турмы.

63 Раснічкі і рэшка — канструкцыя на акне. Рэшка служыць своеасаблівым халадзільнікам — на яе ў халодную пару года складваюцца каўбасы, сала, масла і іншае дабро. Раснічкі — гарызантальныя жалюзі, якія перашкаджаюць глядзець прама ў акно. Скрозь іх можна вызірнуць толькі ўніз на двор. Але, натуральна, у многіх месцах гэтая канструкцыя пашкоджана, пласціны або падпілаваныя, або загнёныя, так што скрозь некаторыя шчыліны можна глядзець і на горад. Паколькі практычна ўсю прастору ў нашым пейзажы займаў замак, горад быў бачны толькі злева ад яго — гэта раён Нямігі, вышынныя дамы ў раёне «Тэхнікі ў побыце» каля станцыі метро «Фрунзенская», вялікі кавалак паліклінікі МУС. Глядзець у акно забаронена, так што як толькі калідорныя бачылі падобнае — загадвалі злезці.

64 У СІЗА, з аднаго боку, дазволены шмат якія прадметы, забароненыя ў ІЧУ або ЦІПе, а з другога, забаронены

многія, дазволеныя на зоне. Так, на Валадарцы забаронены ўсе рэжучыя прадметы. Таму іх замяняюць самаробныя рэзкі і мойкі. Рэзка, якой я нарэзаў каўбасы і сала, была зроблена з цвёрдага кавалка бляхі. Гэта быў прастакутнік, шырынёй сантыметры два і даўжынёй 6–7 см, завостраны з аднаго боку. Хавалі яго ў розных месцах, напрыклад пад абрусам на стале, хоць відавочна, што ахоўнікі ведаюць пра існаванне падобных прадметаў. Гэтую рэзку даводзілася вастрыць кожную раніцу пры дапамозе такой жа — адна аб адну, інакш нічога нарэзаць было б немагчыма.

65 Кабан — перадача, і, сапраўды, даволі часта большую частку яе займала сала. Але бывалі і вельмі багатыя пасылкі. У параўнанні з правіламі для ўжо асуджаных, якія знаходзяцца на зоне, дзе колькасць перадач і нават бандэроляў строга вызначана рэжымам — агульным, узмоцненым або строгім, у СІЗА ўмовы значна мякчэйшыя — і тут прытрымліваліся правіла 30 кг у месяц.

66 Кожны вечар даволі позна перад рабочымі днямі ў камеру прыносілі маленькія паперкі, на якіх было напісана прозвішча таго, каму заўтра ехаць у суд. Арыштанту трэба было падрыхтавацца — бо кожны раз людзі з’язджалі, як у апошні раз. На самай справе ў гэтым не было неабходнасці, але даводзілася пры кожнай паездцы цягнуць з сабой вату і ўсе рэчы ў склеп на склад. На суд я браў з сабой невялікі пакецік з дакументамі, газетамі і дзённікам, што часам забаўляла падчас шматгадзінных чаканняў у стаканах.

67 Для прагляду відэа ў зале быў усталяваны вялікі экран. Відэа з маімі дзеяннямі супраць Шылко так і не паглядзелі, хоць гэта быў галоўны доказ, — дыск аказаўся няспраўным, але падобна, што суддзі гэта і не патрабавалася.

68 Натуральна, калі на такой абмежаванай прасторы зна-

ходзіцца такая колькасць мужчын, і так не «пупсікаў», ды яшчэ і не ў самы лепшы перыяд свайго жыцця ў не самым лепшым месцы, якія знаходзяцца ў стрэсе, узлаваныя, нявыспаныя, стомленыя ад марнавання часу, — пастаянна ўзнікаюць канфлікты. За ўвесь час майго знаходжання ў даволі высокакультурнай камеры № 18 я быў сведкам некалькіх дзясяткаў сварак, дзясятак разоў яны пераходзілі ў фізічны кантакт. Найчасцей даставалася Граку, ён сапраўды ўмеў вывесці з сябе любога. Адзін раз страгач Вася хацеў яго апусціць — натуральна, такія рэчы не робяцца проста так, без сур'ёзнай падставы — гэта была даволі пераканаўчая інсцэніроўка, калі раззлаваны раней судзімы за бандытызм арыштант пацягнуў Грака да прыбіральні. Ніхто з больш чым 20 чалавек не заступіўся за яго, Вася сам спыніўся, вырашыўшы, што дастаткова напалохаў Алега. Зрэшты, гэта цалкам не змяніла паводзін Грака — ды і не магло. Яму ўдавалася вывесці з сябе і даволі спакойнага Пашу Агеева, і Міхалыча. Былі канфлікты, выкліканыя невыкананнем устаноўленых у камеры правілаў, калі, напрыклад, нехта тусаваўся ўнізе не ў сваю змену або калі курылі больш чым два чалавекі адразу. Быў канфлікт, які ўзнік паміж «смотрящим» і адным з арыштантаў, які прадэманстраваў яму перад усімі непадпарадкаванне па нейкім пытанні. Пасля некалькіх сварак пытанне было вырашана проста: Андрэй папрасіўся пагаварыць з начальнікам — і пасля гэтай гутаркі бунтара, які сыпаў запалохваннямі, кіляшнулі ў іншую камеру. Некалькі разоў пабіўся булдос Андрэй. Былі і іншыя канфлікты, але да вялікага кровапраліцця, на шчасце, пры мне ні разу не даходзіла.

69 Не ведаю, ці была гэтая сакратарка настолькі вопытнай, ці гэта ўжо вынік сумеснай працы кампетэнтных людзей, але і з майго апошняга слова, і з самога пра-

такола судовага паседжання зніклі цэлыя сказы або фразы былі заменены на больш выгадныя для абвінавачвання. Гэта атрымалася ўстанавіць адвакатам, якія вялі аўдыёзапісы на працэсе. Абскарджанне падобнага парушэння не дало ніякага выніку.

[70] Гэта звычайная практыка, калі старэйшы рыхтуе таму, хто адбывае на зону, ссабойку.

[71] Спатканне праходзіць у адмысловым памяшканні,адначасова чалавек пяць — усё, як і ў кіно, праз шкло і праз тэлефонную трубку.

[72] Баландёр — асуджаны, па нейкіх прычынах пакінуты пасля прысуду працаваць у СІЗА, выконваць розныя работы, у тым ліку па раздачы ежы. Часцей гэта людзі з вялікімі тэрмінамі, у якіх ёсць прычына баяцца «заехаць у зону» — магчыма, супрацоўніцтва са следствам, калі чалавек здаў сваіх змоўшчыкаў, ці нешта іншае. Статус не асабліва паважаны, хоць часам на Валадарцы яны выконвалі нейкія карысныя функцыі, напрыклад перадавалі маляву, калі не было магчымасці перадаць іх традыцыйнай дарогай, напрыклад у жаночую палову.

[73] У камеру кожны дзень раніцай праз кармушку (адкідное акенца ў дзвярах) перадаюць пэўную (па ліку арыштантаў) колькасць чорнага і белага хлеба — у форме цэглы. Хлеб не нарэзаны, таму самі зняволеныя вымушаныя наразаць яго перад ежай — і рабіць гэта без нажа! Для гэтай мэты служыць звычайная нітка, якую скручваюць у некалькі разоў, атрымліваючы таўсцейшую вітую нітку даўжынёй каля паўметра. На канцах для зручнасці робяць ручкі. Хлеб наразаюць пілавальнымі рухамі адзін ці два чалавекі. У нас у камеры не было адказнага за гэтую неабходную ўсім справу, і займаліся ёй добраахвотнікі — як правіла, адны і тыя ж людзі. Нітка жыве пэўны час, потым прыходзіцца вырабляць новую.

74 У абавязкі рэзчыка ўваходзіла і захоўванне прадуктаў, іх сартаванне і сачэнне за тым, каб нічога не сапсавалася.

75 Большасць калідорных мелі свае мянушкі — трапнае вока арыштантаў прыкмячала нейкія асаблівасці, часта і асаблівасці паводзін. Так, мянушка Кабуча азначала «Кабыла ябу...ая» — адна з самых шкодных калідорных, якая не давала нам спакою. У Жодзіне такой жа дрэннай славай карыстаўся Цяльняшка.

76 У турэмным і лагерным жыцці вельмі жорстка ўнармаваныя многія рэчы, у тым ліку і даволі спецыфічныя законы зносін людзей. Так, ёсць мноства слоў і фраз, якія нельга выкарыстоўваць, асабліва для абразы іншага зняволенага. І такія традыцыйныя і звыклыя ў жыцці на волі пасыланні «ў» ці «на», многія мацерныя выразы і, вядома, абсалютна забароненыя словы, накшталт «певень», «казёл» і іх вытворныя, недапушчальныя. Арыштант, абражаны падобным чынам, павінен неадкладна пакараць крыўдзіцеля, інакш ён як бы пагаджаецца з тым, хто абразіў яго.

77 Выезд з камеры на зону суправаджаецца своеасаблівым рытуалам. Спачатку заварваецца чыфір і ўсе жыхары становяцца ў кола, перадаецца кубак — і ўсе робяць па тры глыткі. Не вельмі гігіенічна, асабліва пры нашых хваробах, ды і з маім сэрцам чыфір уплываў на мяне вельмі дрэнна — адразу ж пачынала трапятаць сэрца. Але адмовіцца ад падобных чаяванняў не заўсёды ўдавалася — гэта магло быць успрынята як абраза або як тое, што ты «за сабой нешта адчуваеш». Потым усе развітваюцца па чарзе, а напрыканцы таму, хто выходзіць з камеры, даюць сімвалічны падсрачнік — каб больш не вяртаўся.

78 Людзі ў турме становяцца вельмі шчырымі вернікамі, а часта проста забабоннымі — так, Грак не хацеў стрыгчыся, а Парвіз чытаў нейкія магічныя малітвы

пэўную колькасць разоў кожны дзень... — і ўсе мы, у тым ліку я, верылі, што нас вось-вось адпусцяць. У многіх над нарамі — абразкі, усякія малітоўнікі і іншае.

79 Вядома, гэта быў зусім не класічны «сталыпін», а сучасны купэйны вагон, перароблены ў чыгуначны аўтазак. Былі акурат такія ж купэ — толькі без сцяны ў калідор — замест яе былі краты з такімі ж закратаванымі дзвярамі. Трэцяя паліца, якая звычайна выкарыстоўваецца для матрацаў, была таксама жылая. Каб арыштанты не падалі з яе ўніз, на другім паверсе былі зроблены дадатковыя адкідныя паліцы, якія прадухіляюць падзенне на падлогу. З боку купэ не было ніякіх вокнаў — адзінае акно было, наадварот, праз праход.

80 ДПНК — дзяжурны памочнік начальніка калоніі.

81 Існаванне вязняў з розным статусам — гэта тая рэальнасць, у якой даводзіцца жыць нават на так званай чырвонай зоне, г. зн. там, дзе быццам бы жывуць па законе, а не па паняццях. Першым пытаннем, які задаў работнік калоніі, які нас сустрэў, той жа ДПНК, было: «Ці ёсць людзі з нізкім статусам, апушчаныя, адсаджаныя на кружку, касякі і да т. п.?» Зняволеныя з нізкім статусам — гэта фактычна ізгоі, асуджаныя на выкананне самых брудных работ — накшталт уборкі прыбіральняў. Іх нават нельга ўдарыць рукой, каб не «законтачыцца»; нельга дакранацца да прадметаў, якіх краналіся яны, карыстацца з імі адным рукамыйнікам, унітазам, сядзець на лаўцы, дзе яны сядзелі... Адміністрацыя актыўна выкарыстоўвае гэтую сістэму для прыніжэння і ціску на непажаданых. Многія палітычныя зняволеныя так ці інакш патрапілі пад гэтыя дасканалыя катаванні. Так, аднаму палітвязню пагражалі, што калі ён не падпіша прашэнне на памілаванне, то «заедзе да пеўняў». Няма ніякіх сумневаў, што людзі, якія працуюць у нашай «сістэме

выпраўлення», не задумваючыся, ажыццявілі б свае пагрозы. Існаванне падобнай сістэмы — гэта знявага чалавечай годнасці, але мне не вядомы нейкія спробы беларускіх праваабаронцаў хоць неяк прыцягнуць увагу да гэтай праблемы.

82 Пастраенне праходзіць тры разы на дзень. Падчас яго ўсе павінны ўстаць у «параднай вопратцы» ў шарэнгі і чакаць правяраючых, якія прыходзяць з зоны, часам даводзіцца чакаць па 10, 15, 20 хвілін. Усіх пагалоўна пералічваюць. Падчас пастраення робяцца паведамленні і прызначаюцца дзяжурныя — хто куды. Месца для пастраення, як правіла, расчэрчана на асфальце. У атрадзе пастраенне праходзіла крыху не так. Усе выстройваліся ў шэрагі. Атраднік браў у днявальнага спецыяльныя карткі і выкрыкваў прозвішча асуджанага. Той павінен быў назваць сваё імя і імя па бацьку, а таксама артыкул і пасля гэтага перасоўваўся наперад на вольнае месца.

83 Падобныя абавязацельствы і іншыя паперы пішуцца ці пад дыктоўку, ці з узору. Пры гэтым зняволены, які адмовіўся пісаць падобную паперу, не можа разлічваць на ўмоўна-датэрміновае вызваленне. Г. зн. чалавек, які лічыць, што ён асуджаны незаконна, вымушаны або пісаць падобныя абяцанні, або адрэзаць сабе магчымасць датэрміновага вызвалення.

84 Уся зона разбіта на асобныя абмежаваныя або платамі, або будынкамі зоны — лакалкі. Каранцін цалкам аддзелены ад астатняй зоны, хоць ён не знаходзіцца ў асобным будынку — у гэтым жа двухпавярховым будынку размешчаны і некаторыя іншыя атрады, і нешта яшчэ, але патрапіць у гэтыя часткі немагчыма, трэба спачатку выйсці з брамы каранціну і зайсці ў гэтыя зоны, праз іх брамы. У ім ёсць свая сталовая і лакалка. Самастойна выйсці з яе ці зайсці немагчыма. Замок на браме адмыкаецца дыстанцыйна днявальь-

ным каранціну. Такія ж адгароджаныя ўчасткі ўтвораны і ў іншых атрадах — у многіх месцах яны агульныя для некалькіх атрадаў. У лакалцы праходзіць вялікая частка жыцця зняволеных, якія знаходзяцца ў каранціне. У адрозненне ад лакалкі атрада, дзе ёсць і дрэвы, і альтанкі, і спартыўныя снарады, і многае іншае, у каранціне стаяла толькі адна альтанка і лаўка для касякоў.

85 У каранціне ёсць свая сталовая, але няма кухні, г. зн. там нічога не гатуюць. Ежу з вялікай сталовай, размешчанай у зоне, прыносяць у бачках. Іх даносяць да брамы, а далей ужо транспартуюць дзяжурныя каранціну.

86 Жыццё зняволеных напоўнена сотнямі няпісаных правілаў, якія нармуюць многія пытанні чалавечага жыцця — прычым не толькі твайго цяперашняга жыцця на зоне, але і твайго мінулага. Так, напрыклад, усіх цікавіць, ці меў ты на волі зносіны з геямі. Як мне сказаў хлопец яшчэ ў маёй першай камеры на Валадарцы: ты ж пісьменнік, значыць, меў зносіны з бамондам, а яны ўсе там блакітныя (чамусьці ён менавіта так уяўляў аўтара кнігі «Землеўладальнікі Мінскай губерні» — менавіта прадстаўніком «бамонду»). Натуральна, жорсткая турэмная сістэма распрацавала і сотні спосабаў, як развесці блізкага, неспрактыкаванага ў нюансах блатных паняццяў, выкарыстоўваць яго ў сваіх мэтах,ператварыць яго ў раба... Таму трэба быць вельмі акуратным з адкрытымі гутаркамі і ясна разумець, што любы твой сусед мае права даведацца пра цябе, а на што можна адказаць пытаннем: «А ты з якой мэтай цікавішся?» і не гаварыць адкрыта пра сваё асабістае жыццё. Таксама трэба быць акуратным з рознымі абяцаннямі, каб цябе не змаглі «пацягнуць за мятлу» — г. зн. прымусіць адказваць за словы. Тыя, хто не выконвае абяцанага, рызыкуюць атрымаць мянушку «шлёпала» — чалавек, не варты даверу.

87 Касякі, апушчаныя, адсаджаныя на кружку... — усё гэта назвы вязняў з нізкім статусам. Іх жыццё на зоне найбольш цяжкае, бо акрамя звычайных для ўсіх асуджаных складанасцяў да іх дадаюцца пастаянныя прыніжэнні і ад іншых зняволеных. У каранціне было два так званыя касякі. Яны жылі ў асобным пакоі, карысталіся сваёй прыбіральняй, рукамыйнікам, елі, адпачывалі, стаялі на пастраенні асобна ад астатніх. У іх абавязкі ўваходзіла ўборка прыбіральняў і іншая брудная праца. У санвузле, у якім у адрозненне ад атрадных была магчымасць зачыніць у кабінцы дзверы, у іх быў свой «кабінет», куды ніхто, акрамя іх, не заходзіў. Менавіта там «Кот» і прарабіў дзірку ў склеп, дзе яго і злавілі. Чым для яго скончылася гэтая гісторыя, я не ведаю, — больш яго не бачыў.

88 Усе зняволеныя зоны размеркаваны па атрадах, якія размяшчаюцца ў розных будынках па ўсёй тэрыторыі. Падчас майго знаходжання ў ВК-2 іх там было каля 23 ці нават больш. Былі спецыяльныя атрады, дзе знаходзіліся толькі зняволеныя, якія супрацоўнічалі з адміністрацыяй, займалі розныя пасады, выконвалі нейкія гаспадарчыя работы. Гэтыя атрады лічыліся не вельмі прэстыжнымі сярод астатніх асуджаных.

89 Казлы — статус асуджаных, якія супрацоўнічаюць з лагернай адміністрацыяй. У блатным свеце лічацца адным з пагарджаных класаў, але ў ВК-2, дзе ў асноўным былі «першаходы», а сама зона лічыцца «чырвонай» — г. зн. там усім кіруе менавіта адміністрацыя, — цалкам паважаныя людзі. Сярод гэтай катэгорыі шмат вельмі розных арыштантаў — ад забойцаў з вялікімі тэрмінамі да адукаваных людзей, якія селі за эканамічныя ці нейкія выпадковыя злачынствы. Па старых крымінальных паняццях, кожны, хто ўступіў у нейкую лагерную секцыю, ужо

супрацоўнічае з адміністрацыяй, а значыць, варты пагарды. Зараз жа ўжо пры паступленні ў зону ўсе пішуць абавязацельствы ўступіць у нейкі «гурток па інтарэсах», што, як я зразумеў, з'яўляецца поўнай фікцыяй. Адзінай мэтай гэтага з'яўляецца «запляміць» усіх асуджаных падобным «супрацоўніцтвам», што ў будучыні істотна ўскладніла б ім жыццё, калі б яны патрапілі ў зону, дзе спрабуюць жыць па паняццях. Да гэтай катэгорыі адносіцца ўвесь актыў атрада: загадчык гаспадаркі, днявальныя, брыгадзіры і г. д. У адрозненне ад касякоў, гэтая катэгорыя зняволеных, хутчэй, сама аддзяляецца ад асноўнай масы, з'яўляючыся прывілеяванай, «элітай», ім дазволена больш, чым астатнім. Часта яны жывуць у асобных пакоях з тэлевізарам і іншым камфортам. Ніякага неперааадольнага бар'ера для зносін паміж імі і «мужыкамі» цяпер няма.

90 Кіпяцільнік — рэч, якая цяпер у побыце практычна не выкарыстоўваецца, а ў турме і на зоне гэта прадмет першай неабходнасці. Маленькі элемент незалежнасці, калі практычна ў любы час можаш зрабіць сабе чай, каву, вермішэль хуткага прыгатавання. На Валадарцы было некалькі агульных кіпяцільнікаў, якімі кіпяцілі ваду для агульнай гарбаты або чыфіру, але кожны стараўся мець свой уласны. Кіпяцільнік даволі хутка перагарае. Але і ў турме, і на зоне былі ўмельцы, якія разбіралі іх, перабіралі, замотвалі чым папала — і электрапрыбор зноў выкарыстоўваўся. Аднойчы ў каранціне мой кіпяцільнік выбухнуў у мяне проста ў руках.

91 У адрозненне ад турмы, у лагеры цукар забаронены. Выклікана гэта выключна адной прычынай: каб зняволеныя не ставілі бражку. Калі ў маленькай камеры лёгка ўсё абшукаць, то на 18 гектарах ВК-2 можна схаваць што заўгодна. Увесь гэты час даводзілася піць

несалодкія гарбату і каву, што прыносіла мала задавальнення, нават грахатулькі (карамель) не ратавалі. Замест цукру выкарыстоўваюцца суслі, што надаюць пітву непрыемны хімічны смак.

92 5-ы атрад, куды мяне накіравалі, лічыўся «ўзорна-паказальным», так што адзін з вязняў мне сказаў, што я і зоны сапраўднай не бачыў, з чым не спрачаюся.

93 Заўхоз — фактычна галоўны асуджаны ў атрадзе, прызначаецца адміністрацыяй.

94 Атраднік — начальнік атрада, у адрозненне ад заўхоза — прадстаўнік лагернай адміністрацыі.

95 Тры гэтыя атрады, агульнай колькасцю каля 300 чалавек, размяшчаліся ў двухпавярховых будынках, якія стаяць насупраць, і мелі агульную лакалку, абмежаваную з двух бакоў самімі будынкамі, з трэцяга — лагерным знешнім цагляным плотам, а з чацвёртага — звычайным плотам з брамкай. Так што іх жыхары мелі магчымасць свабодна размаўляць на вуліцы і нават хадзіць адзін да аднаго ў госці.

96 Гісторыя Шутава адна з дзясятка падобных, калі чалавек пераконваў, што асуджаны незаконна. Калі я спытаў яго, чаму ўчастковы забіў яго бацьку, ён сказаў, што той працаваў раней пракурорам і ведаў нейкія сакрэты аб мясцовых махінацыях. На жаль, не памятаю гэтую гісторыю ва ўсіх падрабязнасцях. Было гэта ў Гомелі ці Магілёве. Галоўнае, што ад чалавека, абвінавачанага ў забойстве бацькі, адвярнуліся ўсе сваякі. Яму ніхто не дапамагаў, у яго не было перадач, а значыць, не было нават магчымасці купіць туалетную паперу ці зубную пасту, тым больш не было грошай, каб напісаць касацыйную скаргу. Вядома, таго, што ён зарабляў на промцы (хоць чалавек быў медыкам і мог бы працаваць у шпіталі, але ў такія цёплыя месцы без блату нельга было патрапіць), ні на што не хапала. Часцей за ўсё ў такіх людзей быў толькі адно

выйсце — ісці ў рабы да больш заможных — праць, дзяжурыць за некага і да т. п. за цыгарэты.

97 Лагерная сталовая — гэта велізарны будынак. Харчуюцца атрады ў некалькі змен. Кожны паход у сталовую суправаджаецца абавязковым апрананнем у форму і пабудовай па 5 чалавек. Вяртацца можна без шыхта. Паколькі ў сталоўцы адначасова харчуюцца некалькі атрадаў, то гэта лепшае месца, каб сустрэцца са знаёмымі. Арыштанты з нізкім статусам сядзяць асобна ад астатніх.

98 На самай справе, у гэтай замене не было ніякай паэзіі — як мне растлумачылі дасведчаныя людзі, называнне нас сартавальнікамі, а не грузчыкамі, дазваляла плаціць нам у шмат разоў менш, а па сутнасці людзі працавалі бясплатна. Уся брыгада за месяц працы з зарплаты купляла два пачкі гарбаты.

99 У адрозненне ад нейкага пераканання, што ў зонах цяпер «зусім не тое, што раней» — хоць, безумоўна, паступовы прагрэс ёсць, сталае меркаванне, што «кулак па зоне не гуляе», не з’яўляецца праўдай. Усяго за месяц на зоне я стаў сведкам некалькіх боек. Асабліва ўражлівай была першая бойка ў сталовай, калі некалькі квадратных метраў падлогі былі ў крыві. Адну бачыў з акна секцыі. Акрамя таго, напрыклад, расказвалі, як адзін наш суатраднік «упаў з ложка» і заехаў у бальніцу. На самай справе, ён шмат каму завінаваціўся і за гэта быў пакараны. Нават у нашым узорна-паказальным атрадзе агрэсіўнасць, абразы, пагрозы, кепікі са слабейшых і падобнае было нармальнай з’явай.

100 У ВК-2 даволі развітая прамысловасць — працу зняволеных выкарыстоўваюць па поўнай. Тут ёсць швейнае прадпрыемства (шыюць вопратку для зняволеных: робы, шапкі, целагрэйкі, матрацы, пасцельную бялізну), цэх дрэваапрацоўкі (дзверы, вок-

ны, паддоны, скрыні), участак па апрацоўцы гумы (шаўроны і інш.), металаапрацоўка (кузаўныя работы, цвікі і да т. п.), разбіраюць акумулятары, пякуць хлеб... На кваліфікаваных працах людзі хоць нешта зарабляюць.

101 У кожнага зняволенага на робе нашыта некалькі бірак — адна з «візітнай карткай», дзе ёсць уся інфа пра чалавека, нават фота. Пазнака пра членства ў нейкай секцыі вісіць на плячы. Цікава, што я атрымаў заўвагу за дрэнную бірку на грудзях (ці то нізка вісела, ці то высока) і толькі праз пару дзён сам заўважыў, што мая бірка на плячы была прышыта наогул на другой руцэ!

102 Тым, хто ходзіць на промку, трэба мець два касцюмы: рабочы і парадны. Адзенне, выробленае ў мясцовым швейным цэху, ужо пасля першага прання з чорнага становіцца шэрым — яго я зрабіў рабочым, пакінуўшы мамчын касцюм для жыцця. У секцыі і лакалцы зняволены можа хадзіць у чым хоча, але на ўсе пастраенні, паходы да начальства, у сталоўку і наогул падчас любых перамяшчэнняў па зоне арыштант павінен быць апрануты як для параду.

103 І майка, і кетчуп, і стрыжні аказаліся забароненымі. У кожнай забароны было нейкае тлумачэнне, але памятаю толькі пра стрыжні — можна было толькі пэўнага віду, бо астатнія можна было выкарыстоўваць для татуіровак.

104 ПГД — парка-гаспадарчы дзень — нешта накшталт генеральнай уборкі. Падчас яго выносілі матрацы на вуліцу, мылі і прыбіралі кубрыкі, лесвіцы і да т. п.

105 Прычына майго пераводу ў іншую брыгаду для мяне засталася невядомая. Хутчэй за ўсё, атрадніку не спадабалася, што хоць я і скардзіўся на цяжкую фізічную працу, але даволі камфортна адчуваў сябе ў гэтай брыгадзе. На самай справе пра моцную

стомленасць у лістах я пісаў, хутчэй, для рэжымнага аддзела. Працавалі мы ад сілы адну гадзіну. Брыгадзір адразу вызначаў: усім прынесці па 10 бярвёнаў. Увесь астатні час мы праводзілі ў капцёрцы: чыталі, пілі гарбату, спалі. Думаю, што не апошнім аргументам былі даволі добрыя адносіны з брыгадзірам — «Патрулём». А начальству хацелася, каб я не расслабляўся. Хоць у рэальнасці можа быць з дакладнасцю наадварот — начальнік пабаяўся, што я са сваім хворым сэрцам адкіну канькі проста на працы. Калі б справа тычылася звычайнага зняволенага, то на гэта маглі б і плюнуць. Падчас аднаго з візітаў да мяне маёраў я пачуў, што ім прасцей спісаць мёртвага зняволенага, чым мёртвага вартавога сабаку. Тады ж я пачуў яшчэ адну фразу: калі раптам што, «хуткая» прыедзе хутчэй, чым у горадзе, і што ў іх значна часцей людзі канчаюць жыццё самагубствам (зняволеныя, схільныя да суіцыду або ўцёкаў, — адмысловая катэгорыя, якая, знаходзячыся разам з усімі, кантралюецца дадатковымі праверкамі), чым паміраюць ад хвароб. Ясна, што ў выпадку праблем са мной справу не атрымалася б спусціць на тармазах. А можа, і сам брыгадзір быў незадаволены, што маё з’яўленне ў яго брыгадзе парушыла іх прывычны рытм жыцця — пачалі прыходзіць нейкія праверкі, гутаркі з атраднікам і да т. п. Калі ж справа была ў тым, што, як камусьці здалося, у новай брыгадзе брыгадзір Максім на мяне будзе аказваць максімальны ціск, то яны не памыліліся. І ў першую чаргу нават не фізічная стомленасць, а зносіны з гэтай істотай кожны дзень падрывала мне псіхіку. Напрыклад, магу згадаць адзіны выпадак, калі на промцы ён адмыслова штурхнуў мяне на зняволенага з нізкім статусам — і я толькі цудам вывернуўся ад сутыкнення, якое магло пацяг-

нуць для мяне непрадказальныя ўскладненні. Усё гэта суправаджалася яго дэбільным смехам — для яго гэта была забаўка. Не ведаю, рабіў гэта ён па ўласнай ініцыятыве або выконваў чыюсьці просьбу стварыць мне невыносныя ўмовы. Натуральна, што ў брыгадзіры прызначалі толькі тых, хто зможа прымусіць вельмі складаны кантынгент выконваць вытворчы план. І на гэтую пасаду былы сутэнёр (па старых паняццях, як мне казалі, не самы паважаны сярод крымінальнікаў артыкул), фізічна моцны, не абцяжараны адукацыяй ці культурай, гатовы з любой нагоды не задумваючыся прымяніць сілу, падыходзіў ідэальна.

106 Многія зняволеныя скардзяцца на праблемы са страваваннем — выкліканыя яны і недастаткова разнастайным харчаваннем, і адсутнасцю вітамінаў, і тым, што гэтае харчаванне — самыя танныя прадукты. Напрыклад, чуў пра нейкі неверагодна танны і шкодны для арганізма тлушч і пра кансервы, прызначаныя для кармлення пушных звяроў. Ёсць у стрававання ў зоне, кажучы вобразна, і яшчэ адзін непрыемны бок — гэта паход у прыбіральню. У нашым атрадзе на 100 чалавек было ўсяго 5 «талчкоў» (г. зн. гэта былі не ўнітазы, а проста дзіркі ў падлозе) — адзін з якіх быў адведзены для касяка. Мала таго, што тут пастаянна была чарга, дык яшчэ гэтыя пасадачныя месцы, размешчаныя тварам да агульнага ўвахода ў санвузел, дзе размяшчаліся і рукамыйнікі, не мелі дзвярэй (!) — прыходзілася спраўляць натуральныя патрэбы фактычна на вачах іншых арыштантаў, седзячы на «подыуме». Усё ж такі да падобнага нельга прывыкнуць адразу, таму я стараўся наведваць гэтае месца, калі тут было па магчымасці менш людзей. Акрамя таго, асуджанаму нельга дакранацца ні да

чаго ў прыбіральні — асабліва змываць або падымаць прадметы, якія падалі на падлогу. А паколькі змывам займаўся зняволены з нізкім статусам, які не мог стаяць тут дзень і ноч, то можна ўявіць, у што часам ператваралася гэтае месца. Наогул для зняволеных мача — адна з «патаемных» вадкасцяў, выпадкова дакрануўшыся да якой можна страціць свой статус. Для нармальнага чалавека большасць падобных правілаў успрымаюцца як правілы папуасаў-людаедаў.

107 З брыгадзірам Максімам мяне пасадзілі за адзін стол у сталовай. Таксама слаба верыцца ў такую выпадковасць.

108 Начальнік прапанаваў мне кампраміс: зараз я здам ім аналіз (маўляў, яны могуць яго ўзяць і без маёй згоды), а я потым у лістах напішу, што мяне тут прасуюць. Адзіным сэнсам яго фразы я ўбачыў яго жаданне, каб я як мага больш пісаў пра тое, што мне тут вельмі дрэнна, што на мяне ціснуць. Мяркуючы па ўсім, менавіта такі загад яны атрымалі — і гэта ўкладвалася ў адзін шэраг з маім незразумелым пераводам у іншую брыгаду.

109 У нейкі момант многія звёны склаліся ў адзін ланцужок: перавод у іншую брыгаду, просьба начальніка, каб я пісаў у лістах, што мяне прасуюць, потым гэтае пытанне, ці прасуюць мяне, і да т. п. Падобна на тое, што ўжо тыдзень таму да іх прыйшло нейкае распараджэнне — падрыхтаваць мяне да падобнай гутаркі, каб быў больш падатлівым. Чалавек у цывільным прафесійна разгаварыў мяне, пачаўшы здалёку, а ў патрэбны момант лагодна спытаў, ці хачу я дапамагчы маёй маме. Вядома, з маіх лістоў яны выдатна ведалі сітуацыю ў маёй сям'і. Я спытаў: «А што для гэтага трэба зрабіць?» — «Трэба купіць латарэйны білет». — «І што менавіта?» —

«Трэба напісаць на памілаванне...» — «Але ж я не прызнаю сваю віну». — «Можна папрацаваць над фармулёўкай...» Потым мне далі нейкі ўзор, з якога я перапісаў усё, што палічыў патрэбным, больш напісаўшы пра сваю навуковую працу і іншае. Цяпер ясна, што ўсяго гэтага можна было і не пісаць. Усё ўжо было вырашана. Як пасля аказалася, я мог бы не пісаць наогул і выйсці незламаным героем, але ў мяне ўжо не было сіл. Тым больш, што ад мяне і не патрабавалі ніякіх пакаянняў і адрачэнняў. З іншага боку, у мяне ніколі не было ілюзій адносна гэтых турэмшчыкаў, і я ведаў ужо на прыкладах і маёй адмовы ад працы, і адмовы здаць аналіз ДНК — яны ўсё роўна не адступяць і будуць ціснуць. Ведаю, што аднаму, хто адмовіўся ад напісання на памілаванне, проста сказалі, што ён заедзе да пеўняў. І чамусьці ў мяне няма сумненняў, што так бы і было. Ведаю, што і Андрэй Пратасеня адразу адмовіўся ад прашэння і быў пераведзены з аднаго — «элітнага» — атрада ў другі — звычайны. Тады я ўбачыў яго на промцы. Атмасфера ў атрадзе моцна адрознівалася ад даволі камфортнай камеры № 18 або каранціну. Я адчуваў, як, незразумела адкуль, узнікалі канфлікты з многімі людзьмі, як нарастала агрэсіўнасць брыгадзіра, заўхоза і яго актыву. І нават месяц у такой атмасферы быў бы даволі цяжкім выпрабаваннем, а ўжо калі пачалі рэальна прасаваць, то такі слабак, як я, дакладна б не вытрымаў. Мае сілы скончыліся — Міклуха-Маклай, каб не быць з'едзеным, павінен быў своечасова пакінуць выспы з дзікімі плямёнамі.

110 Падобна на тое, што з самага верху паступіла даручэнне: памілаванне любой цаной. Таму ўсё рабілася, як атрымлівалася: з парушэннем дзясятка законаў і дробных інструкцый. Сам парадак, сама

логіка прашэння была парушаная — яны самі прыехалі да мяне. Як я зразумеў, маю заяву ўжо павезлі на высокі подпіс — хоць яшчэ не было зроблена некалькіх першых крокаў: не было нават маёй заявы начальніку калоніі, не была скліканая камісія, не было яе рашэння, што я выправіўся, ды і віну сваю я не прызнаваў .

111 У калоніі было дзіўнае правіла, што я мог для званкоў дадому карыстацца толькі карткай, набытай у самой зоне. А паколькі я яшчэ ні разу не хадзіў на атаварку, то і тэлефанаваць мне не было чым. У сувязі з распачатым рамонтам да мяне звярнуўся адзін з актыву і сказаў, што трэба столькі і столькі пачкаў цыгарэт. Я пагадзіўся, але пры ўмове, што ён арганізуе мне званок дадому. Падобна на тое, калі б гаворка ішла пра кагосьці іншага, то ўсё б атрымалася. Але наш атраднік, асцерагаючыся магчымых праблем пасля майго званка, не даў мне патэлефанаваць па чужой картцы. Пасля гэтага я палічыў, раз актывіст не выканаў сваё абяцанне, то і я вольны ад свайго. Але дзе там! Гэта і стала прычынай канфлікту з усім актывам атрада.

112 Гумен Гушанг Гарбаніджад яшчэ раз даказаў, які цесны наш свет, — ён быў хірургам у нашай паліклініцы, знаёмым з многімі маімі суседзямі. Сам Гумен прыехаў з Ірана, вучыўся ў мядінстытуце, быў вельмі добрым хірургам — і раптам папаўся за хабар. Было некалькі дробных эпізодаў, ледзь не на ўзроўні шакаладкі, за што ён атрымаў тры гады. І выдатны хірург вымушаны быў збіваць скрыні — ва ўсіх лагерных шпіталях Беларусі для яго не знайшлося месца. Па сутнасці, Гумен і стаў ва ўсім атрадзе адным з нямногіх, з кім можна было пагаварыць.

113 Выходзіла, што я адправіў прашэнне аб памілаванні на імя Лукашэнкі 5 жніўня.

114 У зоне афіцыйна не ходзяць ніякія грашовыя знакі — іх замяняюць пачкі цыгарэт. Ва ўсяго ёсць цана ў цыгарэтах. Памыць падлогу, падзяжурыць, купіць гарнітур са швейнага цэху і да т. п. Як і ў рэальным грашовым абарачэнні, купюры маюць розную велічыню. Самыя танныя цыгарэты — гэта «палавінкі», потым «адзінкі» і да т. п. Ужо не памятаю, што за крутыя цыгарэты я аддаў заўхозу, але пацягнулі яны аж на «чацвёрачку».

115 У мяне з дзяцінства прыступы мігрэні, калі нечакана я губляю на паўгадзіны-гадзіну зрок — у вачах з'яўляюцца «маланкі», нібы паглядзеў на спіраль лямпачкі, пакідаючы толькі невялікія ўчасткі, дзе я нешта бачу. З-за гэтай хваробы мяне нават не ўзялі ў войска. Звычайна гэта бывала некалькі разоў у месяц. Выкліканы прыступы ў асноўным недасыпам, дрэнным харчаваннем або стрэсам. Натуральна, што на зоне хвароба абвастрылася, бывалі дні, калі прыступы здараліся па два разы на дзень, — і пры гэтым я, вядома, не мог пакінуць працу і, амаль сляпы, працаваў на дрэваапрацоўчым станку.

116 Для вызвалення трэба запоўніць стандартны абыходны ліст, каб, не дай бог, не вынес нешта з лагера.

Слоўнічак

Не стаўлю задачу стварыць яшчэ адзін слоўнік турэмнай мовы, тут толькі словы, якія сустракаюцца ў тэксце (так, як словы ўспрымаліся на слых; магчымы некаторыя варыяцыі напісання):

Баландёр / баландзёр — асуджаны, па нейкіх прычынах пакінуты пасля прысуду працаваць у СІЗА, выконваць розныя работы, у тым ліку па раздачы ежы.

Броня / браня — бетонная сцяна, адгароджваецца санвузел.

Вата / вата — матрац.

Весло / вясло — лыжка.

Дорога / дарога — спосаб сувязі паміж камерамі.

Зэчка / зэчка — кубак.

Зэчки / зэчкі — лагерныя чаравікі.

Кабан / кабан — перадача.

Касатка / касатка — касацыйная скарга.

Килешевать / кілешаваць — змешваць, пераліваць (напрыклад, пераліваць чыфір з кубка ў кубак, каб астудзіць), мяняць месцамі (напрыклад, пераводзіць арыштанта з камеры ў камеру).

Кешар / кешар — сумкі.

Козёл / казёл — зняволены, які супрацоўнічае з адміністрацыяй.

Конь / конь — 1. зняволены, які за ўзнагароджанне выконвае працу за іншых; 2. доўгая вяроўка для сувязі паміж камерамі.

Кормушка / кармушка — адкідное акенца ў дзвярах.

Косяк / касяк — асуджаны з нізкім статусам.

Кубрик / кубрык — секцыя, пакой для пражывання ў лагеры.

Локалка / лакалка — абмежаваны (лакальны) участак у лагеры, як правіла, прызначаны для аднаго або некалькіх атрадаў, адкуль можна выйсці і куды можна трапіць толькі праз ахоўныя вароты.

Малява / малява — ліст, запіска.

Метла / мятла — язык. Выкарыстоўваецца ў словазлучэннях: «сачы за мятлой», «пацягнуць за мятлу» і да т. п.

Мойка / мойка — рэжучая прылада, вырабленая са станка для галення.

Мужик / мужык — самы распаўсюджаны лагерны статус: зняволены, які не належаў да блатнога свету.

Назначёнка — пастанова аб прызначэнні судовага паседжання.

Обезьянник / абязьяннік — камера ў аддзяленні міліцыі.

Осуждёнка / асуджанка — камера для ўжо асуджаных, якія чакаюць зацвярджэння прысуду і этапу на зону.

Отоварка / атаварка — турэмная або лагерная крама.

Отсаженный на кружку / адсаджаны на кружку — зняволены з нізкім статусам.

Отстойник / адстойнік — невялікая камера для часовага размяшчэння зняволеных.

Пальма / пальма — нары на трэцім узроўні.

Первоход / першаход — упершыню асуджаны.

Продлёнка / прадлёнка — пастанова аб прадаўжэнні часу ўтрымання пад вартай.

Резка / рэзка — рэжучая прылада — або металічная, або нітка для наразання хлеба.

Рeснічкі / раснічкі — гарызантальнае металічнае жалюзі на акне турмы, якое не дазваляе глядзець з яго прама, а толькі ўніз.

Решка / рэшка — краты.

Стакан / стакан — вельмі маленькая камера для часовага размяшчэння зняволенага.

Терпила / цярпіла — пацярпелы.

Хата / хата — камера.

«Химия» / «хімія» — від пакарання ў выглядзе абмежавання волі, а таксама адмысловае месца, куды накіроўваюць «хімікаў».

Чифир / чыфір — моцна вараны чай.

Шконарь, шконка / шканар, шконка — нары.

Шлёмка / шлёмка — металічная талерка.

Шлёпало / шлёпала — чалавек, які не адказвае за свае словы ці не выконвае свае абяцанні, не годны даверу.

Шмон, шмонать / шмон, шманаць —ператрус, абшукваць.

Последнее слово[1]

Высокий суд, участники процесса, друзья! Когда ты находишься в этой клетке и тебе предоставляется последнее слово, то невольно воспринимаешь слово «последнее» буквально, потому что понимаешь, зная то место, куда ты отправишься, что, возможно, тебе больше не будет предоставлена возможность как-то высказаться, прояснить свою позицию... Всю мою жизнь, 40 лет, я не готовился к тюрьме. Я не вёл такой образ жизни, я обходил стороной какие-то блатные компании, для меня это совершенно несвойственно. Но, в общем-то, судя по всему, ближайшие 3–4 года мне не придётся выбирать общество для общения, поэтому хочется сказать многое, и надеюсь, что я не покажусь слишком многословным.

Для меня, как историка, то, что я сейчас наблюдаю, и та ситуация, в которой я сейчас оказался, просто, можно сказать, подарок судьбы. В том плане, что словно на какой-то машине времени мы все перенеслись в 38-й год. ***И мы не читаем в книгах, не читаем в газетах об этом, а вот я сейчас стою реально в клетке за то, что я люблю Беларусь, за то, что верю в будущее Беларуси.***

[1] Последнее слово записано с аудиозаписи, сделанной журналистами радио «Свабода», – жирным курсивом выделены строки, «волшебным образом» не попавшие в протокол судебного заседания.

Конечно, когда (я всё-таки человек взрослый), когда ты понимаешь, кто пришёл к власти в стране, когда этот человек говорит, когда с восторгом отзывается о порядке, ***который был при Гитлере, или восторженно говорит о порядке, который был при Сталине,*** можно сразу понимать, что тебя ждёт. Надо сразу брать вещи и уезжать из этой страны, потому что рано или поздно ты окажешься или среди жертв, или среди палачей. То, что мы видим в нашей стране, может быть, действительно, я слишком близко к сердцу воспринимаю. Опыт моей семьи показывает, действительно, что как только к власти приходят такие люди, надо уезжать. Во время сталинских репрессий была уничтожена моя семья…

Судья А. Булаш перебивает:

— Дмитрий Михайлович, я вас перебью. Вам предоставляется последнее слово в рамках того уголовного дела, которое является предметом судебного разбирательства.

— Я говорю по мотиву.

— Так вы то, что говорите, связывайте с тем обвинением, которое вам предъявлено. Это прямо указано в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь. Продолжайте.

— Всё-таки хочу повторить, что во время сталинских репрессий была уничтожена моя семья, мои предки. Они были обыкновенными крестьянами, жили они на той земле, которая сейчас называется Дрозды — резиденция президента. Вся эта земля принадлежала им. И вся их вина была в том, что они действительно умели работать… Так получилось, что могилы их неизвестны, где-то в Архангельском крае все они сгинули. И вот поэтому я не могу относиться к тому, что происходит в нашей стране, как-то отвлечённо.

Да, у меня был шанс. Я семь лет жил в России. У меня было всё, практически: у меня была хорошая ра-

бота, я получал деньги, которых здесь до сих пор даже в планах на 2015 год не пишут, у меня была любимая девушка, у меня была квартира в центре Москвы… Но всегда хотел сделать что-то большее в этой жизни… И вот я действительно совершил большую ошибку, что вернулся сюда. Потому что я хотел работать для Беларуси, хотел реализоваться как учёный.

И вот всего лишь три месяца как я «в политике». До этих пор я никогда не интересовался политикой, для меня всё это было… На выборы 2001 года я не ходил, моя мама проголосовала с моим паспортом за Лукашенко. Ну вот, наверно, и за это приходится мне отвечать.

На выборах 2006 года, как я уже сказал, сам Александр Григорьевич признал, что он выборы сфальсифицировал… ***Факт есть факт: выборы 2006 года были сфальсифицированы. Про выборы 2010 года он сам сказал недавно. Обращаясь к народу с посланием,*** он сказал: «А спросите у своих знакомых кандидатов в президенты, сколько из них собрало сто тысяч подписей?» ***Т. е. он говорит, сам, открыто, что среди кандидатов в президенты были зарегистрированы люди, которые не собрали сто тысяч подписей. Т. е., условно говоря, мы поступаем в институт, сдаём экзамены вступительные на двойки, и нас… принимают. Как это произошло? Почему это произошло?*** Т. е. речь идёт не о каких-то нарушениях на каком-то отдельном участке, ***где там какой-то председатель избирательной комиссии написал пару цифр.*** Это речь о нарушениях, которые влияют полностью на всю избирательную кампанию. Поэтому я считаю, что у нас у всех, у всех, кто вышел на Площадь, у нас был действительно серьёзный повод.

Я не говорю о каких-то мелких нарушениях, которых там сотни и тысячи, которые есть в отчётах ОБСЕ, Хельсинкского комитета и других наблюдате-

лей. Т. е. я хочу сказать, что действительно у нас был повод выйти на Площадь. Никто не планировал никаких экстремистских действий, если б мы шли на Площадь… Я б не брал с собой мегафон, а брал бы ***штык-нож, что-то другое, чтоб избивать людей. Это абсурдное обвинение. Т. е. я бы признал свою вину…*** Мне ***следователь на стадии следствия сразу*** сказал: ***не признаешь себя виновным — три с половиной года,*** признаешь — три. ***Вот и всё. Я бы признал себя виновным, если б это обвинение хоть как-то соответствовало тому, что я сделал.*** Но только 99% всего обвинения не имеет никакого отношения ко мне. Оно просто фантастическое какое-то. ***Вот эти приготовления к поджогам, погромам, насилию над личностью...***

Я не вижу ни одного пункта, который бы я нарушил. По видеозаписи отлично видно, что я подошёл к двери, ***не когда там начали бить первые люди, не когда там эта толпа штурмовала, я подошёл туда последним,*** когда уже спецназовцы высаживались. Т. е. я уже не мог ни проникнуть внутрь, в Дом Правительства, я не мог разрушить ни его, ни ту доску, при всём моём желании, потому что спецназовцы уже бежали. На видео видно, что я нанёс эти три удара, и меня сразу же смыло этой спецназовской волной. Своё наказание я получил «не отходя от кассы», на месте. Мне нанесено было несколько ударов. Я не оспариваю, я действительно совершал какие-то действия, но я сразу получил по голове, по спине. Потом я отбыл 10 суток административного ареста в Жодино, сейчас я уже четвёртый месяц сижу в СИЗО.

За это время мы писали жалобы, чтоб я мог выйти, завершить какие-то свои дела, закончить книгу, которую начал писать, в издательство отнести. Меня считают каким-то злостным преступником, который сейчас всё бросит и убежит куда-то. У меня уже была возможность

жить за границей, я уже там пожил. Я хочу жить в Беларуси, я хочу работать на Беларусь. Прошу суд, чтоб мне предоставлена была такая возможность. Я не экстремист, не преступник, я человек, который действительно любит эту страну.

И я считаю, что наши действия, которые мы совершили, были совершены в обстановке крайней необходимости. У нас не было другой возможности как-то привлечь внимание к этой ситуации, которая сложилась в нашей стране. Это крайняя необходимость, и путём выхода на Площадь мы хотели предотвратить гораздо большее преступление, которое, естественно, не является предметом исследования в данном суде, но оно очевидно.

Оно очевидно всему миру, оно очевидно Европе, США. Только у нас в стране действительно никто ничего не видит, все называют белое чёрным, чёрное — белым, все довольны… Включаешь белорусское телевиденье, на самом деле не случайно его начали называть «Геббельс-ТВ» — такой поток грязи, такой поток лжи… Если у человека есть хоть какое-то понятие о культуре, образование, какие-то ценности, то нельзя то, что происходит в нашей стране, воспринимать как нормальную ситуацию.

Конечно, я получил хороший урок. Четыре месяца я нахожусь в очень тяжёлых условиях СИЗО. Неслучайно в советские времена год в СИЗО считался за два на зоне. Камера переполнена, 24 человека спят по очереди. 24 человека! Я человек некурящий, я нахожусь в этой газовой камере. Четыре месяца я не могу дышать нормально. И день и ночь горит свет. Я лишён сна, лишён возможности дышать. Неужели для государства этого недостаточно и нужно ещё меня наказать? Сейчас у нас в камере обнаружили туберкулёзного больного, нас всех поставили на карантин. Мы все находимся в страхе, что

оттуда кучу болезней привезём. Ну что ещё нужно сделать для Родины? Неужели так нужна моя кровь за эти три удара? Я, конечно, с уважением отношусь к господину обвинителю, но за три удара по доске три года — это, конечно, перебор. Я думаю, что всем здесь всё понятно и все делают вид, все молчат.

У меня не было никакого желания проникать туда. Я повторюсь, что в тот момент уже всё было ясно. Т. е. выгружался спецназ. То, как спецназ выгрузился…

Как говорят потерпевшие: рассекли толпу, оттеснили толпу… Красиво. А как происходит рассечение толпы? Это значит, они клином бегут и налево и направо раздают дубинками… Кто там попался, их абсолютно не волнует. Они не могут останавливаться, потому что, если один останавливается, на него набегают те, кто бежит за ним, они там сами падают. Как неоднократно они сами говорили: поскользнулся, упал, на него упали. Т. е. попадаются под дубинки все. И поэтому мирный митинг, но в каких-то местах, я абсолютно уверен, возникло сопротивление…

Попытка прорыва… Да никому этот прорыв не надо был. Не было никакого плана штурмовать Дом Правительства. Если б был какой-то приказ, если б люди решили штурмовать — кругом окна, кругом плитка, там не надо было этих ломов приносить. Расковыряли бы моментом эту мостовую, забросали бы этих, сколько их там было, сто омоновцев. Ну, сто человек сдерживало стотысячную толпу или десятитысячную толпу. Это абсурдно.

Люди были действительно настроены мирно, пока их не начали бить дубинками. Не случайно при всём отличном, хорошем настроении людей на площади, когда появился спецназ, стали скандировать: «Фашисты». Потому что нельзя так. Люди выбежали — слева, справа —

все в крови. Лежачий — упал человек — один пробежал, ударил, второй пробежал, ударил. Человек уже лежит, не подаёт никаких признаков, и всё равно каждый должен его ударить.

Это есть на видео. Я понимаю почему, наверно, господин обвинитель не хочет смотреть это видео. Т. е., конечно это происходило, и у каких-то людей было желание защититься. Агрессия всегда вызывает ответную агрессию. Здесь работники милиции говорят: оттеснили. Что значит «оттеснили»? Это они идут и щитами двигают толпу и бьют дубинками. Кому попало — всё равно. Т. е. вы должны отодвинуться.

Поэтому каждый должен отвечать за то, что сделал. Я не отрицаю свой поступок, его нельзя назвать правовым, но, извините меня, оценить этот поступок в три с половиной года… Я ничего не нарушил, я ничего не поджёг, к этой статье это не имеет никакого отношения. Просто иногда, действительно, когда тебя переполняет, надо подойти и просто по чему-то стукнуть. Т. е. в тот момент, когда я подошёл, было абсолютно ясно, что это уже всё.

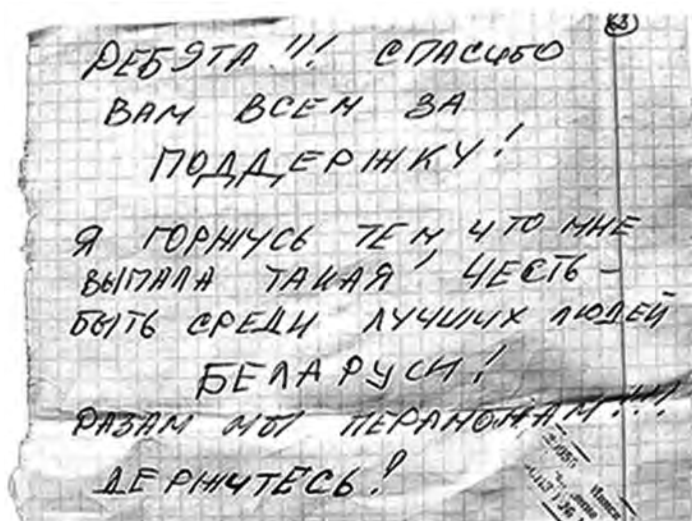
Я не знаю, если есть возможность, я прошу высокий суд дать мне, может быть, восемь лет, пускай, может быть, десять, пятнадцать, но именно ограничения свободы, чтоб я мог работать, продолжать свои творческие планы, которых очень много, а жизнь человека не бесконечна. А нам дают сроки, как будто человек вечен, как будто три года ничего не значат. Простите за немножко эмоциональное выступление, но, на самом деле, да, есть преступление какое-то, но должно ж как-то соизмеряться с ним наказание. Если нет этого соизмерения, то человек чувствует, что он наказан несправедливо. А если нет веры в справедливость, человек просто теряет веру во всё.

Я считаю, что я уже достаточно наказан. Ещё в СИЗО я упал, у меня перелом носа, сотрясение мозга, но там

никого это, конечно, не волнует. Сделали снимок — перелом, но главное, чтоб не было никаких претензий. То есть я уже действительно своей кровью заплатил за эти три удара.

Я не знаю, почему обвинение такое кровожадное. Наша страна такая богатая, такая сильная, самая лучшая в мире… И вдруг за 12 миллионов нам надо 50 человек посадить, каждому дать от трёх до пяти! 250 лет жизни надо потратить, чтоб искупить вину за эти четыре ёлочки и четыре окна.

05.05.2015

РЕБЯТА!!! СПАСИБО
ВАМ ВСЕМ ЗА
ПОДДЕРЖКУ!

Я ГОРЖУСЬ ТЕМ, ЧТО МНЕ
ВЫПАЛА ТАКАЯ ЧЕСТЬ —
БЫТЬ СРЕДИ ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ
БЕЛАРУСИ!
РАЗАМ МЫ ПЕРАМОЖАМ!!!
ДЕРЖИТЕСЬ!

Письмо маме

Ребенком я был достаточно диким — не любил телячьи нежности: обнимания, поцелуи, ласковые слова, считая обязательным демонстративно вытереть щёки после всех этих лобызаний. С возрастом и эти проявления ласки были сведены к нулю. Разве что перед долгим расставанием, например перед моей поездкоё дикарём в Африку или гастарбайтером в Москву, где я пропадал по полгода, а то и дольше, мы обнимались с тобой, мама, в прихожей. Так было и 19 декабря 2010 года. Я знал, куда я иду. Что к Минску стянуты войска, что в городе водомёты для разгона демонстрации... И это на 10–20-градусном морозе... Знал, что не дрогнет голос у главнокомандующего, приказывая открыть огонь или воду. Я не знал, вернусь ли я домой. Было страшно, и ты не пускала меня. Точнее, зная, что меня не остановить, сделала попытку задержать. Но я ушёл, взяв с собой мегафон — тот самый, что потом будет мелькать на видео и упоминаться в обвинении и приговоре.

Потом были десять суток в Жодино, месяц свободы и ещё одно прощание в прихожей на виду у двух работников милиции, приехавших в семь утра, чтобы вызвать меня как свидетеля. И долгий путь в полгода от СИЗО-1 до ИК-2... Не знаю, сколько слёз ты пролила за это время, сколько раз домашние просыпались от твоего плача,

сколько раз ты сбивала невероятно высокое давление, сколько раз вызывали скорую... Ты не пишешь мне об этом, оберегая от боли, что тебе сейчас очень плохо, очень тяжело, но не случайно в письмах замелькало «лечь на обследование». Знаю, как ты боишься врачей и ляжешь в больницу только в самом крайнем случае. Страх твой вполне обоснован: неверные диагнозы, неудачные операции и ранние смерти преследуют нашу семью. Твоя мать, отец и старший брат умерли в результате медицинских ошибок. Твой муж — мой отец — умер скоропостижно, не дожив пару дней до своего сорокалетия. Тогда мне было 18, теперь почти как ему — 38 лет, и, если верить приговору, своё сорокалетие я встречу на зоне.

После смерти мужа ты так и не вышла второй раз замуж, твоей жизнью были и есть твои дети — я и сестра Наташа, а теперь и внуки Лёша и Илья. Ты всегда говоришь: «Для меня счастье, когда все дома». Знаю, как ты мечтаешь, что я женюсь, как хочешь дождаться внуков. Но теперь я далеко от дома, ещё дальше — от осуществления твоей мечты.

Хоть так часто ты не понимала меня: моих стихов не читала, не разделяла желание окончить вуз, издать книгу, не приветствовала мои траты денег на путешествия и книги вместо ремонта, мебели и одежды. Но ты всегда понимала: это моё решение, моя жизнь. И теперь мне хочется верить, что, когда многое из задуманного мной удалось, ты хоть чуточку гордишься мной и рада, ведь я жил так, как хотел, я был счастлив. И даже теперь, когда я на зоне, получая сотни и тысячи добрых слов из разных стран мира от самых влиятельных людей планеты, надеюсь, ты понимаешь, что мы правы.

Страшно признаться почти в 40 лет, что для меня сейчас единственное ценное — это ты, мама. Что уже в возрасте, когда сам мог стать дедом, как маленький

мальчик, боюсь, что с тобой может что-то случиться. Когда-то давно в детском саду на вопрос воспитательницы, чего бы мы попросили у волшебника, когда все наперебой закричали: «Игрушки, мороженое...», я сказал: «Хочу, чтобы мама никогда не болела и не умирала...»

Сейчас сотни забот легли на тебя. После тяжелейшего для тебя испытания — моего суда и приговора, когда, казалось бы, что хуже уже некуда, жизнь нанесла тебе ещё один удар: на трассе Гродно — Минск был найден мёртвым твой младший брат. Причина смерти не установлена. Потом смерть мужа тёти, и опять похоронные хлопоты... Как ты всё это выносишь? Где, такая маленькая, слабая, берёшь силы? Знаю, как часто из-за болезни ты не можешь дойти до нашего магазина и возвращаешься с полпути, почти теряя сознание. Знаю, что куда б ты ни шла, у тебя всегда с собой лекарства. Знаю, каким подвигом было для тебя приехать ко мне на суд, чтоб увидеть меня в наручниках и в клетке, а потом, так боящейся замкнутых пространств, приехать на свидание со мной на Володарку. Знаю, что сейчас, когда рухнуло «экономическое чудо», ты, пенсионерка, пошла на работу, чтоб выжить и помогать мне. Благодаря тебе я сегодня пил чай с конфетами. Знаю, что вряд ли ешь их сама, отказываясь от вкусненького в пользу детей и внуков. Твоя способность к самопожертвованию ради близких, любимых безгранична, твоё умение создать для них уют, материальный (никто так вкусно не готовит, как ты!) и психологический, невероятна! У тебя нет врагов, тебя очень сложно разозлить, ты всегда выслушаешь и дашь совет. И я знаю, что, преследуя свои цели, я смог и смогу в жизни очень многое, но не смогу любить так, как умеешь ты — просто, ежесекундно, как дышишь. И эта любовь к нам, детям, внукам, и есть твоя жизнь. И никто и никогда не сможет любить меня — такого сложного — так, как ты. Пока есть ты, я не одинок. И даже здесь, на

зоне, однажды в окне я увидел тебя. Это была даже не секунда — мгновение. Плохое зрение, игра света и тени, блик на стекле... Я не знаю, что это было, но я увидел и узнал тебя. Точно так, возвращаясь поздно вечером, я видел свет в окне на кухне и знал, что ты ждёшь меня, чтоб я не лёг спать голодным. А что я могу сделать для того, чтобы ты была счастлива, чтобы хоть на минуту ты засияла от радости и мы радостно обнялись уже не перед разлукой? Может быть, мои слова придадут тебе немного силы и ты, как бы ни был долог мой срок, дождёшься меня. И мы все будем дома, и ты, моя матулька, будешь счастлива и спокойна.

У серыі
«Беларуская турэмная літаратура»
выйшлі кнігі:

1. Зміцер Дрозд. **Бунт батанікаў.** Дзённік. 2017

Серыя
«Беларуская турэмная літаратура»

Зміцер Дрозд

Бунт батанікаў

Дзённік

Вёрстка:
Віктар Корзун

Вокладка:
Віктар Корзун

Карэктар:
Алена Сяргейчык

Наклад 500 ас.